

ЛЕОНИД ФОМИН

КОКУЙ-ГОРОДОК

Леонид Фомин

КОКУЙ-ГОРОДОК

Повесть

СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1964

Для среднего школьного возраста

В народе живет много легенд о Ермаке. В одной из них рассказывается о пещере, в которой будто бы жил Ермак во время стоянки на Кокуе. На поиски этой легендарной пещеры вместе с отрядом юных краеведов отправился и молодой писатель Леонид Фомин.

Повесть «Кокуй-городок» представляет собой беллетризированный рассказ об этом походе, полном интересных, порой загадочных приключений. Книга содержит много ценного познавательного материала.

Клуб следопытов

В просторной пионерской комнате было тесно.

Нет, это был не сбор и не заседание совета дружины. Ребята пришли сегодня на первое собрание клуба, название которому еще не придумано.

За окном ласково голубело небо, в молодой тополевой листве шумно возились воробьи, щебетали пролетавшие ласточки. Где-то наверху, под карнизом, томно ворковал голубь. С птичьими голосами в комнату вливался запах свежей зелени. Хорошо, привольно! Особенно сейчас, когда позади все занятия и контрольные, а впереди — каникулы. Высокая темноглазая девчонка, с коротко подстриженными волосами, говорила о работе кружков. О том, что кружки эти работают вяло, не интересно, а летом и совсем замирают.

— И не будут работать интересно,— взволнованно повторила она,— не будут, потому что мы — неорганизованный народ, то есть недружный...— Я не знаю, как лучше сделать, но думаю, что все кружки наши надо соединить в один. И будет это клуб. И еще. Обычно уезжают ребята в пионерские лагеря и обо всем забывают. А мы должны сделать так, чтобы члены клуба и там работали. Вот, например, разве зоологам нечего делать в лагерях? Или ботаникам? Да всем полно работы.

Это Тамара Галчук, член совета дружины. Она всегда что-нибудь предлагала, что-нибудь придумывала. А как начнет говорить — речь целая. И все складно. Так не каждый умеет.

Тамара умолкла, вопросительно посмотрела на ребят. За крайним столом со скучающим видом сидел краснощекий крепыш Павлик Назаров и что-то лениво чертил на листке бумаги. Казалось, его здесь ничто не интересует. Но это только казалось. На самом же деле Павлик слушал внимательно. Вот он поднял голову и спросил, сильно заикаясь:

— А ка-как насчет п-путешествий? Зоологам б-будет хорошо, ботаникам — тоже, а т-тем, кто хочет п-путешествовать?

— Всем дело найдется! Только надо, чтобы была польза от этих путешествий. Ведь ходили же в прошлый год на известковый карьер. Помните, сколько минералов собрали? Нынче мы сделаем по-другому: заведем специальную книжку и в нее запишем все, что увидим и узнаем за лето. А если узнаем что-нибудь важное, то книжку отдадим в краеведческий музей.

Тут вскочила Ира Сергеева. Привычным движением головы закинув русые косички за плечи, она с жаром начала:

— Я не согласна сдавать книжку в музей. Она нам самим пригодится. Лучше мы сделаем свой музей... Ну, пускай не музей... наподобие... И заведем такие же отделы, как в настоящем — исторический, природа края и все, все...

Выпалила, как из пулемета, и села, оглядываясь на ребят, словно спрашивая всех враз: «Правильно я сказала?»

— Шибко рано г-говоришь о м-музее,— пробормотал Павлик Назаров, так же, как первый раз, не поднимаясь с места и ни на кого не глядя,— н-не подстрелила, а уже отеребила...

Павлик любил всякие поговорки и всегда смешил ими ребят.

— Тогда скажи ты,— в голосе Томы прозвучал вызов.— Что ты предлагаешь?

— А что я с-скажу? — шумно поднимаясь из-за стола, заговорил Павлик.— П-пока и г-говорить об этом рано. М-музей, м-музей, музей... Что толку в разговорах? Н-надо за д-дело приниматься... Клуб так клуб. Договориться, к-какие будут секции, выбрать в-вожаков.

— Точно сказано! — выкрикнул Ванек Савельев, маленький вихрастый паренек, шустрый, как воробей. Но тут же умолк и безвольно опустил плечи, почувствовав на своем колене руку соседа, черноволосого, нарядного Вадима Брауна.

— Дайте мне слово! — Вадим поднялся, ладный и стройный с упрямым росчерком густых бровей, с тонкими бледными губами. Одернул выпущенную поверх брюк клетчатую рубашку, обвел взглядом сидящих.— Я, по своей натуре, путешественник. Много ходил, много видел. Предлагаю создать при школе расширенную туристическую секцию, которой я согласен руководить... Я поведу туристов по нехоженым тропам, покажу тайники природы. Но с условием. Первое — в члены секции людей выбираю я сам. Второе — мне, как вожаку, должна быть предоставлена свобода действий...

И Вадим сел, бережно положив на спинку стула руку с видом человека, знающего себе цену.

Павлик засопел и заворочался.

— Не пойдет так! — решительно сказал он.— Ты уже водил нас, х-хватит! Условия не принимаем.

— Что хватит, что не принимаем?— перебил Вадим.— Да я вам хочу передать свой опыт...

— Мы сами опытные, не надо нам твоих услуг,— быстро заговорила Ира, поблескивая прищуренными глазами.

Вадим круто повернулся к Ире, готовый сразить ее хлестким, всегда имеющимся в запасе словцом, но не успел: из-за стола, что стоял у самого порога, поднялся светловолосый, завидной выправки паренек. Рубашка-косоворотка плотно облегала его тугие, широкие плечи. У него были удивительные глаза — большие, ясные, похожие на девичьи. И ресницы их опушали девичьи — длинные, выгнутые. Звали его Игорь Берсенев. С кем угодно Вадим мог тягаться и силой, и статью, но перед Игорем пасовал. Вадима обезоруживало его непоколебимое спокойствие.

— Я тоже не согласен с Вадимом,— спокойно сказал Игорь.— Вожака мы без всяких условий выберем. Может, им будет Павлик, может, Вадим или еще кто другой. В общем, не в этом пока дело.

Игорь отставил стул, вышел из-за стола.

— Давайте, ребята, назовем нашу новую организацию «Клубом юных следопытов». Подходит? Сокращенно он будет называться КЮС. Если клуб следопытский — это не только по следам ходить. Все кружки останутся, даже можно новые организовать. Например, рыболовный. Но в каждом кружке мы будем узнавать что-то новое. Значит, он все равно следопытский. Самый главный в клубе будет капитан.

После того, как Игорь рассказал, с чего, по его мнению, надо начинать работу, и сел, с минуту стояла тишина. И вдруг комната разом ожила, загудела. Ребята повскакивали с мест, кричали, спорили — всем хотелось говорить.

— Вот это идея!— воскликнула Ира Сергеева.

— Точно сказано!— звонко и радостно крикнул Ванек Савельев.

Все были согласны с Игорем. Каждый уже предвкушал счастливые дни походов. Еще бы! Кто из ребят не мечтал ходить по незнакомым землям, плавать на плотах, спать у походных костров...

Но лишь речь зашла о том, кого принимать и кого не принимать в клуб, по рядам пробежал сдержанный ропот.

— Я так предлагаю,— говорил Игорь,— в клуб могут записаться все ребята, но не двоечники и не второгодники. Это раз. Еще предлагаю, не принимать тех, кому дали работу на лето. Им не до походов — заниматься надо. А в первую очередь надо принимать хороших учеников и спортсменов. Вот Ваня Савельев. Он на лыжах лучше всех в школе ходит. Занимается спортом и Тома Галчук и Ира Сергеева. А Вадим Браун отличник...

Условия приема в клуб не на шутку озадачили Сеню Петрова, худого замкнутого мальчика, прозванного за свой непомерно высокий рост Жак-Макаронина. В глазах у него растерянность:

— У... У меня вопрос. А если у кого за первую четверть по русскому письменному двойка, так примут в клуб?

Все засмеялись, и Сеня тоже.

— Это ничего, примут, только не в первую очередь,— весело ответил Игорь. И обратился к ребятам:— Порядок такой — сейчас запишем самых надежных ребят, а остальных будем принимать постепенно.

И тут началось! Поднялся такой галдеж, что ничего нельзя было разобрать: «Запишите меня!», «Первый поход на скалы Семь Братьев», «Двоечников не принимать!»...

— Подождите!— поднял Игорь руку.— Давайте по порядку.

Ребята тесной гурьбой окружили стол Игоря. Игорь достал блокнот и на заранее разлинованном листке четко вывел:

«Клуб юных следопытов»

1. Назаров Павлик
2. Сергеева Ира
3. Галчук Тамара
4. Савельев Ваня...

Когда столбик фамилий заполнил весь листок, Игорь закрыл блокнот.

— Пока хватит.

— Как так? Это несправедливо! — закричал Мишка Власов, коренастый парень, второгодник и драчун.— Надо всех записывать, кто желает!

— Нет, не всех,— спокойно возразил Игорь.

Мишка с грохотом двинул от себя стол.

— Одних дружков своих записал! Какое ты имеешь право всякие свои законы установлять?

— Не дружков, а друзей, не установлять, а устанавливать,— поправила Ира.— В трех словах запутался, как тебя в следопыты брать?

Послышался смех. Мишка угрожающе сузил маленькие глаза, не спеша направился к выходу. Возле Иры остановился:

— Что ж, валяйте, устанавливайте.— И вдруг крикнул на всю комнату: — Посмотрим, как получится!..

О маленькой стычке забыли тут же, как только захлопнулась за Мишкой дверь. До ссор ли в такое время? Тем более, что от Мишки всего можно ожидать.

Когда дело дошло до выбора кандидатуры капитана, к председательскому столу протиснулся Ваня:

— Капитаном «Клуба юных следопытов» надо поставить Игоря Берсенева. Он хороший друг и надежный товарищ. Это уже точно! Помните, как Игорь вытаскивал из проруби мальчишку? Никто ведь не полез, лед-то был всего с палец. А он не струсил. И в походах Игорь всегда впереди, уж не подведет отряд...

Ваня собирался сказать еще что-то, но вдруг забыл все хорошие слова. И неожиданно закончил:

— Кто за капитана Игоря Берсенева?

Но поднял руку только Вадим Браун.

Капитан

В ту ночь Игорь долго не мог уснуть. «Экскурсия на Синюю гору. Лодочный поход по Чусовой. За самоцветами в Мурзинку. Нет, это все не то. Хорошо было великим путешественникам Пржевальскому, Миклухо-Маклаю, Козлову,— думал Игорь.— Жили они в такое время, когда много неоткрытого было. Узнавали новые земли, открывали неизвестных животных, изучали незнакомые народности. А теперь попробуй!»

Игорь любил вот такое позднее время, когда в доме тихо и как-то по-особому уютно. Можно мечтать сколько угодно. Воображение услужливо рисует то заснеженные просторы Арктики, то угрюмые, заоблачной высоты

горы. Уралка, вогульская лайка, привезенная братом с Севера, как нельзя лучше сопутствовала фантазии. Уж сколько раз она спасала путешественника от верной гибели, либо вывозя его, полузамерзшего, к жилью, либо приходя на помощь в самую напряженную минуту опасности...

Вот и теперь Игорь живо представил себя в походе: в сапогах с ремешками на взъеме, с палкой в руке шагает он в голове каравана завьюченных лошадей... нет, лучше оленей. Первый и испытанный его помощник — Павлик Назаров. Они останавливаются на берегу незнакомой реки и советуются, где удобнее переправиться. Утомленные переходом олени, воспользовавшись остановкой, ложатся, тяжко отдуваясь под вьюками. Игорь принимает решение форсировать реку ниже порога, там, где наносный галечник образовал длинную бурлящую шиверу. Игорь выслушивает соображения помощника — от тоже бывалый путешественник, с ним нельзя не считаться,— и они спускаются к переправе. Первой испытывает на себе силу потока Уралка. Она охотно идет в воду.

А потом чудился ночлег в лесу — палаточный городок, дымные и яркие костры, отдыхающие вокруг огня люди...

Но всякий раз Игорь заходил в тупик, как только начинал думать о том, куда и зачем он водит свои караваны. Становилось не по себе при мысли, что в действительности-то ничего нет, даже сапогов с ремешками, что все это может так и остаться мечтою.

Но все же, какой поход будет первым, что придумает он, капитан?

Кто знает, возможно, Игорь в эту ночь действительно придумал бы что-то интересное, но ему помешал брат. Он вошел в комнату за книгой. Сергей Петрович готовил научную работу. Ночами он допоздна что-то писал, обложившись книгами, картами и пожелтевшими листками каких-то старых рукописей. Через открытую дверь Игорь видел его согнутую спину в полосатой пижаме, взъерошенные волосы. Игорь думал: «Ездит в экспедиции, делает доклады, совсем, как путешественник!»

Взяв книгу в зеленом узорчатом переплете, Сергей ушел. Дверь осталась открытой, и Игорь опять видел,

как брат, ероша пятерней волосы, низко склонился над письменным столом.

Игорь не заметил, как уснул. Проснулся он в состоянии того нетерпеливо-радостного ожидания, какое обычно охватывало его утром праздничного дня. Сколько прошло времени, он не знал, но, вероятно, мало, потому что за окном было еще темно.

Брат широкими шагами расхаживал в соседней комнате и твердил одни и те же слова: «Кокуй-городок, Кокуй-городок... Чем же доказать, что это ермаковский Кокуй?»

— Ты что?— приподнявшись в постели, спросил Игорь.

— Не спишь?— удивился Сергей Петрович. И тут же спохватился:— Ну, это я виноват, братец. Я тут разговорился. Прости. Закрываю дверь.

— Нет, постой,— остановил его Игорь.— О каком Кокуе ты сейчас рассказывал?

— Э-э, братец,— это я сам с собой говорил,— привычка дурная.

— Все равно интересно, расскажи!

— Нет, спать будем. Уже поздно. А если хочешь узнать о Кокуе, расскажу завтра.

И брат прикрыл дверь.

Ни свет, ни заря Игорь был уже на ногах и сразу вспомнил ночной разговор с братом. Неожиданно возник план: в ближайшие дни Сергей собирался на Кокуй-городок. А что, если рассказать ему о «Клубе следопытов» и попросить взять с собой в поход?

Завтракали все вместе. Мать удивилась, что Игорь встал раньше обычного, но не стала ни о чем спрашивать.

Ел Игорь плохо. Сначала торопливо рассказывал о клубе, о желании ребят хоть завтра идти в поход, потом не сводил глаз с Сергея, стараясь угадать, что он ответит на просьбу.

Сергей Петрович допил чай, вышел из-за стола.

— Клуб — это, конечно, хорошая затея. А насчет похода на Кокуй-городок надо подумать. Это, друг, не простое дело.

Сергей надел пиджак, похлопал Игоря по плечу.

— Но ты не горюй раньше времени. Я сказал, что подумать надо. Значит, и вам, и мне надо подумать. А вечерком веди своих следопытов. Поговорим.

Днем Игорь оповестил ребят, чтобы вечером они явились к нему по срочному следопытскому делу. Сам он едва дождался вечера. До прихода брата оставалось еще больше часа, но Игорь не вытерпел и пошел навстречу.

На перекрестке улиц его окликнул Павлик Назаров. Возбужденный, взволнованный, Павлик принялся рассказывать, что только сейчас он своими глазами видел, как из соседней школы ушел в поход отряд следопытов.

— По-понимаешь, и Вадька Браун с ними...

Игорь недоуменно уставился на товарища.

— Не веришь? К-клянусь. Идет впереди, в той самой широкой шляпе, которую, помнишь, говорил, ему подарили на слете юных путешественников. П-посмотрел на меня с таким ехидством, даже не п-поздоровался...

— Наверно, выдал себя за бывалого краеведа, мол, все знаю, везде бывал...

— Факт!

— Ну, ладно! У нас есть дела поважнее. Идем!

И Игорь, ухватив товарища за рукав, потащил за собой.

Они подошли к университету, где работал Сергей Петрович. Потолкались в вестибюле, перечитали все объявления и снова вышли на улицу. Ребята присели на скамейку, со всех сторон окруженную буйно разросшейся акацией и сиренью. Мягкие сумерки опустились на город. На высоченной телевизионной вышке вспыхнули ярко-красные огоньки, и от этого она стала похожа на исполинскую новогоднюю елку.

Игорь откинулся на спинку сидения.

— Ты смотри в эту сторону, а я в ту буду смотреть,— сказал он Павлику.— Чтобы не проглядеть. Я специально шел сюда, дорогой еще поговорить надо. Ты понимаешь, Сергей собирается в свою научную экспедицию. И я прошу его взять с собой нас. Здорово?

— Еще бы! Вот только не возьмет он, наверно. Поход-то ведь у него будет научный?

— Ну и что ж, что научный? Мы помогать ему будем.

— А может, он не один собирается?

— Все равно попробуем. В случае чего, всем клубом станем упрашивать.

Ребята умолкли. Вероятно, они уже видели себя на развалинах древней крепости или пробирающимися по нехоженой тайге. Но хлопнула дверь подъезда, и показался Сергей Петрович.

— Идет! — встрепенулся Павлик.

«Пожалуй, мы договоримся»

Пока ребята располагались в комнате: кто на диване, кто на стульях, Сергей Петрович незаметно и в то же время внимательно наблюдал за ними, постукивая по краешку стола карандашом. От его проницательного взгляда ничто не ускользало. И, хотя он видел всех в первый раз, все же отметил, что Ира слишком нетерпелива, что Павлик немножко медлителен, неуклюж, что Ваня умеет одновременно слушать двоих, а то и троих и успевает со всеми переговариваться. Пожалуй, больше других ребят ему понравилась Тома — смуглая скромная девочка, с большими мечтательными глазами и разглаженным белым воротничком на старенькой кофте с аккуратно заштопанными локтями. Сеню Петрова он не видел. Сеня сидел за его спиной.

Игорь совсем не походил на брата. Сергей Петрович был высок, худощав, с немного сутуловатой спиной. Волосы его всегда буйно топорщились, словно раздутые ветром. Он носил массивные роговые очки, без которых становился смешным, беспомощным. Очки у него были еще и запасные: смотреть на дальнее расстояние. Ими он пользовался редко, но обязательно брал, когда уезжал из дома.

Сергей Петрович был до крайности рассеян: невпопад отвечал на вопросы, вечно что-нибудь терял, забывал, часто думал вслух, разговаривал с собой. Обдумывая что-либо важное, он ходил, заложив руки за спину.

Вот и сейчас Сергей Петрович встал и начал вымеривать комнату широкими шагами. Ребята молча следили за ним.

— Пожалуй, мы договоримся,— внезапно остановившись, сказал он.— Возьмем, да и двинем на Кокуй вместе.

Это прозвучало так неожиданно, что Игорь не поверил услышанному и для верности переспросил:

— Как?

— Ну так, как вы надумали. В самом деле, почему бы не взять вас? Будем сообща делать нужное дело. Тут вам и поход, тут вам и следопытская работа.

Ира не смогла сдержать нахлынувшей радости и закричала:

— Мы знали, что вы нас возьмете. Потому, что вы тоже следопыт...

А Павлик, обрадованный не меньше других, не знал, чем выразить свою радость, и только повторял одно и то же:

— Факт, должно получиться... Получиться должно, факт...

Выждав, когда ребята успокоились, Сергей Петрович предупредил:

— Только, чур, условие: главным в походе буду я. Конечно, капитан ваш капитаном и останется, вы будете подчиняться ему, а он — мне, как старшему. Поэтому все мои требования выполнять без отговорок. Другое условие: в ближайшее время дадите мне список всех участников похода. Дома объясните, куда идете, зачем идете, с кем идете.

Пойдут те, кого отпустят родители. Ну, а кому дома договориться будет уж здорово трудно, скажете мне. Да побыстрей договаривайтесь. Надо готовиться.

Дальше. Не спорю, вы народ бывалый, опытный, словом, стреляные воробьи, и знаете походную жизнь не хуже меня...— (Сказав это, Сергей Петрович улыбнулся одними глазами, а Павлик так важно надулся, что от напряжения покраснели уши.) — Но еще раз напомню только дома путешествие кажется легким. Как бы вы хорошо ни подготовились, как бы хорошо все ни продумали, трудности будут неизбежными. Поход — это прежде всего испытание воли, физических и моральных сил. В походах познаются настоящие друзья. Не забывайте об этом.

И последнее. Для того, чтобы отправиться в путешествие, мало иметь котелок, ложку и продовольствие: Надо кое-что знать. За чем ты идешь, что хочешь разведать. Это главное. Об этом-то я вам и расскажу.

Но тут зазвонил телефон, и Сергей Петрович вышел. Оставшись одни, ребята некоторое время сидели молча, соображая, кто и как будет отпрашиваться дома. Потом

сдержанно заговорили, стараясь не помешать Сергею Петровичу, голос которого доносился из соседней комнаты.

— Меня мама может не отпустить,— печально вздохнула Тома.— Она всегда за меня боится.

— Отпустит,— уверенно сказал Ваня.— Все пойдем к ней, и отпустит. А мало будет, попросим Сергея Петровича.

— Факт, отпустит,— поддержал Павлик.— Ведь у нас же клуб, понимать надо...

— Ти-ше!— приложив к губам палец, прошипела Ира.— Не мешайте. Сергей Петрович говорит с каким-то профессором.

Ребята замолчали. Через неплотно прикрытую дверь было слышно, как громко он объяснял что-то, часто упоминая Кокуй-городок.

— Профессор, защита диссертации требует конкретных доказательств существования Кокуй-городка,— кричал в трубку Сергей Петрович.— Чтобы писать обстоятельный научный труд, надо иметь факты и примеры. Что покажет поездка... Что? Пещера Ермака? Ее никто не видел. Пока о ней мы знаем только по преданиям... Что вы сказали? Терпеливо поискать? Обязательно! Обязательно!..

Было видно, что Сергея Петровича этот разговор волновал.

— Как, как вы сказали? Конечно... Сейчас предварительная разведка... Да понимаете, по-видимому, я пойду не один. Есть тут у меня отважные помощники... Кто? Следопыты. Есть у нас в городе «Клуб юных следопытов»... Вот, вот... Не слыхали? Пока он еще ничем не прославился. Ладно... Значит, завтра. Всего хорошего...

Вернулся Сергей Петрович оживленный, с сияющими глазами. Прежде чем сесть, несколько раз снял и протер очки, пригладил ладонями волосы.

— Вот видите, как хорошо все складывается. И шеф мой одобрил нашу работу. Ну, а теперь слушайте:

— На Урал русские люди проникли давно. Привлекал этот край лесами, непаханными землями, рыбными реками и изобилием пушного зверя. Но первых русских переселенцев теснили воинствующие орды сибирского хана Кучума. Они разоряли русские села, налагали на жителей непосильные налоги.

Богатые промышленники, братья Строгановы, которым были жалованы царем уральские земли, построили на реке Чусовой укрепленный острожек — Нижне-Чусовские городки, с тем чтобы он служил защитой русских поселений от набегов татар. Строгановы собрали дружину, хорошо вооружили, и первого сентября 1581 года — по тем временам как раз в первый день нового года — эта дружина под предводительством атамана Ермака Тимофеевича выступила в поход. Ей предстояло пройти в Сибирь и положить конец набегам татар.

Но не просто было пройти в Сибирь: на пути стоял Каменный пояс, тогда еще совсем неизведанный горный край. Дружина поднялась на лодках по Чусовой до ее притока реки Серебрянки, затем, по Серебрянке, в устье реки Кокуй. На слиянии Кокуя с Серебрянкой, средь безлюдной тайги, Ермак построил крепость Кокуй-городок и провел в ней зиму.

Весной отряд покинул крепость и по Кокую поднялся на водораздел Главного Уральского хребта. Всего пять километров разделяют истоки двух горных речек — Кокуя и Журавлика, но, чтобы перейти с одной на другую, нужно преодолеть глухую нетронутую тайгу. Топором расчищая дорогу, дружина волоком переправила флотилию через горный кряж, спустилась в Журавлик и по нему пошла до реки Баранчи.

Баранча прокладывает свое русло с севера на юг, недалеко от Главного хребта. На тридцатом километре струги Ермака вышли на воды реки Тагил. Это уже крупная азиатская река, по которой Ермак спустился до Туры, потом — до Тобола.

По Тоболу, а затем по Иртышу Ермак пришел в столицу Сибирского ханства Кашлык. После ожесточенного боя, двадцать шестого октября 1582 года, дружина вступила в покоренный Кашлык, а разбитые орды татар разбежались по лесам.

Позднее Ермак ходил в разные концы бывшего Сибирского ханства. Много было за это время жестоких битв. Везде татары оказывали яростное сопротивление. Летопись рассказывает, что одно из озер, вблизи которого проходили бои, было полно убитыми, отчего и стало называться Поганым.

Летом 1584 года Ермак со своим приближенным, атаманом Иваном Кольцо, отправил царю Московского

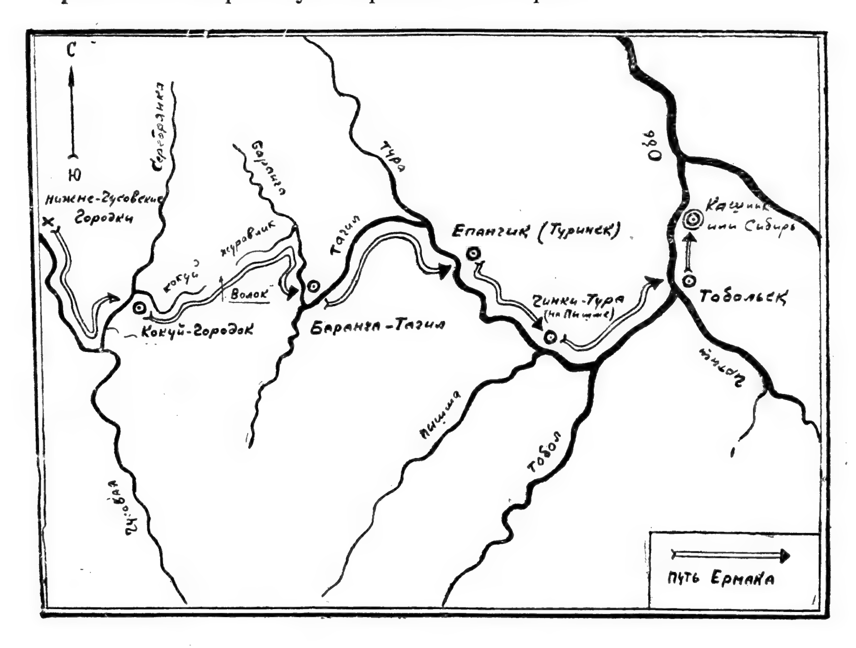
государства, Ивану Грозному, донесение о покорении Сибири.

Но не довелось ему дождаться возвращения Ивана. В ночь на шестое августа, на Иртыше, на отряд напали новые полчища Кучума. Во время этого внезапного нападения дружина была разбита, а сам Ермак, прыгая в лодку, упал в реку и утонул. Тяжелые доспехи не дали выплыть ему на берег...

Сергей Петрович умолк, прошелся по комнате.

— Кокуй-городок — не единственная остановка Ермака. Их было несколько. Там, где дружина останавливалась надолго, вокруг становища возводились оборонительные сооружения. Лучше других сохранились остатки крепости на второй стоянке, на реке Тагил, близ устья реки Медведки. У горы Медведь-Камень еще и сейчас заметны земляные валые, служившие в свое время надежным укреплением.

— Впрочем,— Сергей Петрович остановился, что-то припоминая,— впрочем, подождите.— И он ушел к книжному шкафу, начал перебирать бумаги.— Вот, посмотрите. Это карта пути Ермака. Смотрите.

Ребята долго смотрели на карту, восхищаясь мудростью русского атамана, сумевшего провести по многим малым и большим незнакомым рекам караваны громоздких стругов, груженных тяжелым оружием и продовольствием.

Они узнали историю замечательного подвига русских воинов, положивших начало заселению Сибири русскими.

— Пожалуй, это главное,— продолжал Сергей Петрович.— Тем более, что мы не собираемся дальше Кокуя. Но и крепость-то Кокуй-городок никто в глаза не видел. Она давно разрушилась. Наша задача найти ее остатки. Для этого надо хорошо осмотреть местность, прилегающую к Кокую, может быть, придется сделать небольшие раскопки.

Ребята сидели, не шелохнувшись. Теперь они не только слушали, они видели широкую ночную реку, остроносые ладьи. А от берегов, прикрытые гибельной теменью, бесшумно и быстро спешат к ладьям бесчисленные верткие лодчонки. Предательская тишина разрывается властным призывным кличем Ермака:

— На бой, за Русь святую!

Разноязыкие крики, стук багров о борта лодок, тяжелые всплески воды, виолончелевое пение стрел, стальной скрежет скрещенных рапир — все смешалось в шуме невиданной брани!

Во всем величии встал в воображении облик отважного атамана Ермака Тимофеевича, удалого, страшного в своем гневе.

Когда в голове кое-как улеглись картины сражений, Павлик спросил:

— А о какой пещере вы говорили тогда с профессором?

— О пещере Ермака,— ответил Сергей Петрович.— Тут вот какое дело, ребята. В народе живет много легенд о Ермаке. В одной из них рассказывается о пещере, в которой будто бы жил Ермак во время стоянки на Кокуе. Если она действительно есть, то надо предполагать, что она находится где-то вблизи Кокуй-городка.

— И ее никто не видел?

— Не видел. И ее надо искать.

— Вот здорово-о! — с восторгом протянул Павлик.— Вот где работы следопытам!

Накануне

Ребята теперь только ночевать уходили домой: остальное время они проводили у Игоря. Сергей Петрович улаживал какие-то дела на работе. Домой возвращался поздно, наскоро ел, заглядывая в газету, и закрывался у себя в комнате. Чтобы ребята особенно не волновались и знали, что брат не забыл о путешествии, Игорь вытащил из кладовки тяжелые яловые сапоги Сергея и поставил на самом виду в коридорчике. Рядом с ними, поблескивающими от свежей смазки, пахнущими теплым жиром — он поставил свои сапоги, только резиновые. Ребята запинались за них, и они постоянно напоминали им о приготовлениях к походу.

Что касается сборов, то у ребят давно все было готово. Подобрали одежду, рюкзаки, припасли продукты. «Домашний вопрос» тоже был решен. Правда, не обошлось без вмешательства Сергея Петровича. Ему пришлось разговаривать с мамой Тамары Галчук. Мама Тамары называла поход безумием, а ребят — несмышлеными юнцами. Но и она, в конце концов, согласилась.

Окончательно уточнился состав отряда. Не считая Сергея Петровича, в него вошло шесть человек — Игорь Берсенев, Павлик Назаров, Ванек Савельев, Тамара Галчук, Сеня Петров и Ира Сергеева.

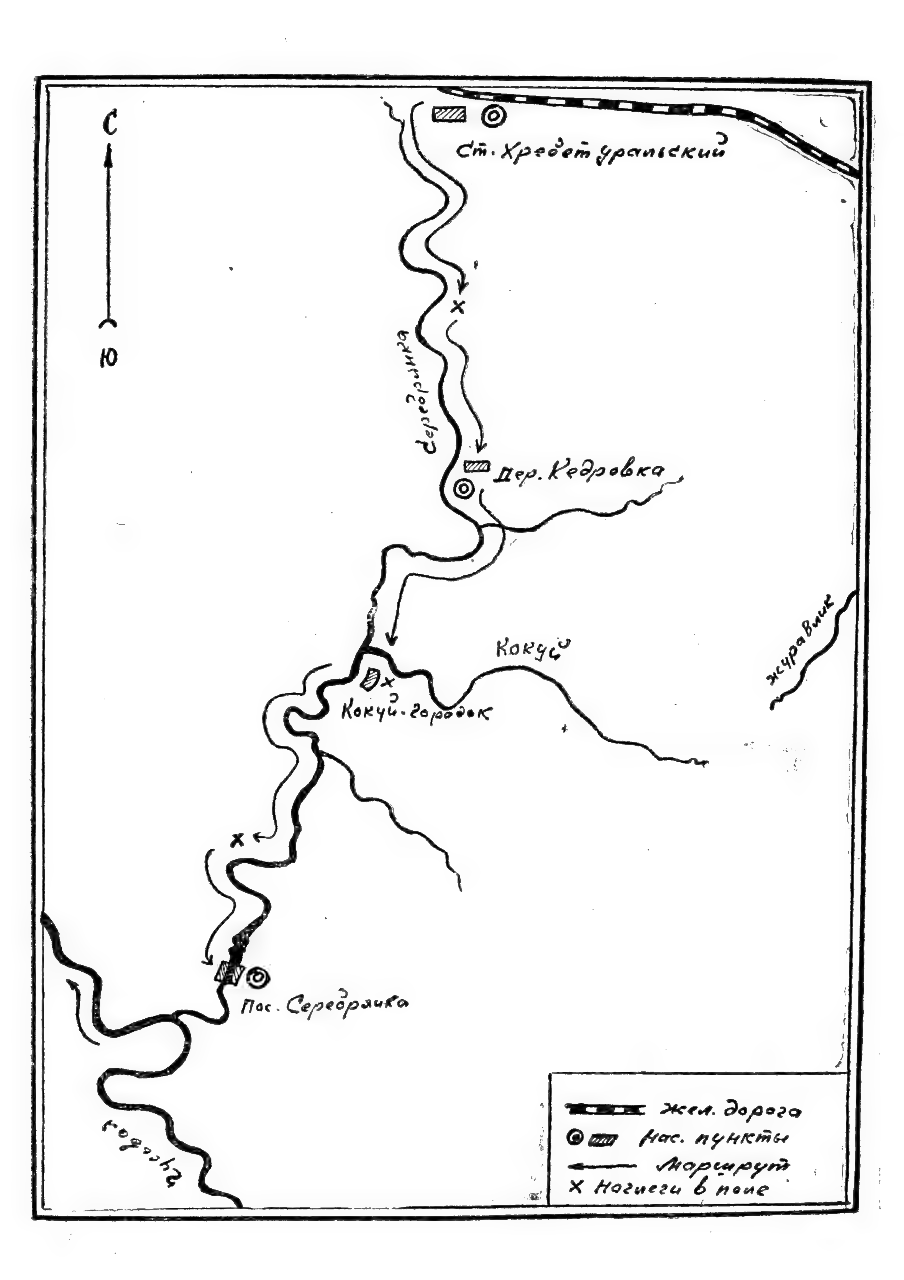
Восьмым участником похода была Уралка.

Вместе с Сергеем Петровичем следопыты обсудили маршрут до Кокуй-городка. К первому становищу Ермака решили идти не от Нижне-Чусовских городков, а с верховий Серебрянки. Так ближе, удобнее. Правда, избранная дорога имела свои трудности: большую часть пути предстояло пробираться пешком по сплошной тайге. Зато здесь следопыты могли пройти границу Европы и Азии, вдоволь наглядеться на Горный Урал, а главное — зайти в деревню Кедровку.

Кедровка находится километрах в пятнадцати от Кокуй-городка. Там, у местных жителей, путешественники предполагали узнать какие-нибудь подробности о пещере Ермака.

Ребята не только обсудили и в деталях продумали путь, они составили маршрутную карту.

Вот как выглядела маршрутная карта.

С
Ю
Ст. Хребет уральский
Серебрянка
Дер. Кедровка
Кокуй
Журавлик
Кокуй-городок
Пос. Серебрянка
Чусовая
Жел. дорога
Нас. пункты
Маршрут
× Ночлеги в поле

Ребята, кажется, не сидели без дела, и все же время тянулось невыносимо медленно. Перепутали все дни, все числа. Однажды утром, когда Игорь срывал очередной листок с календаря, его остановила мать.

— Что же это ты обрываешь листки раньше времени? Сегодня только среда, а на календаре у тебя уже пятница...

То же было и с Павликом. Он ни за что не хотел согласиться с Игорем, что сегодня не шестое, а пятое июня. Едва позавтракав, ребята бежали к Игорю узнать, не решил ли Сергей Петрович выступать.

Как-то вечером они сидели у Игоря во дворе. Нежданно-негаданно явился Мишка Власов. В ковбойке с засученными рукавами, в больших стоптанных сапогах, Мишка протопал к средней скамейке и остановился возле Сени.

— И ты, Жак-Макаронина, здесь? — стараясь выразить удивление на скуластом лице, проговорил он.— Вот не ожидал...— Потом повернулся к Игорю.

— Поди не ждал, капитан? Знаю, что не ждал, я ведь второгодник...— И Мишка состроил такую смешную физиономию, что Ванек Савельев, не утерпев, прыснул.— Пришел пригласить вас в поход. А то у вас все суды да пересуды, пока собираетесь — лето кончится. Видишь, я уже готов! (Мишка поставил одну ногу на каблук). Решай, мне некогда с вами, горе-следопытами, лясы точить...

У Игоря на щеках выступил чуть заметный румянец. Губы плотно сжались. Он хотел что-то сказать, но лишь вскинул на Мишку потемневшие глаза и промолчал. Молчали и ребята. Сеня Петров, еще по прошлому хорошо помнивший тяжелые Мишкины кулаки, предусмотрительно пересел подальше от него.

Вдруг резко и неожиданно со скамьи поднялся Павлик Назаров, вплотную приблизился к Мишке:

— Хочешь с нами на К-кокуй-городок? Хочешь, спрашиваю? Г-говори толком или м-мотай отсюда!

Мишка не ожидал такого оборота, растерялся. Сел, снова встал, с озабоченным видом начал искать что-то в своих глубоких карманах. Но растерялся только на минуту. Самолюбие одержало верх, и он, сверкнув глазами, крикнул:

— Без вас обойдемся! — и торопливо зашагал прочь.

Был поздний вечер. Сергей Петрович только что ушел к себе в комнату и, видимо, уже лег, а Игорь все еще сидел над раскинутой на столе картой.

Крестик красным карандашом был поставлен на месте, где значилось: «Хребет Уральский». Другой такой крестик Сергей Петрович поставил на ленточке реки, где-то между хребтом Уральским и деревней Кедровкой. Третий — прямо на деревне. Жирный кружок, дважды подчеркнутый, указывал Кокуй-городок — конечный пункт путешествия.

От Кокуй-городка следопыты по Серебрянке спустятся в ее низовья. Спустятся на плотах. Путешествие закончится в большом поселке Серебрянке. Отсюда до первой железнодорожной станции можно доехать на попутной машине.

Но это потом. А пока Игорь вымеривал километры, шагал циркулем по синим ниточкам рек, по зеленым пятнам лесов, по голубым пунктирам болот. По карте путь казался совсем недлинным. Да и нетрудным. Как-то будет на самом деле?..

На улице непогодилось. Ветер сеял на землю мелкий дождь. Старые черемухи под окном тревожно шаркали мокрыми ветвями по стеклам. Игорь задумался под унылые звуки дождя. Вдруг в щелке между неплотно сомкнутыми занавесками что-то мелькнуло, и сейчас же в полуоткрытую форточку влетела и упала на стол свернутая в трубочку бумажка. Игорь выключил лампу, припал лбом к стеклу. Но под окном никого не было.

Капитан развернул бумажку и в недоумении широко раскрыл глаза. Вот что было написано:

«Оп. Сова. Длинный хвост. Солнце и луна. Сломленная мачта. Кислая морда».

Вместо подписи стояло две буквы: С. М.

Что же это могло означать? Долго Игорь сидел над диковинной запиской, да так и уснул.

А утром — еще новости! Чуть свет к Игорю прибежал, нет, прилетел, Павлик и прямо в плаще, с которого ручьями стекала вода, не вытирая ног, ворвался в комнату.

— П-понимаешь,— бесцеремонно стаскивая с Игоря одеяло, зашумел Павлик,— открываю я вечером почтовый ящик, а в нем — вот! — И он подсунул к самому носу Игоря точно такую же записку.

— Ни-ичего не понимаю!— протянул Игорь, заспанными глазами рассматривая записку до последней буковки схожую со своей.— Посмотри там,— и Игорь кивнул на стол, где лежала свернутая в трубочку записка.

У Павлика над верхней губой выступили крупные росинки пота.

— Дела-а-а...

Пока Игорь одевался, Павлик сравнивал и изучал записки.

— Понимаешь, даже бумага из той же тетрадки. Видишь, там и тут полоска поперек проходит.

— Но ты понял что-нибудь?

— Нет, ума не приложу. А ты?

— Пока тоже не разобрался,— сказал Игорь, заметно выделив слово «пока».— Знаю одно — трусы пишут эти, как их, анонимки, что ли? Боятся прямо сказать, что надо, вот и придумывают.

— А Сергей Петрович знает?

— Он еще спит. Скажем ему. И ребятам всем надо сказать.

В комнату, растирая полотенцем шею, вошел брат.

— Что у вас стряслось? Чего ты такую рань прибежал?

Игорь объяснил:

— Нам с ним подбросили одинаковые записки, а что написано, понять не можем.

По мере того, как Сергей Петрович углублялся в разбор хитрой грамоты, брови его то поднимались, то опускались. Игорь с тревогой следил за братом.

— Ха! Длинный хвост... Кислая морда...— дивился Сергей Петрович. Повертел записки так и сяк, снова углубился в разбор.

— Длинный хвост...— опять повторил он. И в это время в глазах Сергея Игорь уловил какую-то перемену: в них загорелся веселый огонек. Но Сергей только загадочно хмыкнул и отдал обе записки Игорю.

— Что ж, надо подумать,— сказал он и вышел.

В путь

Игорь чинил старый-престарый планшет, когда брат, едва переступив порог, объявил:

— Завтра выступаем.

— Что-о?— спросил Игорь.— Завтра?

— Завтра,— повторил Сергей Петрович.— Иди, скажи своим следопытам, пусть собираются. Да чтобы не проспали! В восемь утра, как один, все должны быть здесь.

Игоря будто ветром сдуло. У Павлика он был через несколько минут, а уже через полчаса следопыты были в полном сборе и слушали своего капитана.

И все шло хорошо, пока Игорь не сказал о загадочных записках. Это привело в замешательство некоторых ребят. Ванек Савельев насторожился — неужели струсили?

Тамара Галчук вовсе не хотела показаться трусихой и, встретившись с проницательным взглядом Ванька, решительно заявила:

— Куда все, туда и я!

Сеня Петров сразу как-то сник. В прозрачных, бегающих глазах его затаился страх. Сеня всегда был от кого-то зависим, не имел своего твердого слова. Вот и сейчас он с опаской поглядывал на ребят.

Следопыты сидели в пришкольном садике. Еще не просохшая от ночного дождя трава сверкала и искрилась в лучах утреннего солнца. Листья тополей блестели.

Когда записки обошли всех, Игорь сказал:

— Давайте по-честному договоримся: кого смущают эти писульки, пусть скажет. Может быть, кто передумал идти в поход?

Ребята молчали, искоса поглядывая друг на друга.

— А если никто не передумал, то давайте сейчас дадим обещание, что всегда будем верны следопытскому делу. Ну, как присягу, что ли!

Тут зачихал, закашлял и отошел в сторону Сеня. Сеня стоял к ребятам спиной, сгорбившись, прикрывая платком рот.

— Ты чего?— резко спросил Павлик.

— Ничего... я сейчас...— с усилием выговорил Сеня.

Игорь наклонился к ребятам.

— Повторяйте за мной.

Не совсем дружно, но добросовестно повторили ребята за Игорем слова придуманной им клятвы:

— «Я, член Клуба юных следопытов, перед лицом товарищей обещаю, что буду предан следопытскому

делу, родному клубу, ни в чем и никогда не подведу друзей...»

Это получилось очень торжественно, и каждый вдруг почувствовал, что сделал нечто необходимое, без чего не обойтись в предстоящем походе. А поход — это уже завтра.

— Так ровно в восемь! — повторил Игорь.

* * *

Мерно постукивают на стыках рельсов колеса вагона, за окном мелькают перелески, поляны, постройки. Бегут и бегут вдоль железнодорожной линии телеграфные столбы. Весело гугукает тепловоз, и ему вторят десятками отголосков далекие горы.

Сергей Петрович, удобно облокотившись на рюкзаки, читал старую «Вечерку», купленную здесь же в поезде. Он весь закрылся газетой, и только изредка, наверно, путая поезд с трамваем, устремлял испуганный взгляд в окно — не проехал ли свою остановку? А когда вспоминал, где находится, зачем-то снимал очки, долго и тщательно протирал стекла.

В походном снаряжении Сергей Петрович выглядел забавно. На нем были прочные из тонкой парусины брюки с большими нашивными карманами на бедрах. Широкая куртка из того же материала стояла на спине коробом. Шесть карманов, оснащавших костюм, были до отказа забиты блокнотами, спичками, бутылочками с жидкостью от комаров, перочинными ножами. О яловых просмоленных сапогах мы уже знаем, а в качестве головного убора Сергей Петрович пользовался обыкновенной солдатской шляпой с помятыми полями. Шляпа покоилась на верхней полке. Попутчики-пассажиры с улыбкой смотрели на живописный табор туристов.

Ребята уже освоились с новой обстановкой и теперь кто лежал на полках, кто сидел. Игорь, привалившись плечом к стенке, неотрывно смотрел в окно. С другого края к стеклу прильнула Ира Сергеева.

— Как хорошо кругом! — не отводя от окна глаз, задумчиво говорит Ира.— Какая большая земля! В городе как-то не чувствуешь этого, а здесь можно все глаза проглядеть, так интересно! Я только второй раз еду в поезде. Еще в прошлом году с мамой на Кавказ езди-

ла. К тете в гости. Вот уж посмотрела! Всяких городов столько видела, рек... И Волгу тоже, такая широкая, синяя... А когда проезжали через Волгу по мосту, у меня голова закружилась. Уж очень высоко, страшно!

— И понравился тебе Кавказ?

— Конечно, красиво там, кругом горы, реки, в общем, все такое... Нет, не очень понравился... Вот тетя моя Кавказ сильно любит и умирать там собирается. Так она сама сказала: «Умру,— говорит,— здесь, никуда не тронусь»...

— Это верно,— согласился Игорь,— люди привыкают к месту.— И вспомнил поговорку Павлика: — Каждый кулик свое болото хвалит. Я вот Урал люблю, скоро, наверное, все книжки о нем перечитаю.— Игорь понизил голос: — Только ведь и я мало ездил. Даже у нас на Урале мало где бывал.

— А вот Вадька Браун, тот бывалый. Правда?

Игорь укоризненно посмотрел на Иру.

— Ты веришь ему?

— Верю-не верю, а раз он часто в походы ходит, значит, все-таки много знает.

— Болтун он! — не утерпел Игорь.— Никуда он не ходит, нигде он не бывал, как и ты, как и я, как и все мы. Просто язык точит. «У меня в жилах течет пиратская кровь...», «Я — потомок морских разбойников...» Все это вранье, никакая пиратская кровь в его жилах не течет, никогда он не был потомком каких-то выдуманных «морских разбойников».

— Самый он обыкновенный Вадька Браун,— заключил Игорь.— Просто любит фантазировать. Разве только футбол лучше других гоняет. Вон какие у него длинные ноги! Но он и тут успел наплести разных небылиц, будто бы его не просто зовут, а прямо умоляют играть в команде «Трудовых резервов», что ему присваивают звание мастера спорта и еще что-то.

— А ты знаешь, Игорь, мне кажется, Браун еще пожалеет, что ушел в поход с другой школой. Да и потом как-то смешно: учится с нами, в поход пошел с другими. Вроде бы мы его не брали.

Игорь не ответил.

— А я вот никогда не изменю своей школе, своим ребятам,— опять заговорила Ира.— Хоть что случись! А ты?

— И я не изменю...

Когда поезд ускорял ход, вагон бросало из стороны в сторону, частый перестук колес отдавался в стеклах. В этом дружном музыкальном ритме явственно слышалось «не догнать, не догнать, не догнать...» Неожиданно из-за частого ельника вынырнула речка и стремительно помчалась за поездом. «Не догнать, не догнать...»— дразнили колеса. Некоторое время речка бежала рядом, у самого полотна, потом вдруг свернула под насыпь. Тепловоз с гулом пронесся под арками железного моста.

В вагоне показался проводник с полным подносом стаканов, налитых горячим чаем.

— Не пора ли пообедать?— свертывая газету, сказал Сергей Петрович. Ребята, как по команде, потянулись за стаканами. Вскоре на столике образовалась горка консервных банок, булок, колбасы.

— Не-ет, так не пойдет!— возразил Сергей Петрович.— В этом деле, друзья, должен быть порядок. Выкладывайте помаленьку, разного. Да только без шума. У кого самый тяжелый рюкзак?

Что-то долго копался в своем рюкзаке Сеня Петров. Но вот и он отыскал нужный сверток, положил с краю столика.

— Какую речку мы проехали?— прихлебывая горячий чай, спросила Тома.

Ребята вопросительно уставились на Сергея Петровича.

— У вас есть капитан, а у него есть карта. Пусть ответит.

Игорь дожевал колбасу, вытер опорожненным кульком руки, взял планшет.

Он долго блуждал глазами по карте, разыскивая нужную реку, что-то отмеривал линейкой и сказал, не совсем уверенно:

— Кажется, Тагил проехали...

— Тагил?— чуть не подавился Ваня.— Да ведь Тагил-то впадает в Туру? Откуда ему тут взяться?

— Ну, а чему ты удивляешься, хохлатый?— улыбнулся Сергей Петрович.— Волга течет и в Казани, и в Астрахани. Прав капитан, Тагил проехали.

Ваня отвернулся, незаметно плюнул на ладошку, пригладил непослушный вихорок на макушке.

По вагону прошла знакомая проводница.

— Подъезжаем к городу Кушве. Кому сходить, приготовьтесь. Поезд стоит десять минут.

Сергей Петрович посмотрел на часы.

— Скоро и нам пора собираться.

Ребята заволновались, наспех дожевывая, подбирая кульки.

— Да нет, нет, ешьте. Времени еще хватит. Вот когда все съедите, уберете со столика, тогда и будем собираться.

Покончив с обедом, ребята привели в порядок рюкзаки, оделись.

— Потише, друзья, гомоните и не торопитесь,— успокаивал Сергей Петрович.— Да не забывайте, куда что кладете.— Он проверил, надежно ли завязаны рюкзаки, зачем-то каждый потряс.

Позади осталась Кушва. Ребята долго смотрели в окно на удаляющиеся строения, на составы со штабелями леса, на пузатые, словно зеленые бутылки, купола церкви, которая заметно выделялась над серыми крышами домов. Как не похож был этот тихий маленький городок на шумный большой город, в котором жили ребята. Ровные улочки почерневших от старости домов лепились на пологих склонах холмов. Возле каждых ворот — рубленые колодцы, у окон — палисадники, а за ними возносятся к небу высоченные тополя.

Проехали еще одну станцию.

— Следующая наша,— предупредил Сергей Петрович.— Приготовьтесь выходить.

Ребята давно сидели, ожидая команды. Уже не находилось слов для разговоров. Все молча смотрели в окно. И тут Ира тоненько завела следопытскую песню. Ее поддержала Тома, потом Игорь, Ваня. За окном проплывали березовые перелески, одетые в светло-зеленый летний наряд, всхолмленные поля, покрытые дымкой молодых всходов, а вдали высились голубые увалы Уральских гор. И, кажется, в самую даль, в самое приволье этого необозримого простора, под ритмичный аккомпанемент колес, дружно полетела крылатая песня:

...Золотой,
Любимый наш Урал.
Нам, друзья, в дорогу не пора ли?
Каждый раз
Кончается привал
Следопытской песней об Урале...

На хребте Уральском

Как ни приятно было ехать, как ни занимала новизна впечатлений, ребята устали. Устали от всего: и от впечатлений, и от разговоров, и от нескончаемого покачивания вагона. Немой и глухой ко всему была одна Уралка. За всю дорогу она лишь несколько минут видела мир: когда Сергей Петрович на какой-то остановке выходил с ней из вагона. Остальное время собака безропотно лежала под скамейкой.

Ира заболела «морской болезнью». Девочка не выносила даже самой малой качки. Не раз у нее кружило голову только от того, что она смотрела на подружек, раскачивающихся на качелях.

Сейчас, сильно побледневшая, она сидела в уголке, опершись локтями на рюкзак.

Сергей Петрович встревожился:

— Тебе плохо?

— Нет, нет, ничего,— торопливо ответила Ира и попыталась улыбнуться.

Тепловоз выкатил к подножию крутого угора и, огибая его, понесся зеленой лощиной. Потом путь раздвоился, и навстречу с воем и гулом вылетел тяжеловесный товарный состав. В вагоне сразу стемнело — это загородили свет мелькающие вагоны встречного поезда. Затем из-под колес выскочила еще одна пара рельсов, и они, пересекая те, по которым только что прогромыхал состав, побежали рядом. Проехали круглую кирпичную башню с широким деревянным верхом, большой белый дом с балконом во всю стену, и вот за окном замелькали станционные постройки. Ваня успел прочитать: «Кипяток». «Вокзал». «Хребет Уральский». Тепловоз замедлил ход и длинным мелодичным гудком оповестил станцию о своем прибытии.

Люди расступились, когда на перрон стал спускаться высокий человек с собакой на поводке. Огромный его рюкзак завяз между узких наклонных поручней, и Павлику, идущему следом, пришлось проталкивать рюкзак коленкой. Сергей Петрович помог ребятам слезть с высоких ступеней, проверил, не забыли ли что в поезде.

Они прошли к железной решетке станционной ограды, сняли рюкзаки и осмотрелись. Поезд тронулся. Ненадолго здесь останавливаются пассажирские поезда —

их подгоняют товарные. Вот мимо ребят, не сбавляя хода, пронесся, громыхая буферами, тяжело нагруженный товарный состав.

— Раз, два, три...— считал Ваня вагоны, досчитал до тридцати и сбился.— Ух и длиннющий! — восхитился он.

Ушел пассажирский поезд, и на станции стало тихо, безлюдно. Кроме наших ребят, из вагонов вышло еще с десяток пассажиров. Среди них Тома заметила двух пареньков с рюкзаками, но они тут же куда-то исчезли.

Тома только хотела сказать Сергею Петровичу, что еще туристы прибыли, но он в это время как-то странно сморщился и, схватившись рукой за голову, проговорил упавшим голосом:

— Шляпа... Моя шляпа...

Сергей Петрович забыл в поезде шляпу... Маленький переполох, возгласы сочувствия отвлекли Тамарино внимание.

После путешествия в душном вагоне особенно приятно было вдыхать сладковатый, насыщенный ароматом лесных трав, воздух, и просто чувствовать под ногами вполне устойчивую землю... Особенно бурно радовалась Уралка. Она успела обнюхать все столбики, все скамейки, поваляться на мягкой зеленой травке.

Сергей Петрович сказал:

— Нам надо найти не просто ночлег, а такой дом, хозяева которого хорошо бы знали здешние места, послушать интересные истории, узнать кое-что о нашем пути. Это всегда не мешает, а вам, следопытам, тем более надо всегда прислушиваться к рассказам старожилов.

— Факт, надо прислушиваться,— согласился Павлик.

Сергей Петрович немного помолчал и спросил:

— Ну, что — вместе пойдем искать такой ночлег или я один?

— Все, все пойдем! — поспешно ответили ребята.

По привокзальной улице, отгороженные редкими деревьями, один к одному теснились похожие друг на друга домики. У последнего из них — с крутой позеленевшей крышей и маленькими высоко прорубленными оконцами — сидел старый дед, всей тяжестью опираясь на толстую суковатую палку.

— Вот эта избушка нам подойдет,— негромко сказал Сергей Петрович.— И хозяин подходящий.

Сергей Петрович остановился.

— Мир дому, дедушка!

Дед с трудом поднял дремучую голову.

— Не пустите ли переночевать?

— А-а?— хрипло прокричал старик, открывая беззубый рот.

— Переночевать, говорю, не пустите ли?

— Ночева-ать,— повторил старик.— Все ли тут?

— Все,— засмеялся Сергей Петрович.

Дед медленно поднялся, с хрустом разгибая спину, постукал кривым концом палки по раме.

— Лукерья, ставь-ка самовар. Гости.

Хозяин, вопреки ожиданиям ребят, оказался на редкость разговорчивым и гостеприимным человеком. Он доживал уже девятый десяток лет. В такой старости люди часто бывают равнодушными, замкнутыми, этот же дед, несмотря на видимую суровость, обрадовался приходу нежданных гостей. Из деликатности он не спрашивал, куда они держат путь. Однако заметно оживился, когда Сергей Петрович спросил, не хаживал ли он в сторону Кокуя.

— Знамо дело, хаживал,— прошамкал дед, доставая из кармана костяную табакерку. Он сидел на лавке в углу под иконами. Дед насыпал из табакерки в морщинистую ладонь мелкого, как пыль, табака, отвел кривым пальцем седой ус, поднес ладонь к носу и со свистом потянул воздух сперва одной ноздрей, затем другой.

— У-у-ах!— чихнул дед на всю избу.

— Было время, хаживал,— повторил он, вытирая выступившие слезы.— Золотишко, платину промышлял. А почо к Кокую-то?

— На становище Ермака. На Кокуй-городок.

— Вот что-о! — понимающе потянул дед.— Ермак-от и ноне еще живой. Видывали люди, подымается он по вечерам на одну гору. Конь у него белый, за ним ходит. Дивный конь, нет таких ноне. Дышит дымом, глаза — что фонари, а когда бежит, искры из-под ног сыплются! А у Кокуя-то по ночам песни слышно, знамо дело, ратники Ермаковы поют. Это сам слышал... Давно только, когда уши-то еще добрые были...

Но тут Сергей Петрович почему-то перевел разговор на другое:

— Вы, наверно, хорошо помните Серебрянку. Как нам лучше добраться до Кедровки?

— А-а?— опять не расслышал дед.

— До Кедровки где удобнее пройти? — громко повторил Сергей Петрович.

— Серебряной и идите. По леву руку от реки перво будут покосы, а дальше глухомань пойдет. День пройдете, подымайтесь на Урал. Уралом-то лес реже. И на трахт наткнетесь. По трахту и придете в Кедровку.

Дед помолчал, протер белой тряпочкой глубоко запавшие глаза и, что-то вспомнив, покачал головой.

— На трахту-то увидите железную башню, страны она делит, дак отец мой ее ставил. Сказывал, со всех деревень народ сганивали тащить ее. Полтыщи пудов в ней, окаянной, сказывал, тяжести было!

Следопыты вместе с хозяевами поужинали. Бабка Лукерья напоила ребят парным молоком. Она только недавно вошла в дом с подойником в руках.

— Неужели вы одни живете?— спросил Сергей Петрович.

— Полно у нас! Сыновья, дочери, внуки. А живем-то со старшим. В Кушву уехали, в гости.

Дед вышел из-за стола, перекрестился на иконы и, кряхтя, полез по крашеным приступкам на полати.

...Поздно вечером, когда в доме все спали, Игоря подтолкнул в бок лежавший рядом Павлик.

— Кто-то в окно заглядывает!— тревожно прошептал он в самое ухо Игоря.

— Показалось тебе, спи давай.

— Ничего не п-показалось, правду говорю!— запротестовал Павлик.

Они лежали на полу, на разостланных старых овчинах, ногами к окнам. В комнату от уличного фонаря на столбе полосами падал слабый неровный свет.

— Смотри!— опять толкнул Павлик Игоря.

Игорь вгляделся — и холодок пробежал по спине: в одном из окон, там где не было занавески, четко вырисовывалось очертание человеческой головы. Но голова тотчас исчезла, под окном что-то сгрохотало. Во дворе залилась лаем Уралка.

— Старик, а старик, еще кто-то пришел,— позвала бабушка Лукерья.

Проснулся Сергей Петрович, хотел выйти на улицу.

— Можно мы сходим, уймем Уралку? — попросил Игорь.

Игорь с Павликом вышли во двор, потом — за ворота. Никого не было. Под окном лежал опрокинутый пустой ящик.

Когда они вернулись в комнату, то увидели, что Сергей Петрович, наклонившись к окну, рассматривает какую-то бумажку.

— Что это? — испуганно спросил Игорь.

— Записка, на окне лежала. Знаете ли вы, что за операция «Сова»?

— Не-е.

— А что за Союз мстителей?

— Тоже не знаем.

— Интересно,— сказал Сергей Петрович и подал записку Игорю.

Вот что было написано.

«Оп. Сова. Длинный хвост. Солнце и Луна. Высокий не спасет. Кокуй наш. Кислая морда.

Союз «мстителей».

— Союз мстителей...— тихо повторил вслух Игорь.— Кто же это? И за что собирается мстить?

— Дела-а,— протянул Павлик.— От самого дома следят. Во, приключения начинаются...

Здравствуй, берег! Здравствуй, лес!

Следопыты вышли в путь до восхода солнца. Во дворах кричали петухи, на запасном пути пыхтел и коротко гугукал, толкая порожние вагоны, блестящий от сажи и масла маневровый паровозик. Сцепщик показал дорожку, по которой можно быстрей дойти до Серебрянки.

Узкая тропинка вилась среди высокой метлицы и ромашек, склонившихся под тяжестью обильной росы. Вскоре тропинка раздвоилась. Сергей Петрович остановился, озадаченно почесывая затылок.

— Если вправо пойдешь — коня потеряешь, влево — голову сложишь...— пошутил он и решительно свернул направо.

Начался березняк. Молодые, густо облиствелые березки стояли нарядные, будто в легких кисейных платьях. Тронешь ветку — с нее падают крупные холодные капли. Но вот все чаще среди берез стали появляться темные строгие ели. Начался высокоствольный смешанный лес.

Отряд скоро вышел к двум решетчатым вышкам. Вышки стояли на границе Европы и Азии. Сергей Петрович осмотрелся и снял рюкзак.

— Отсюда, друзья, начнется наш путь,— сказал он, усаживаясь на камень.— Переобуйтесь, хорошенько закрутите портянки, подтяните носки, чтобы не натереть ноги. Беречь ноги в походе — первое условие. Умеете ли правильно закручивать портянки?— И Сергей Петрович, выгнув сутулую спину, с усилием начал стягивать сапог.

— Вот так надо закручивать портянку,— показал он.

Перед тем, как уходить от вышек, Сергей Петрович вытянулся во фронт и торжественно объявил:

— По старинному обычаю, тот, кто первый раз пересекает экватор, должен исповедоваться в грехах перед Нептуном — богом морей и принять крещение. Вы же впервые пересекли границу двух великих частей света. Поэтому предлагаю соблюсти мореходный обряд на суше.

— Правильно! Ура-а!— хором закричали ребята.

— Слушайте дальше,— продолжал Сергей Петрович.— Я, уполномоченный Нептуном, разрешаю в знак этого торжественного момента качнуть друг друга.

Не успел он договорить, как ребята сгребли Игоря и с визгом, уханием начали подбрасывать. Потом взлетел вверх Павлик, за ним — Ира.

После церемонии с «крещением» Сергей Петрович сориентировался по карте, и отряд взял курс к истокам реки Серебрянки. Поход начался. Для кого-то остались твердые дороги и тротуары, а под ногами следопытов пружинил мох, выстилалась трава, да похрустывали сухие сучья.

Когда из-за гор поднялось солнце и длинные лучи его розовыми полосами высветили синие, с дрожащими дымками испарений чащи, отряд отыскал затерявшуюся в лесах протоку. Это и была Серебрянка.

Река, сначала неширокая и спокойная, вилась между лесистыми отрогами хребта. Долина ее заросла древесной молодью. Берега кое-где заболочены. В таких местах урема настолько густая, что к воде не пролезешь. Да и реки-то не видно. Только слышен ее монотонный ропот.

Сергей Петрович остановился, вытер вспотевшее лицо.

— Во-он видите вершины? — указал он влево на пологие извивы гор.— Это Главный хребет, самая высокая точка Среднего Урала.

— А какая здесь высота? — спросил Игорь и тоже вытер лицо.

— Здесь наиболее низкий участок. Высота перевала триста восемьдесят метров над уровнем Балтийского моря.

— Поэтому и железная дорога здесь проходит,— вставила Ира.

— Правильно,— согласился Сергей Петрович.

— А знаете, как местные жители называют Серебрянку? Слышали, как дед сказал? Просто Серебряная. Начинается и течет она по западному склону Главного хребта. Сегодня мы пересекли не только границу частей света, но и водораздел. Все реки, которые берут начало на западном склоне, текут в Европу и составляют систему крупных рек Европейского бассейна — Камы, Волги и других. А реки, стекающие с восточного склона,— систему рек Азиатского бассейна, в первую очередь Оби. И лишь одна Чусовая пренебрегла этими законами, она наискось перерезала водораздельный хребет и из Азии ушла в Европу.

Ребята осмотрелись. Даже на глаз было заметно, что с левой стороны, к хребту, начинается подъем, с правой — спуск. Но склон открывался взору лишь частично — в редких прогалинах, где расступался лес, да в седловинах между гор.

— Никогда бы не подумала, что побываю на таком интересном месте,— сказала Тома.

На своем пути следопыты замечали признаки посещения этих мест людьми. Время от времени выходили к ровно уложенным штабелям бревен, на покосы, о которых ребята догадывались по высохшим каркасам шалашей и огороженным стожарам (так местные жители на-

зывают деревянное основание стога). Но чем дальше отряд удалялся от верховий, тем глуше становились места.

День стоял безветренный, жаркий. В накаленном воздухе густо пахло растопленной сосновой смолой, цветочной пыльцой, медовыми травами. Под ногами неумолчно звенели кузнечики, с легким потрескиванием крыльев над травами и цветами реяли золотистые стрекозки. Бронзовотелые шмели присаживались на яркие, запашистые соцветия иван-чая и замирали.

Нелегко идти по жаре с тяжелыми рюкзаками. Высокие травы цепко хватали за ноги, к потным лицам то и дело прилипала паутина. За шиворот попадали сухие еловые иголки и неприятно щекотали тело. А тут еще комары! Стоило на минуту остановиться, как они окружали живым серым облачком и кололи своими точеными жальцами в лицо, шею, руки. Больше всех от комаров доставалось Сергею Петровичу. Ничем не прикрытая потная его голова была хорошей приманкой для насекомых. Комары не устрашались взмахов его рук, плохо действовал на них и запах едкого репудина.

— Надо же, ни ветринки! — с досадой проговорила Ира, остановившись и глядя на притихший, млеющий в жаре лес.

Сосновая грива, отделенная от реки прибрежной полосой ивняков и черемухи, поблескивала на солнце прямыми, как свечи, корабельными стволами. Ира ниже натянула на глаза махровые поля белой шляпы, поспешила за идущей впереди Томой. Тома и Ира уже не перекликались так весело, как в начале пути, не подтрунивали над мальчишками. Шли, лишь бы не отстать, молчком, опустив головы, ухватившись руками за туго натянутые ремни рюкзаков.

В черемуховых зарослях снова показалась река. Ребята ринулись к воде, но Сергей Петрович строго предупредил:

— Не пить!

Умылись, разулись, вымыли ноги. Быстро покончили с походным обедом, на полчасика прилегли. У реки, в прохладной тени, комаров было меньше. Под угором вела свой нескончаемый разговор с берегами Серебрянка, раздольно насвистывали птицы. Звонко и озорно, стараясь заглушить пернатую мелочь, выводил замысло-

ватые коленца певчий дрозд. Из сухого смолистого бора ему вторила запоздалой песней малиновка. Златоперая иволга, должно быть, красуясь нарядом перед скромно одетой зеленой самочкой, с короткими перерывами трубила в свою голосистую флейту. Или вдруг умолкала, чтобы через минуту-другую крикнуть на весь лес несуразным криком: «Крря-а-а...» А синегорлая варакушка с тонким носиком и серыми крылышками скромно сидела на ветке, посматривая на ребят то одним, то другим глазом, словно спрашивая: «Ну и как вам нравится?»

Хорошо лежать вот так, в тени, в прохладе реки, слушать птиц и ощущать приятную истому отдыхающего тела. Лежат все, Уралка тоже лежит. Она спит своим чутким собачьим сном, вздрагивая и подергивая лапами.

Тома, глядя между ветвей на голубое, бесконечно высокое небо, спрашивает:

— Вы знаете, о чем шумит река? Она говорит, что родилась недавно, что пробежала не так уж много километров, но все вокруг так интересно, что она не может об этом не рассказать.

— Выдумщица ты, Томка! Ни о чем река не рассказывает, шумит да и только,— усмехнулся Ваня.

— А вот рассказывает,— упрямо повторила Тома.— Сейчас она сказала, что весной вода в ней метра на два выше, и тогда она становится широкой, бурной. Что каждую ясную ночь у нее на дне светятся звезды...

Приподнялся на локтях Сеня, прислушался.

— Придумываешь ты все это.

— Нет, не придумывает,— сказал Сергей Петрович.— Я тоже слышал реку. Река еще рассказывала о том, что мы сюда пришли не первые: кроме нас тут бывают лоси, пьют и отдыхают, как мы, под черемухами.

— Конечно! — отозвалась Ира.— Река о многом может рассказать, если внимательней посмотреть вокруг. Ну, например, что весной река выходит из берегов, по всему видно. Смотрите, хлам всякий, трава старая на сучках висит...

Ваня встал, спустился к воде.

— Я думал, следы коровьи...— виновато сказал он.— А они, эти лоси, не нападут на нас?

Поднялся Павлик, посмотрел на четко отпечатавшиеся на глине следы лосей, объяснил:

— Даже медведь не нападает на людей, если его не трогают. А лоси и подавно. Прийти сюда могут, конечно. Ихнее же здесь место. Вон, видишь, лежки — земля выбита, трава смята.

Ваня пошел посмотреть на лосиные лежки и увидел, что кусты, по которым он продирался, растут наклонно, в сторону течения реки. «Большой, бурной водой пригладило», —догадался Ваня. Однако о своем открытии он пока промолчал.

Павлик Назаров ушел в лес и долго не возвращался. Ребята и Сергей Петрович забеспокоились, стали звать его. И вот он вернулся, пряча что-то за спиной. Он попросил Сергея Петровича сесть, а ребят закрыть глаза.

Много было смеха, когда по разрешению Павлика ребята открыли глаза: на голове Сергея Петровича красовался высокий берестяной колпак.

— Это вместо шляпы, чтобы комары не ели...

Сергей Петрович и сам смеялся, громко, басовито. Колпак ему понравился.

— А что? Неплохой выход из положения. Спасибо, Павлик.— И Сергей Петрович аккуратно заправил под колпак спутанные волосы.

Игорь попросил у Иры рюкзак, видя, как та заталкивает в него консервные банки, хлеб, одежду.

— Ну кто так рюкзак собирает? Потому ты и устала.

— Не устала я,— воспротивилась Ира, но покорно отдала Игорю рюкзак, а сама еще на минутку прилегла, вытянувшись во весь рост, положив ноги повыше, как советовал Сергей Петрович. Он много раз повторял: «В походе ноги беречь — значит, силы беречь».

Укладывая рюкзак, Игорь учил:

— На низ клади все тяжелое, равномерно по всем углам. Котелок тоже чем-нибудь заполняй, хлеб положи, что ли, и чтобы не брякало. Одеяло можно к спине, мягче будет. В общем, легкое все сверху. А спички надо беречь в непромокаемом мешочке или бумаге непромокаемой.

Игорь собрал рюкзак, плотно затянул бечевку...

Этот переход показал, что силы у ребят разные.

Выносливый и здоровый Игорь шагал крупно, с видимой легкостью, все время одинаково ровно. Павлику

приходилось труднее. Он был полнее Игоря, но ниже ростом, и как ни старался, не мог соразмерять свой шаг с его шагом. Чтобы не отстать от Игоря, Павлик то частил, то начинал вышагивать неестественно широко, отчего казалось, будто Павлик идет на лыжах. С него градом катился пот.

Тома Галчук не отставала от Павлика, а иногда опережала его. Она шла спокойно, неторопливо, упрямо наклонив голову в полосатой вязаной шапочке.

Ира Сергеева шла легко, но ее часто что-нибудь отвлекало, особенно разговоры с Ваньком Савельевым. Оба они отставали. Разговоры переходили в споры, а в спорах Ваня не любил отступать. Потом они бежали, догоняя ушедших вперед, отдышавшись, начинали все сначала.

Сеня Петров с легкой котомочкой, завязанной теми же лямками, которые облегали плечи, ни с кем не заводил споров, никого не обгонял, но и не отставал.

Сергей Петрович понимал, что в порядок марша нужно внести кое-какие поправки.

Первая ночь застала отряд на полпути к Кедровке. На берегу развели костер. Яркое пламя освещало натянутую палатку. На передней стенке палатки, выше входа, белела полоса бумаги со словами из знакомой песни, написанными углем:

«Здравствуй, берег, здравствуй, лес!»

Это придумала Тома.

Следопыты расположились вокруг костра. Тишину нарушали только ропот воды, да потрескивание сучьев в огне. В темном низком небе рассыпались звезды, тонкий выгнутый месяц неподвижно висел над горами.

На ребят действует это ночное безмолвие, и они молча занимаются всяк своим делом. Сеня любит уединение. Он расположился в сторонке, под толстой развесистой сосной. Смастерил сошки, развешал на них портянки и верхнюю одежду. Размокшие кирзовые сапоги сушились на кольях у костра.

Над огнем, на рогатульках с перекинутой по ним сырой жердочкой, висели два емких котелка. Тамара, закрываясь от пламени рукой, то и дело заправляя под шапку пышные рассыпающиеся волосы, длинной затесанной палочкой помешивала в котелках варево. Ира помогала ей, правда, больше советами.

Павлик Назаров, надвинув на лоб измятый козырек фуражки, сопя и дуясь, старательно выстругивал ножом деревянную ложку. Лицо его за день сильно загорело, и светлые, белесые брови ярко выделились на нем.

Игорь склонился над раскинутым на коленях планшетом, считал, отмечая карандашом. Потом позвал Павлика.

— Сегодня прошли пятнадцать километров. Это я напрямую высчитал, по масштабу. До Кедровки примерно еще столько же. — И Игорь обвел карандашом крестик, обозначающий первую ночевку.

У ног Игоря возилась Уралка, выбирая из густой шерсти сухие репейные колючки. Там, где зубами не получалось, Уралка пускала в ход задние лапы. Увлеченная такой работой, она поддела растопыренными когтями планшет Игоря и отбросила далеко в сторону.

Смех ребят вывел из задумчивости Ванька Савельева, сидевшего у палатки с блокнотом в руках. В блокноте несколько листков было исписано, зачеркнуто, снова исписано словами: «Операция «Сова». «Длинный хвост». «Кислая морда». В глубоком раздумье Ваня изгрыз конец карандаша и уже начал теребить зубами кончик воротника рубашки. Временами он поднимал взгляд на Сергея Петровича.

А Сергей Петрович думал, вероятно, о том же. Под стеклами его очков Ваня видел прищуренные глаза. И, будто угадывая Ванины мысли, он сказал:

— Так кто же еще, кроме вас, собирался в поход? Может, было бы лучше взять с собой и этих «мстителей»?

Ребята не знали, что ответить.

— Кому вы говорили о своих планах?

— Только своим, ну, следопытам...— не очень уверенно ответил Игорь и вдруг вспомнил: — Нет, говорили! Мишке Власову говорили, что пойдем на Кокуй-городок!

— Кто он такой, этот Мишка? — спросил Сергей Петрович.

— В шестом «б» учился, в седьмой перешел,— сказал капитан.— Мы его сначала не принимали в клуб, потому что двоечников и второгодников не принимаем. А потом Павлик звал его, он сам отказался. Говорит, «без вас обойдемся».

Уже за ужином Сергей Петрович сказал:

— Если «мстители» сами к нам не пожалуют, будь там Мишка или кто другой, придется их выловить.

Не сразу уснешь в первую ночь похода. И ночь была такая хорошая, как в сказке,— тихая, с мерцающими звездами, с краюшкой стынущего над горами месяца.

Глядя на месяц, Ира задумчиво сказала:

— Даже и не подумаешь, что мы на самой середине Уральского хребта. И горы-то какие-то не такие, как на Кавказе,— низкие, пологие. А на перевале и вовсе ничего не заметно. Едешь на поезде, кругом поля да луга. Что это за горы?

— Были когда-то, в давние-предавние времена, и Уральские горы высокими,— сказал Сергей Петрович.— Они очень давно образовались. За много миллионов лет под действием природных явлений постепенно разрушались и стали низкими. Но такие они только здесь, на Среднем Урале. А на Полярном — гора Народная — 1894 метра. На юге Урала горы опять повышаются, и их отдельные вершины достигают высоты в полтора и больше километров. Например, Яман-Тау — 1638 метров.

— А хотите я вам расскажу, почему Уральские горы стали низкими? — предложила Тома Галчук.

Павлик подбросил в костер дров, ребята сгрудились плотнее, Тома села поудобнее, обхватила руками колени.

— Давным-давно, когда не было еще на свете и наших дедушек, жил на Урале один человек. Золотые руки были у этого человека. Что задумает, то и сделает. Взял он раз старую кость и выточил такого конька, что он, как две капли воды, походил на живого. И грива у него была настоящая, с волосками, и копыта, и уздечка тоже настоящие.

Узнала об этом Хозяйка гор — злая колдунья, позвала мастера к себе, отобрала конька. И сказала: «Вот тебе дорогие камни, делай для меня подарки. Будешь честно служить — озолочу; лениться будешь — посажу в подземелье...»

Не согласился мастер. «Не стану,— отвечает,— я на тебя работать. Неужто мне, вольному человеку, доброе скажут люди, если узнают, что я на одно твое утешение свое умение растрачиваю».

Рассердилась тогда Хозяйка гор, ногами затопала, забунтовала. Как топнет — горы дрогнут, как дохнет — ураган поднимется. Силища колдовская у нее была.

«Ах, так! — закричала Хозяйка гор.— Не хочешь мне служить, вольный человек, так не видать тебе этой воли!» — и колдунья на веки-вечные заточила мастера в подземелье.

Много ли, мало ли просидел там мастер, погоревал, погоревал, да не пал духом. Выбрал он в своей темнице камень-гранит побольше да потяжелее, покрепче да поглаже и принялся из него нового коня высекать. Ноги сделал, голову и каждый волосок на гриве. Как живой конь вышел.

А в том подземелье был маленький родничок. Наклонился однажды мастер напиться и увидел на камушке лягушку. «Откуда,— подумал он,— она тут взялась?» — и уже хотел было встать, но лягушка вдруг заговорила:

— Добрый человек, меня тоже колдунья заточила в гору. Я — девица-рукодельница, отказалась выполнить ее наказ — вышить кружево из камня-малахита. И лягушка заплакала.

— Не горюй,— сказал мастер,— выберемся мы из плена.— И он стал у своего каменного коня прорубку делать в груди. Сделал, посадил лягушку в эту прорубку — и конь ожил.

Вскочил мастер на коня, взмахнул плетью, и конь, каменный-то, прошиб грудью гору и вылетел на волю...

Сильно разгневалась Хозяйка, когда узнала о побеге пленников. Затопала, засвистела. Поднялось землетрясение, завыл ураган. Высокие горы все рассыпались, а лес, переломанный ураганом, вылег. С тех пор горы на Урале и стали низкими, а тайга вся завалена буреломом...

Тамара замолчала.

— Ну, а мастер с лягушкой как? — нетерпеливо спросил Ваня.

— Лягушка-рукодельница так билась, так билась в груди каменного коня, чтобы он скакал, чтобы унес мастера подальше от злой колдуньи, что превратилась в настоящее живое сердце. А мастер с тех пор никому на глаза не показывается. Ездит он на своем коне по всему Уралу и высекает из скал всякие статуи. Он сделал и Семь Братьев у Таватуя, и Шайтан-Камень на озере Иткуль, и на реке Чусовой разных Бояринов да Стариков наделал.

Давно кончила Тома рассказ, а следопыты и не думали уходить от костра. Они припоминали виденные скалы, камни, удивительно похожие то на крепостные башни, то на животных, то на богатырей. Как будто они и вправду были сделаны искусными руками мастера.

— А откуда ты это знаешь? — поинтересовался Павлик.

— Давно еще... бабушка рассказывала...— уклончиво ответила Тома.

Хорошо сидеть у лесного костра, хорошо слушать сказки. Но усталость брала свое. Ребята засыпали. Задремала на разостланном одеяле и Ира Сергеева. Но что это? Двурогий золотой месяц, похожий на лодочку, медленно повернулся кверху рожками, выплыл из-за горного окоема и, покачиваясь, повис над самыми соснами. Звездочки в веселом хороводе закружились возле него, нежно позванивая: динь-динь, бом-бом... Потом месяц плавно спустился в речку, причалил к берегу. Из него вышел в красных сапожках и длинной, расшитой бисером рубахе знакомый мастер и бережно накинул на плечи Ире тяжелую парчу, усыпанную искрящимися звездочками...

— Спасибо...— слабо проговорила Ира и, вздрогнув, очнулась: перед ней стоял Игорь.

— Спи, я укрыл тебя...

Но недолог был спокойный сон ребят. Будоража тишину, где-то вверху по реке раздался и медленно затих, растворился в глухих потемках протяжный крик. Уралка вскочила и умчалась в ту сторону.

Дикий крик повторился еще раз, и его отголоски долго не смолкали над туманной рекой.

Испуганные ребята окружили Сергея Петровича.

— Чего вы испугались? — спокойно и даже с улыбкой спросил Сергей Петрович.— Сейчас узнаем, кому не спится в такую пору. Кто со мной?

— Я,— твердо сказал капитан.

— И я,— выступил Павлик.

— Все мы! — за всех ответил Ваня.

Узнать, однако, ничего не удалось. Близко никого не было, на крики никто не отзывался. Уралка вскоре вернулась и, как ни в чем не бывало, улеглась у костра.

В лунном призрачном полумраке снова стало тихо.

На рассвете

Длинной показалась эта первая ночь в лесу Мишке Власову.

От реки тянуло холодом, зябли промоченные ноги. Костер бы разжечь, да еще рано — могут заметить следопыты.

Вадим снова ушел на разведку, оставив Мишку чистить картошку и готовить дрова. Как рассветет, они разожгут костер и сварят эту картошку с луком.

Брезжил рассвет. Звезды меркли и уходили от земли все выше и выше. Вскоре прозрачная четвертинка луны осталась над горизонтом одна. Теперь уже явственно виделся голубоватый туман над рекой. Он медленно заползал на высокий берег, колыхаясь между кустов, плыл к полянам. В высокой росистой траве на полянах, как заведенные, кричали коростели.

Замерзли и руки. Одеревенелые пальцы не чувствовали лезвия ножа.

Когда Мишка обмакивал очищенную картошку в воду, вода казалась ему теплой.

Невесело было на душе. Дернуло же его связаться с Вадимом и тащиться в такую глухомань. И как тащиться — тайком да с оглядкой. Не нравилось это Мишке. А Вадиму — ничего! Он даже и слушать не хочет, чтобы догнать отряд, рассказать всю правду, что никакие они не мстители и им тоже интересно побывать на Кокуй-городке. Что это за поход, если даже костра в лесу нельзя разжечь! И Мишка начал вспоминать все по порядку.

Да, он, конечно, сердился на следопытов — и на Игоря, и на Павлика, и вообще на весь этот клуб с его правилами.

Неужто все лето сидеть дома? И тут на выручку подоспел Вадим.

— Хочешь, я тебе устрою интереснейшее мероприятие? — покровительственно сказал он.— Только это должно быть в тайне от следопытов.— Вадим сел ближе и заговорил глухо: — Мы создадим свою организацию — Союз «мстителей». Понял? Игорю утрем нос... Если ты согласен, то нас уже трое. И пока хватит. Организация эта нелегальная...

— Кто третий? — спросил Мишка.

— Жак-Макаронина. Он пойдет с ними, сведения всякие будет передавать нам. А когда потребуется, совсем перейдет на нашу сторону. Пусть они думают, что Сенька потерялся. Представляешь, какая паника поднимется у следопытов! А мы «найдем» Сеньку и приведем домой. Да если директор школы узнает, что они потеряли Сеньку, сразу разгонит этот клуб! Понял, нет, какой план?

— А Сенька согласится так?

— Уже согласился. Я потолковал с ним, как надо — и порядок. Ты за это не беспокойся.. .

Поначалу Мишке понравился такой план, и он дал согласие быть в Союзе «мстителей». С этого все и началось.

А потом они спешно готовились к дороге, принимали от Сеньки сведения. Через него узнали о цели похода отряда, маршруте и, наконец, о дне и часе отъезда. В поезде они ехали через два вагона от следопытов, но выходили чуть не из последнего. Везде соблюдали большую осторожность. Вадим был смекалист, без конца что-нибудь придумывал, и все у него получалось складно, гладко. Вадим мог кому угодно говорить неправду и даже не моргнуть глазом. А Мишка так не умел. И вообще ему стала надоедать эта «конспирация», как выражался Вадим, эти бесконечные опасения на каждом шагу. Что-то томило, угнетало. Особенно в эту холодную ночь в лесу.

Неожиданно у берега раздался сильный всплеск. Мишка вздрогнул. Увидев расходившиеся круги, он понял, что это нырнула ондатра и в сердцах запустил ей вслед недочищенную картофелину.

Дрова были заготовлены, но без Вадима Мишка не решался разжечь костер. Набрал в котелок с картошкой воды, посолил, положил лаврового листа и крупно накрошил луку. Но в это время послышался топот, а через минуту из кустов выскочил запыхавшийся Вадим.

— Бежим! — хрипло бросил он на ходу, хватая рюкзак.— Высокий с Игорем идут в нашу сторону!

— Подожди,— попробовал остановить Мишка.

— Что подожди! Хочешь, чтоб они тебя тут накрыли? Бежим, говорю, пока не поздно! — И Вадим, уже больше не слушая Мишку, сгреб в охапку его рюкзак, побежал от берега.

Мишка вывалил из котелка картошку, сдернул с сучка ружье и поспешил за Вадимом.

Они остановились только тогда, когда окончательно убедились, что погони за ними нет.

— Вот... когда лежал в траве, совсем околел... а сейчас жарко...— с трудом выговорил Вадим. Он вытер полой телогрейки красное вспаренное лицо, сбросил с плеч рюкзак и сел на него.

— К самому лагерю подполз, думал, Сеньку увижу. Дрыхнет Жак-Макаронина...— часто вздыхая, сказал Вадим.— Хорошо, что все спали: Уралка опять унюхала. Но с сегодняшней ночи у меня с ней контакт — сразу узнала, даже не тявкнула... У них палатка, а спят, дураки, на улице. В куче все, под одеялом. Еще одну записку хотел оставить, да высокий проснулся.

— Чо, разве узнали, что это мы? — хмуро посмотрел из-под рыжих кустистых бровей Мишка.

— Где там! — самоуверенно ответил Вадим.— Ведь записки-то я придумывал. Пускай поломают головы...

— А Сенька не выдаст?

— Сенька? Не-ет. Не стал бы он тогда заламывать дорогой ветки. Да и трус он. Меня боится, их боится... А где картошка? — вдруг спросил Вадим.

— Выбросил. Что я, с ней таскаться буду? Хватит с меня, мешок волоку.

— Тоже мне, паникер! Так ты и ружье где-нибудь бросишь,— недовольно сказал Вадим.— Чисти давай снова, подкрепиться надо перед дорогой.

— А ты?

— Что я? У каждого свои обязанности. Я здесь главный, забыл, что ли?

Мишка сердито посмотрел на Вадима, но возражать не стал, потянулся к котомке.

— Здорово все-таки получается! — снова заговорил Вадим.— Ведь они думают, что мы в походе с десятой школой. Зря, что ли, я прошел возле дома Пашки-заики? А он будто ждал: выскочил на дорогу и рот от удивления раскрыл. Посмотрел бы ты на него!

— Принес бы лучше дров,— перебил Мишка.

— Дров? Давай не будем забывать свои обязанности,— повторил Вадим.

Однако встал и пошел за дровами. Но принес сырые осиновые сучья.

— Зачем ты их притащил? — спросил Мишка, в упор глядя на Вадима.

— Ты же сам просил дров. Чего тебе еще надо?

— Вот и разводи из них костер сам.

Вадим был искренне удивлен, почему Мишке не понравились дрова. Он вытащил спички и стал разжигать костер. Много он исчиркал спичек, много пережег бумаги, а обуглившиеся дрова только дымили. Вымазанный в саже, со слезящимися от дыма глазами, с опаленными ресницами, Вадим встал, швырнул спички Мишке под ноги и в третий раз сказал:

— Давай не будем забывать свои обязанности...

— Обязанности..— передразнил Мишка, взял тяжелый топор (другого у них не было) и тут же за спиной у Вадима отщипнул от смолевого соснового комля несколько желтых щеп. Потом ушел в лес и приволок сухую вершину. С первой спички, ярко потрескивая, загорелся костер.

Пока варилась картошка, ребята лежали у костра. Мишка снял мокрые сапоги, придвинул их подошвами к огню, портянки разбросил на траве. Сам лежал лицом к огню, поправляя черной, давно не мытой рукой прогоравшие сучья.

Вадим сушил ботинки прямо на ногах. Он лежал на раскинутой телогрейке, головой на рюкзаке, ногами к огню. У Вадима слипались глаза, он то и дело засыпал, но тут же вздрагивал, поднимал голову и озирался.

— Ты ничего не слышал? — тревожно спрашивал он Мишку.

— Лежи знай,— с неприязнью отвечал тот.

Картошка кипела, пуская через края обожженного котелка пенистые потеки. Мишка ткнул ножом в верхнюю — упрела. Снял котелок, слил воду.

— Ты что, как барин, развалился, нарежь хоть хлеба,— сказал Мишка.

— Хлеб у тебя, тебе и резать,— невозмутимо ответил Вадим.

Ели они молча. И только потом, когда Мишка, сполоснув котелок в ключике под камнями, поставил кипятить чай, Вадим сказал:

— Нам лишь бы до Кедровки добраться. Там оживем. Купим в деревне лодку — и айда по воде! Вперед их приедем на Кокуй.

— Найдешь ли Кокуй-то?

— А что, не найду, думаешь? Жак-Макаронина поможет. Наш будет Кокуй! — Вадим подумал маленько и добавил: — Вот только Кедровку бы не пройти.

— А деньги-то есть на лодку?

— Что, думаешь, батя меня отпустит в поход без денег? Вот! — и Вадим показал Мишке туго набитый кошелек.

Взошло солнце. Кругом защебетали птицы. Лес наполнился звуками, воздух загудел от насекомых. После чая ребят вовсе разморил сон. Но спать было некогда — следопыты могли уйти далеко.

Ребята собрали вещи и старой тропой среди дымящихся трав направились к реке.

По горам, по лесам

Серебряная вырастала на глазах. Бесчисленные притоки полнили ее. Можно было бы плыть на плоту, но мешали камни и перекаты.

А берегом идти становилось все труднее и труднее. То и дело приходилось переправляться по скользким настилам через протоки, переходить вброд топкие, пропахшие гнилью болотины. Лес вплотную подступил к реке и скрыл свет над нею. Точно в зеленом туннеле течет Серебряная.

Утром Сергей Петрович определил для каждого место на марше. Сам он шагал первым, за ним Павлик, за Павликом Тома, потом Ира, Ваня, Сеня. На Игоря, как наиболее сильного, выпала обязанность замыкать шествие. Это не менее ответственно, чем возглавлять его. Ире и Ване Сергей Петрович строго наказал поменьше болтать.

Однако уже с первых километров установленный порядок нарушил Сеня Петров. Он вышел из строя и отстал от Игоря.

Сегодня Сеня больше всех уставал, жаловался то на сапоги, то на рюкзак то на одышку.

Путь отряду преградил бурелом. Полуистлевшие, нагроможденные друг на друга деревья поднимались непроходимой стеной. Следопыты присели на обросший лишайниками пихтовый ствол.

— Братская могила,— сказал Ваня Савельев, показывая на серую непроглядную массу поверженных деревьев.— И какая это силища их наворочала?

— Ветры здесь буйствуют, Ваня,— ответил Сергей Петрович.— Сильные ветры, с хребта дуют, а почва тут болотистая. Не за что дереву уцепиться корнями. Не выдержало одно дерево напора ветра, падая, навалилось на соседнее — и то упало. Из ветвей целая завеса получилась. Поднажал ветер, ухнул с новой силой и пошел валить лес. Страшная это картина, когда лес падает, Ваня.

Сергей Петрович снял с головы сделанный Павликом колпак, повесил его перед собой на сучок. Он совсем освоился с этим оригинальным головным убором. Ира Сергеева пришила к нему лямочки — чтобы не сшибали его ветки.

— Не пройти нам по бурелому,— сказал Сергей Петрович, вытирая платком мокрые волосы.— Тяжело, да и опасно это, друзья. Давайте повернем на хребет, как дед советовал. Хоть и подальше будет, но вернее. Выйдем на тракт, а там дойдем до Кедровки с песнями. Как думаешь, капитан?

Игорь ответил не вдруг. Подумал, посмотрел на карту, зачем-то сверил направление по компасу.

— Самое правильное решение,— сказал он очень серьезно,— давайте повернем на хребет. Хоть по горам пройдем.

— По хребту, конечно, лучше доберемся,— с готовностью согласился Ванек Савельев.

Сергей Петрович взял азимут на одну из горных вершин, которая едва выделялась из сплошного волнообразного кряжа, и отряд, отклонившись от ранее намеченного курса, двинулся через тайгу на хребет. Нельзя сказать, что подъем был крут, отряд уже находился на высоте, но по захламленной тайге идти было трудно. Огромные мшистые сосны переплелись вверху ветвями и закрыли свет. Густой шиповник, вперемежку с тощим чахлым подлесьем, сплошь заваленный колодняком, не хотел пропускать следопытов. Темно и тихо. Только сучья трещат под ногами.

Устали ребята. Присесть бы, отдохнуть. Но они упорно шагают вперед, за Сергеем Петровичем — скоро вершина. Из-под ног часто взлетают грузные глухари,

ломают крыльями ветки, уносятся в сторону. На шум мчится Уралка — не медведь ли, здешний царь, вышел навстречу?

Близился перевал. Лес редеет. В проемы между деревьями все шире открывается вид на таежные просторы западного склона. Скоро покажется и восточный.

Вот и намеченная вершина — перевал. Леса на нем почти нет. Там и тут возвышаются голые потрескавшиеся скалы.

С перевала, как на ладони, видна вся панорама предгорий. Горные вершины, покрытые лесом, уходят в необозримую даль. Чем дальше, тем лес светлее, а на горизонте, где горы сливаются с небом, тайга уже не зеленая, а дымчато-голубая. Видно долину Серебряной, еще какую-то речонку и узкую ленту тракта, который забирается на перевал, петляя между горными увалами. На юго-западе из-за массива копнообразной горы видны строения какого-то поселка.

— Кедровка,— выдохнул Сергей Петрович и остановился.— А вон и тракт, о котором нам дед говорил.

Не дожидаясь команды, ребята сели. Сели все разом, не подыскивая подходящего места, не снимая рюкзаков. Земля здесь была сухая, песчаная, редко поросшая колючим татарником и волчьим лыком. Сел и Сергей Петрович.

— Куда идет этот тракт? — спросил Павлик.

— Он идет из Серебрянки, того самого поселка на реке Серебрянке, куда мы должны прибыть в конце путешествия, через хребет, в Кушву,— объяснил Сергей Петрович.— Поэтому он и называется Серебрянским. Раньше, когда не было через хребет железной дороги, Серебрянский тракт имел большое значение в развитии горного дела на Среднем Урале. Он связывал Кушвинский, Баранчинский и другие заводы по ту сторону хребта со сплавной рекой Чусовой. С Серебрянской пристани грузы уральских заводов сплавлялись на баржах сначала по Серебрянке, затем по Чусовой в полноводную Каму. А уж из Камы грузы можно было доставить в любой город России.

Игорь снова раскрыл свой планшет, самодельную карту положил сверху. От крестика, обозначающего ночевку, провел на восток прямую линию. На конце ее поставил кружок и под прямым углом провел вниз другую

линию. Это он обозначил измененный маршрут. Извилистую стрелку от крестика до Кедровки Игорь зачеркнул.

— Ты зачем портишь карту? — испугался Ванек Савельев.

— Не порчу,— спокойно ответил Игорь,— наш путь корректирую...

Сеня Петров, воспользовавшись остановкой, хотел еще и полежать, но Сергей Петрович встал и басовито прогудел:

— По-одъе-ем!

Дед сказал правду. По гребню хребта лес действительно был редким. Не было здесь и болот. Россыпи обкатанных камней лавой расползлись по склонам гор.

Шли следопыты ходко. На открытой высоте не было гнуса, не мучила жара. Свежий ветер упруго дул в лицо. Тут он не утихает, трудится неустанно, превращая неприступные голые скалы то в башни крепости, то в сказочных великанов. Подобно древнейшим памятникам стоят гранитные исполины, высоко поднявшись над лесом.

— И эти скалы, Тома, наверно, сделал твой мастер,— заметил Ваня, когда ребята подошли к ним близко.

— Может быть,— ответила девочка, придерживая рукой шапку и восхищенно глядя на вершину скалы.

Высоко-высоко в небе плыли серебристые облака. Но ребятам казалось, что это не облака движутся, а скалы, жутко накренившись, несутся вперед, серыми мрачными верхушками бороздя безбрежную синеву неба.

Близким казался тракт с вершины горы, а шли до него долго. Ваня Савельев первый заметил поблескивающий меж деревьев большой квадратный столб, увенчанный куполом.

— Не пойму, церковь, что ли, какая? — сказал он, всматриваясь.

Сергей Петрович протер очки.

— Э-э, друзья, да это и есть тот столб, о котором говорил дед. Помните? Как и решетчатые вышки, он стоит на границе Европы и Азии. Интересно, очень интересно, посмотрим.— И Сергей Петрович заторопился, прибавил ходу. Через несколько минут ребята были у литой железной оградки. В центре ее на каменном постаменте покоился красивый обелиск, формой своей напоминавший теремок из сказок. Теремок был ярко раскрашен

в несколько цветов — купол зеленый, боковые выступы — черные, а стены — белые. Красивый столб, приметный издали.

— Так что же получается,— развела руками Ира,— приехали мы из Азии в Европу, а потом из Европы пришли пешком снова в Азию?

— Да, почти так,— улыбаясь, сказал Сергей Петрович.— Если ты отступишь в эту сторону два шага, то попадешь опять в Азию.

— Чудеса!— изумилась Ира, сделала два крупных шага и крикнула:

— Привет европейцам!

Ваня весело ответил:

— Привет азиатам!

Пока ребята рассматривали столб, Сергей Петрович рассказал о нем маленькую историю.

— В августе 1868 года по этому тракту проследовал через Уральский хребет императорский наследник, князь Владимир. Сопровождавшие его вельможи решили отметить это событие, увековечить его возведением памятника на границе частей света. Безвестные уральские мастера с демидовских заводов отлили многотонный обелиск из чугуна. До сих пор остается секретом, как и где талантливым мастеровым удалось выплавить такой огромный художественный слиток.

Пока шел разговор, Ваня успел скопировать в свою книжечку надпись с одной из сторон столба:

«В память переезда через Урал его императорского высочества государя великого князя Владимира Александровича.

3 августа 1868 года».

В Кедровке

Старый, выбитый колесами тракт петлял по крутому горному склону. Ему не было конца, он словно убегал от ребят. Уже село солнце. Прохладные молчаливые сумерки опустились на горы.

Не один раз, когда дорога выводила на угорок, лишенный леса, следопыты видели за темными ельниками на дне туманного суходола беспорядочно разбросанные, словно рассыпанные с пригоршни, крохотные домики и дворики Кедровки. Это подбавляло силы, ребята шли

бодрее, но опять появлялся угорок и опять та же пленительная и далекая, как мираж, картина с желанной Кедровкой.

Решили отдохнуть, свернули на поляну, кружком присели на траву. Никто не жаловался на усталость, но и скрыть ее было трудно. Не хотелось двигать ни рукой, ни ногой. Даже аппетит пропал. Чтобы отдых не разморил ребят окончательно, Сергей Петрович начал вынимать из рюкзака еду.

— А ну, добавляй! Где ваши конфеты, где печенье?

Ребята нехотя поднимались, развязывали рюкзаки.

Ира вдруг встревожилась.

— Странно, куда же девались мои консервы?— растерянно спросила она.— Кажется, ничего я нигде не оставляла.

— Слушай, Ирка, так и моих нет!— выкладывая все содержимое рюкзака на землю, удивилась Тома.

Игорь опустил длинные выгоревшие ресницы, отвернулся. А Павлик надулся и громко засопел.

— Вот это да! Как же это? Куда же все делось? Что мы теперь есть будем?— чуть не плакала Ира.

Игорь не мог больше молчать и смущенно сказал:

— Не волнуйтесь, вся ваша пропажа у нас с Павликом. Вам тяжело нести. А сами вы бы ни за что не дали...

Ни Ира, ни Тома не успели ответить Игорю, потому что из леса на дорогу вышел здоровенный бородач, подпоясанный поверх дерюжного пиджака ремнем, с кожаной сумкой на боку.

— Здорово, молодцы!— дружелюбно пробасил он издали, касаясь козырька выцветшей форменной фуражки.

— Здравствуйте!— дружно ответили ребята.

Великан приблизился и с удивлением остановил веселые голубые глаза на Сергее Петровиче.

— Это как понимать, артисты бродячие, что ли?

Сергей Петрович смутился.

— Почему артисты?

— А это? — бородач показал пальцем на колпак.

— Вот вы о чем!— засмеялся Сергей Петрович.— Следопыты это. А я с ними за старшего. Ну, а колпак... В дороге всякое бывает. Вот шляпу в поезде забыл...

Бородач прищурил глаз.

— Тогда позвольте спросить, если не секрет, откуда сами будете?

— Из Сведловска.

— Из Свердловска?!— еще больше удивился великан.— Зачем же несет вас недобрая в этакую даль?

Он сел на потрескавшийся белый камень, снял фуражку. Ваня Савельев, все время не отводивший глаз от незнакомца, успел разглядеть, что на фуражке остались следы какой-то кокарды формы перекрещенных листиков «Лесник, наверное»,— подумал Ваня.

— Идем на Кокуй-городок,— объяснил Сергей Петрович.— Будем делать раскопки. Потом попробуем отыскать пещеру Ермака. А вы здешний?

— Здешний. Здесь и родился.

— Если бы вы нам помогли! Очень это нам нужно!— и Сергей Петрович пододвинул незнакомцу разостланную на траве газету с едой.

— Спасибочко, недавно па́ужинали. А насчет помощи — чем могу, тем помогу. Какой может быть разговор! Только уже если знакомиться, так давайте по-настоящему.— И он протянул свою широкую пятерню.

— Зовут меня Григорием Николаевичем, ну, а на деревне кличут просто: дядя Гриша. Так и вы зовите.

Дядя Гриша вынул из кармана свернутую в трубочку полоску бумаги, оборвал узкий кончик, облизнул его и смастерил причудливую «козью ножку».

— Спать-то где собираетесь?— помолчав, спросил он.

— В деревне. Сюда мы завернули нарочно. Может быть, кто из здешних знает подробности о Кокуй-городке. А главное хотелось бы узнать что-нибудь о пещере Ермака. Вы ведь, наверно, тоже слыхали что-нибудь?

— Как же, маленько наслышан.

Великан глубоко затянулся едучим махорочным дымом, громоподобно кашлянул и неожиданно предложил:

— Айда! Ночевать будете у меня. Дом большой, всем места хватит. Ну и потолкуем заодно.

— Значит, главное вы знаете. Что городище это никто в глаза не видел, что место глухое и прочее...— басил дядя Гриша, потягивая из чашки чай.

Ребята и Сергей Петрович сидели за столом, накрытым холщовой скатертью, и тоже пили запашистый чай с баранками. С краешку лавки хозяйка примостилась —

улыбчивая молчаливая тетушка в цветистом сарафане, с продолговатым лицом и редкими волосами, свернутыми на затылке в клубочек. Но она сидела, должно быть, ради порядка, потому что в разговор не вступала.

— А в пещере-то я бывал, давно только, поди, уж годов сорок назад,— продолжал дядя Гриша.— Отец еще живой был. Помню, белковали. Ну и набрели...

Сергей Петрович ближе подвинулся к дяде Грише.

— И помните, где она находится?

— В том-то и дело — запамятовал. Шутка, сорок лет минуло!

Тут дядя Гриша, как и при встрече, прищурил один глаз, отчего до самого уха лучиком разбежались морщинки, прикусил верхнюю губу и уставился на потолок, словно на нем было написано, где пещера. Так он сидел с минуту. Ваня украдкой тоже взглянул на низкий потолок, но, кроме усатого таракана на крашеной балке, ничего не увидел. Все смотрели на дядю Гришу с нетерпеливым ожиданием, а он невозмутимо пощипывал бороду и молчал.

— Неужели совсем забыли?— не вытерпел Игорь.

— Если бы совсем забыл, так и не говорил бы,— наконец сказал дядя Гриша.— Знаю, на той стороне Кокуя она. Не близко. А вот где — не скажу.

— А потом, позднее, вы не бывали в тех местах?— спросила Тома.

— Бывать бывал, но пещеру не встречал больше. Ненароком, понятно, ходил.

Сергей Петрович поставил стакан с недопитым чаем и совсем вплотную придвинулся к дяде Грише. Он волновался. В такие минуты Сергей Петрович чаще обычного и без особой надобности снимал и протирал очки и легонько постукивал по столу то указательным, то средним пальцем.

— Не встречали, говорите, больше?— спросил Сергей Петрович.— А не припомните, на каком месте она расположена, на что хоть похожа издали?

— Как сказать? Лес кругом, сосняк больше, среди леса гора поднимается, высокая, обрывистая, камень голимый. А наверху — дыра. Видно дыру-то с одной стороны, когда подойдешь близко. Залезать тоже умеючи надо.

— Вот так штука! — хлопнул руками по коленям Сергей Петрович.— Все вокруг да около. Ну, ничего. А кроме вас из здешних кто-нибудь бывал в пещере?

Дядя Гриша пожал плечами.

— Кто его знает. Говорить-то все говорят, а бывал ли кто, не слышно таких. Старые-то, знающие мужики поумирали, а молодежь не больно туды тянется. Вот и выходит — все говорят, а никто не бывал.

Дядя Гриша шумно поднялся, отряхнул с рубахи на стол хлебные крошки, сел на дальний конец лавки и вынул кисет с бумагой.

— Поспрашивайте еще дорогой. Недалеко от Кокуя теперь запруда на Серебряной-то — драга ходит. Гляди, из тамошних мужиков кто и подскажет.

За окнами давно стемнело. Ребята зевали, клевали носами. Сеня навалился спиной на косяк и, сидя, заснул.

Хозяйка притащила из чулана два больших тулупа и постелила у печи. Ребята легли, а Сергей Петрович опять присел к дяде Грише. Они еще долго о чем-то разговаривали вполголоса. Игорь лежал с краю и пытался понять, о чем они говорят, но мешал сон. До сознания доходили лишь отдельные слова: «план», «какой сможете», «много значит»... Но уяснить услышанное Игорь уже не мог.

Отряд продолжает путь

За деревней, слившись с речкой Кедровкой, Серебряная стала заметно шире. Тут она течет вдоль западного склона хребта. Сам Уральский хребет, или просто Урал, как называют здесь, тянется в нескольких километрах к востоку. На фоне утреннего ярко-голубого неба четко очерчиваются вершины гор, поросшие хвойным лесом.

За Кедровкой места по реке еще глуше. Среди бела дня в лесу темно. И опять ветроломы. Упавшие деревья обвешаны ветками, кореньями, мхом. Особенно много их у самой реки, где влажная почва. Там и тут чернеют вывороты корневищ с ажурной, точно вязь, сетью тончайших корешков.

Теперь по реке уже можно было плыть на плоту. Правда, Серебряная часто двоилась на рукава, грозно

бурлила на шиверах и перекатах. Временами, прямо по стержню, тянулись длинные песчаные косы, по которым бегали, покачиваясь на тонких ножках, носатые кулички.

Но и берегом продвигаться становилось все труднее. Частые лесные завалы сменялись хлюпкими болотинами, болотины — такими густыми зарослями прибрежного тальника, что пробираться по нему было наказанием. Как только начинался тальник, Сергей Петрович поплотнее застегивал ворот и устремлялся в чащу, тяжестью своей проламывая дорогу. Доставалось и идущим сзади. Пружинистые ветки хлестали по лицам, связывали ноги. Ребята часто падали.

— Чхал я на это дело! — сорвалось с запекшихся губ Вани Савельева, когда он в очередной раз запнулся за валежину и растянулся. Игорь помог ему подняться, неодобрительно смерил глазами: «хнычешь?» Ваня подбросил на спине рюкзак, размазал фуражкой по лицу грязный пот, зашагал дальше.

И вот путь отряду преградила широкая протока. Сергей Петрович прошелся по берегу, постукивая посохом по голым стволам сухостойных деревьев, посмотрел на часы, на притихших, уставших ребят и обеими руками воткнув посох в землю, торжественно изрек:

— Здесь будет плот сооружен!

Это решение приободрило ребят. После обеда и небольшого отдыха вовсю закипела работа. Свалили и очистили от сучьев несколько сухих пихт. Волокли их всем гуртом. Сергей Петрович, согнувшись в три погибели, подбирался под середину ствола, ребята придерживали за концы.

— Раз, два — взяли! — командовала Ира.

Не простое дело построить плот. Важно найти подходящий материал, но это еще полдела. Надо рассчитать плот так, чтобы он не был излишне громоздким, но имел достаточную грузоподъемность. От формы плота зависит скорость движения, устойчивость и легкость управления. Все это нужно учесть заранее, а то плот будет или «зарываться», или крениться, или не слушаться руля.

Сергею Петровичу не раз приходилось плавать по разным рекам. Конструкцию плота он придумал сам и даже составил чертеж. Сейчас листок с чертежом лежал на земле, придавленный по углам камешками.

Работы хватало всем, и работали ребята увлеченно. По ходу дела то один, то другой вносили предложения. Ваня Савельев, например, уговаривал построить на плоту кают-компанию.

Ваня доказывал:

— Каюта вот так нужна! — и он проводил ребром ладони ниже своего подбородка.— Всякие заседания будем в ней устраивать... А вдруг гроза поднимется?

Однако бессердечный Сергей Петрович не принимал никаких предложений.

Он теперь походил на заправского корабельного мастера. Высокий, небритый, с отросшими пышными волосами, в больших сапогах и выпущенной поверх брюк рубахе, он азартно рубил топором, каждый удар сопровождая шумным выдохом: а-ах!, а-ах!, а-ах! Не хватало только черной тесьмы, перехватывающей выше лба волосы.

Павлик придерживал бревно, чтобы оно не прыгало от ударов и поучал Игоря:

— Ни сосна, ни береза, ни кедр не годятся для плота. А вот пихта — это да-а! Легкая, плавучая, долго не намокает.

Игорь орудовал ножом, проскребая по середке бревна прямую линию.

— А это зачем? — спросил Павлик.

— Ватерлиния,— сказал Игорь с некоторой нежностью в голосе.

— Что, что? — не понял Павлик.

— Ватерлиния, говорю. Ну, линия такая по бортам всех кораблей делается, показывает осадку, — объяснил Игорь.

— Не слыхал я,— признался Павлик.— Вот про плоты знаю, а про ва-атерлинию не слыхал.

— И я не слыхала,— сказала подошедшая Ира.

Игорь воткнул нож в бревно, встал.

— Слушайте давайте. Вот грузят, грузят корабль, он все оседает, оседает, как осел до этой линии — так кончили грузить. До предела, значит, нагружен. Понятно?

Ира кивнула головой, но все же возразила:

— Может быть, на плоту и не обязательно делать эту линию?

Дополнительными креплениями и перекладинами к плоту послужили четыре доски, выброшенные на берег в

половодье. Сам же остов срубили из семи толстых бревен, в «замок». Верхние жерди и доски приколотили длинными гвоздями, захваченными для этой цели в деревне.

Когда плот был готов, Игорь отошел в сторону и, подперев бока ладонями, долго разглядывал сооружение. А потом сказал:

— Все хорошо, не хватает только грот-мачты и флага.

На этот раз Сергей Петрович не возражал.

— Ты, наверно, хотел сказать не грот-мачты, а флагштока, — поправил он. — Это, пожалуй, подойдет. Флагшток при случае пригодится нам как запасной шест...

Игорю не понравилось такое обидное сравнение — флагштока с шестом, но оспаривать было рискованно: Сергей Петрович мог передумать. Поэтому Игорь с Павликом сразу же ушли подбирать флагшток. Они принесли прочную березовую палку, подровняли, укрепили толстым концом на середине плота. Долго думали, что повесить вместо флага и, наконец, придумали: флаг заменит бело-голубая Ирина косынка.

Время близилось к вечеру. Можно было бы заночевать здесь, но ребятам не терпелось проплыть на плоту. Кое-как столкнули его на воду. Испытывал плот Сергей Петрович один. Опробовал на крен, на вираж, потоптался, потопал, а затем воткнул шест в дно и изо всех сил стал разворачивать плот на месте. Развернул и, сияющий, воскликнул:

— Хоть до Камы плыви!

Сборы были недолги. Сергей Петрович сам уложил в центре плота вещи, рассадил ребят — и отчалили!

Плыть все же куда лучше, чем шагать по заболоченной, заваленной буреломом тайге. Не надо тащить на себе тяжелые рюкзаки, не надо искать проходы и выходы в чащобе. Даже, кажется, комары не так донимают.

Особенно радовался Ваня Савельев.

— Вот ведь благодать! — восторгался он. — Сиди, и знай поплевывай! Река все за тебя делает...

На вахте двое — Игорь и Павлик. Павлик дежурит у кормового весла, вставленного между сосновыми плахами, Игорь — на «капитанском мостике». Стоит с шестом в руках и время от времени зычно командует:

— Право руля! По фарватеру — риф! Лево руля! Так держать...

— Есть так держать, капитан! — откликается рулевой.

Ребята, не занятые управлением плота, любуются берегами. Какими красивыми выглядят они сейчас, когда по ним не топаешь на своих двоих. Уралка не может понять, почему ее держат здесь, на плоту, и не отводит тоскливых глаз от прибрежных лужков, поросших буйной осокой, от кудрявых ив, низко склонившихся над водою. Тенистые берега доносили запахи трав и нагретой за день сосновой хвои. Плот плавно скользил по зеркальной глади реки, и казалось, что берега сами движутся ему навстречу.

Ира тихонько завела песенку. Вероятно, она сама ее сочинила:

— Ой, ты реченька, ты речка,
Не спокойна, быстротечна,
Катишь воды вдоль хребта,
Не покорна и горда...

Все уже привыкли к новой обстановке, как будто плывут на плоту не второй час, а второй день. Сергей Петрович, широко раскинув колени, сидит на низком чурбаке и безопасной бритвой безжалостно сдирает со щек жесткую щетину. Всем уже известна его рассеянность, и никто не удивляется, что зеркальце он оставил дома. Вместо него у ног Сергея Петровича котелок с прозрачной водой, прикрытый с одной стороны колпаком. Прикрыт он для того, чтобы на воду не падал лишний свет. В дрожащем импровизированном зеркале отражается густо покрытая мыльной пеной щека, сосредоточенный взгляд под очками и за плечом кусочек голубого неба. Сергей Петрович увлечен своим занятием. Может быть, поэтому он не заметил, как за крутым поворотом река вошла в высокие берега, стала уже, а скорость течения удвоилась. Первой беду почуяла Уралка. Беспокойно забегала по плоту, жалобно заскулила. Теперь Павлик без передышки работал веслом, чтобы плот шел прямо.

И вот тут-то случилась беда. Недалеко от старой заплотины, где вода с глухим урчанием кружится в гневном омуте, плот так тряхнуло, что Сергея Петровича на

чурбаке как не бывало, а Игорь с шестом полетел в реку!

Плот на чем-то сидел, один край его затонул, другой приподнялся над водой и принимал на себя бурлящий натиск течения.

— Держись! — крикнул опомнившийся Сергей Петрович, выхватил у Павлика рулевое весло, протянул Игорю.

Борясь с течением, Игорь пытался приблизиться к плоту. До протянутого весла оставалось всего каких-то метра полтора, но дотянуться до него не хватало сил.

— Еще, еще маленько! — подбадривал Ваня, не зная, чем помочь капитану.

Бешеный поток относил Игоря, расстояние между ним и плотом с каждой секундой неумолимо возрастало.

— Сейчас! — крикнул Ваня и прыгнул в воду. Он цепко ухватился одной рукой за конец весла, другую протянул Игорю. Тот подался немного вперед, но его снова отнесло. Тогда как-то странно охнув, прыгнул с плота Сергей Петрович. Еще одно, последнее усилие, последнее напряжение — и пальцы друзей соединились...

А тем временем Павлик Назаров боролся за спасение севшего на камень плота. Вода напирала с невероятной силой, плот угрожающе скрипел и как бы нехотя разворачивался. Промедли несколько минут — и вода разнесет его по бревнышкам. Не найдя ничего под руками, Павлик вырвал флагшток и им что есть силы уперся в дно. Не поддается. Ира и Тома, как могли, помогали Павлику. Но и у троих сил не хватало.

— Сеня, сюда! — чуть не плача, кричала Тома.

Но Сене было не до этого. Он бестолково метался по плоту, то хватаясь за рюкзак, то принимаясь раздеваться и, наконец, в полной растерянности сел, полураздетый, прямо в воду, судорожно вцепившись руками в скользкие доски.

Сергей Петрович помог Игорю и Ване выбраться на плот, а сам, нащупав под ногами опору, грудью навалился на борт. Плот, глухо застучав днищем по камню, снялся.

Едва Сергей Петрович влез на бревна, как плот подхватило течением и легко и быстро понесло вперед.

Ребята выжимали одежду и старались не смотреть на Сергея Петровича. Мокрый, со слипшимися волосами, с недобритым лицом, Сергей Петрович ползал на корточках по плоту, собирая уцелевшие лезвия. На месте недавнего злоключения, на речном дне остались ржаветь и обрастать ракушками бритвенный прибор, котелок и очки. Колпак унесло по течению, но вскоре ребята выудили его из-под прибрежного куста.

Сергей Петрович сел, безнадежно махнул рукой.

— Очки, главное очки! А без лезвий обойдусь.

Ребята помогли ему стянуть с ног размякшие пудовые сапоги, стащили брюки и куртку. Пока выжимали, Сергей Петрович сидел на бревнах в трусах, знобко подергивая плечами и отбиваясь от наседавших комаров. Ира вынула из рюкзака одеяло, но и оно оказалось подмоченным. Тогда Тома достала большой платок и накинула на спину Сергея Петровича.

Сергей Петрович подслеповато щурил совсем беспомощные без очков глаза, глядя на раздавшиеся берега, на затопленные в низинах деревья. Теперь река снова разлилась, скорость течения заметно падала.

Сергей Петрович натянул штаны, обулся и сказал:

— Однако, друзья, недолго нам осталось плыть.

— Почему? — удивились ребята.

— А помните, дядя Гриша о запруде говорил? Вот она, эта запруда, и начинается. Впереди плотина.

Большое пламенеющее солнце, окруженное бело-оранжевым венчиком, опускалось в туманное марево горизонта. Длинные тени легли по воде от высоких, увитых хмелем черемушин. Свежий речной воздух отдавал запахом водорослей и рыбы. Повторяя прихотливые повороты реки, плот медленно продвигался вперед. Иногда, проплыв целый час, ребята с изумлением узнавали уже виденные раньше берега: в этом месте Серебряная делала причудливую излучину.

Сменилась вахта. За управление плотом встали Ваня Савельев и Сеня Петров. Теперь Сергей Петрович сидел в носовой части и зорко смотрел вперед. Тут-то и пригодились запасные очки, в которые хорошо видно на дальнее расстояние. По спокойной глади воды, минуя набрякшие топляки и мели, неторопливо плывет бревенчатое суденышко, и с него, нарушая тишину наступающего вечера, то и дело слышится звонкая перекличка:

— Право руля! Так держать!

— Есть, так держать!

За крутым лесистым мыском Ира увидела на берегу маленький домик.

И сразу все вспомнили: дядя Гриша упоминал о заброшенном домике старателей, который находится где-то на полпути к Кокуй-городку. Конечно, это тот самый домик.

В проворных руках Сергея Петровича заработал шест, подбивая плот к пологому за̀песку. С радостным, нетерпеливым визгом выскочила на берег Уралка.

План дяди Гриши

Лесное жилище всегда радует путника. Пускай в нем нет светлых окон, нет мягкой постели, но зато есть главное — четыре стены и крыша. А как дороги эти стены и крыша людям, неделями блуждающим по тайге! Как приятно после трудного перехода зимой докрасна накалить железную печурку и сидеть перед ней, наслаждаясь теплом, слушать, как попискивают и потрескивают на огне смолевые полешки... Поэтому долгие годы стоят лесные избушки, бережно охраняют их охотники, геологи, туристы.

Вот таким домашним приветом встретил следопытов и домик старателей. Сколько ему лет, кто его построил? Об этом знают, пожалуй, одни вон те сосны, что стоят на пригорке выше и величественнее других. Домик был очень стар. Осевший, словно бы вросший в землю, он дремал на угоре, проглядывая сквозь серебристую лебеду единственным оконцем.

С трудом отворив тяжелую дверь, следопыты вошли внутрь. У окна стоял стол с косыми сучковатыми ножками, у печи, сложенной из угловатых каменьев,— охапка дров. На запыленной полке хранились две коробки спичек, огарок свечи. На гвозде, вбитом в потолок, висел мешочек с мукой. Не один год, наверное, пустовал домик, а в нем все честь по чести, будто только вчера ушли люди — и дрова есть, и спички, и даже мука. Оставлять в лесных избушках припас — неписаный закон для всех путников.

Сергей Петрович развязал рюкзак и положил на полку банку консервов. Подумал, достал еще пачку сигарет. Игорь тоже достал консервы и пошел к полке. Но Сергей Петрович остановил:

— Я за всех оставил. Нам долго быть в тайге.

Еще в начале пути ребята распределили обязанности — кому что делать на привалах и ночлегах. Вот и сейчас, осмотревшись, дружно принялись за работу. Трое отправились за дровами. Ваня стал разжигать печь, девочки готовить ужин. Сергею Петровичу не давала покоя недобритая борода, поэтому он в первую очередь занялся ею. Сначала на камне, а потом на ремне долго правил лезвие ножа. Брился тоже долго, на ощупь, страдальчески морщась, закрывая от боли глаза. Подошел Ваня Савельев, присел рядом, сочувственно спросил:

— Дерет?

— Да ничего, терпимо...— ответил Сергей Петрович, натягивая пальцами левой руки кожу на подбородке. Ваню брала оторопь от одной только мысли, что когда-то в будущем ему тоже придется бриться и, вероятно, тоже терпеть такие муки.

Тем временем ребята управились с делами, смели со стен и потолка паутину, вымыли окно, еловым веником вымели пол. Просторнее стало, светлее. Вышли на улицу и по-хозяйски прибрали вокруг домика — собрали разбросанные сучья, выдрали лебеду под окном, расчистили едва заметную дорожку к реке. Увлеченные работой, решили заодно и избушку подремонтировать: поправили покосившуюся железную трубу, поставили подпорку к сильно наклонившейся задней стене.

Нет конца вечерней заре в июне. Из огненной она переходит в нежно-алую, а потом, уже где-то в середине ночи, бледнеет, немного перемещается и встает утренней зарей. Давно село солнце, резче обозначились островерхие вершины деревьев, а небо все еще голубое. Только туманная синева, скапливающаяся под нависью елей да в тенистых закутках, напоминает о приближении темноты. На небе не было ни облачка, но Сергей Петрович сказал, что, возможно, будет гроза.

— Видели сегодня закат? — спросил он в ответ на недоумевающие взгляды ребят. — Перед непогодой часто так бывает: и марево на горизонте, и солнце в венце, и дым к земле прижимает.

Только сейчас ребята заметили, что дым из трубы не шел вверх, а оседал на крышу, спускался к земле и медленно полз над высокой влажной травой к реке.

Ужинали в домике. Это здорово, когда ешь за тем самым столом, за которым вот так же вечерком ели другие путешественники. Они знали, что сюда придут люди. Потому и оставили спички, муку.

В стакане горела свеча, неровный свет падал на закоптелые стены, на черный, как в деревенской бане, потолок. На стенах вырисовывались фантастические фигуры ребят. Ели молча, аппетитно, из двух котелков (большой утонул). Вкусную кашу с мясной тушонкой сварили Ира и Тома.

После ужина Сергей Петрович сказал:

— Дядя Гриша составил для нас примерный план местонахождения пещеры Ермака. Давайте посмотрим.

Убрали посуду, раскинули на столе карту. Сергей Петрович достал из нагрудного кармана еще не успевший просохнуть блокнот, осторожно извлек из него вчетверо сложенный тетрадный листок, положил на карту.

Ребята сгрудились у стола. Огонек свечи освещал их лица, доносил тусклый свет до дальнего угла, где возился на нарах, приготовляясь ко сну, Сеня Петров. Ребята ждали, что скажет Сергей Петрович.

А он молчал. Трудно было по такому рисунку, где нет ни масштаба, ни направлений, искать пещеру.

Игорь вытащил из рюкзака планшет. Линейкой вымеривал углы обозначений на плане дяди Гриши и переносил их на свою карту.

Тут же Игорь разделил стрелку от Кедровки до Кокуй-городка на две половинки и поставил в середине крестик.

— Зачем это? — спросил Павлик.

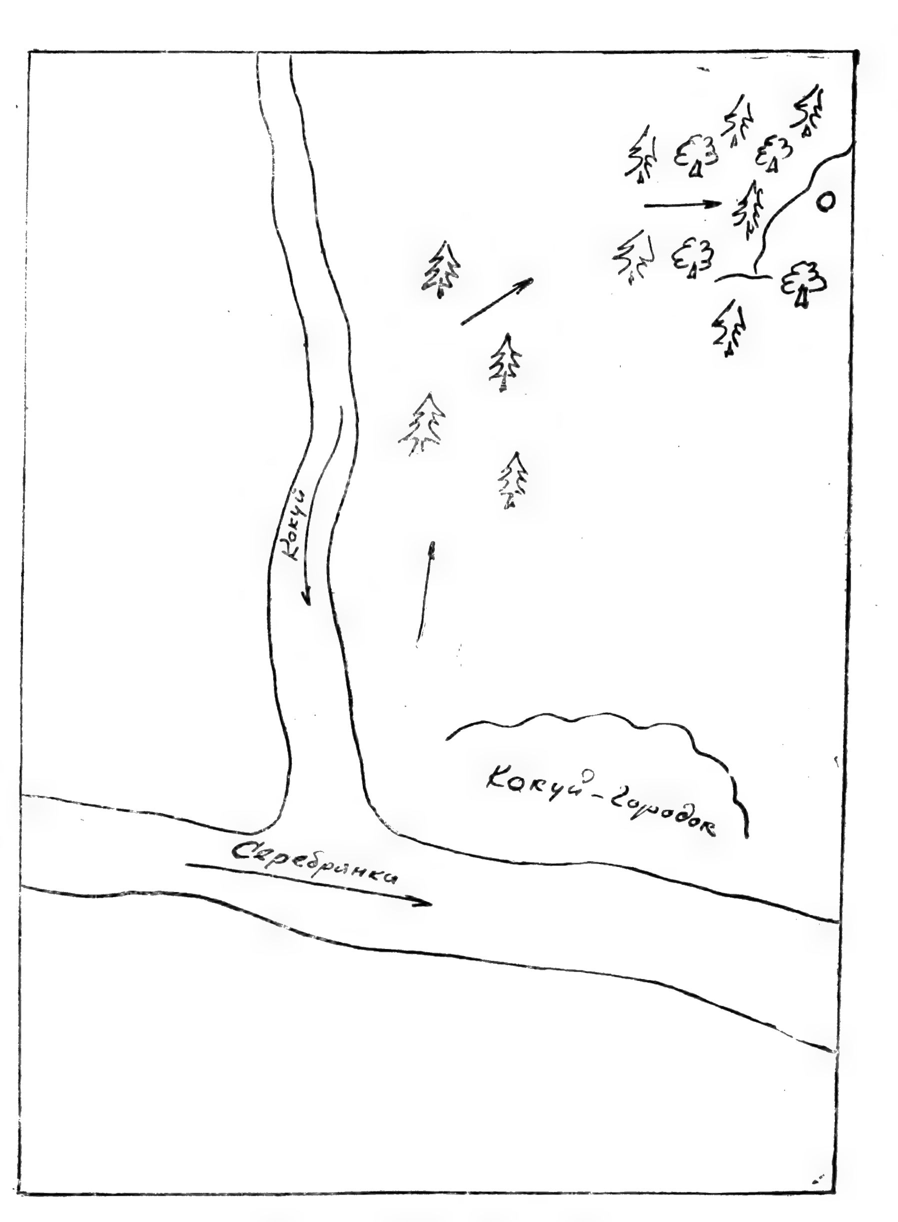
— Здесь мы не предусматривали ночевку. Корректирую...

Сергей Петрович опять остановился у стола, взял у Игоря линейку, провел на карте карандашом одну линию, другую в сторону и поставил кружок.

— Вот здесь и будем искать.

Игорь удивленно поднял на брата брови.

— А откуда ты знаешь, что пещера здесь?

Вот что нарисовал дядя Гриша.

— Предполагаю, — многозначительно подмигнул Сергей Петрович и похлопал Игоря по плечу.— Вот смотрите. Дядя Гриша наставил березок возле горы с пещерой. Я нашел на карте вблизи Кокуя участок березняка. Попробуем поискать в нем.

Ваня Савельев не удержался от восторга:

— Ух, и умный вы, Сергей Петрович!

Перед тем, как ложиться спать, снова все вышли на улицу. В небе перемигивались далекие звезды. Молодой месяц поднялся над лесом и заполнил мир мягким голубоватым светом. В лунном сиянии блестели вершины высоких сосен, золотой столб пролег по воде. В воздухе с тяжким гудением проносились жуки и звонко стукались о деревья. В чуткой ночной дреме было слышно, как плещется у берегов рыба.

— Настоящая Серебряная,— глядя на сверкающую реку, сказала Ира.— Вон как блестит. А тихо до чего кругом, прямо жутко.— Ира до шепота понизила голос.— Говорят, можно оглохнуть от такой тишины.

— Сказки это,— отрубил Ваня.— Никто еще не оглох от тишины. Тебе вечно что-нибудь кажется...

Ира взвилась:

— А тебе лишь бы спорить!

— Ну, знаешь...— начал Ваня, да так и прикусил язык, заметив на реке темный силуэт лодки с двумя седоками. Уралка сорвалась с места, понеслась по берегу. В лодке быстро заработали веслами, и она тут же скрылась за поворотом.

— Причаливай к нам! — крикнул Сергей Петрович.

С реки никто не отозвался. Лишь слышно было, как глухо стукают весла о борта удаляющейся лодки.

— Опять «мстители», что ли? — нарушил молчание Ваня.

— Похоже, что они,— подтвердил Сергей Петрович.— А разве кто испугался?

— Да не-е,— поспешил ответить Ваня.— Пусть катаются, жалко, что ли.

— Вот что давайте сделаем,— предложил Сергей Петрович.— Оставим на плоту записку. Пусть они приходят к нам, когда захотят. Сейчас не придут, потом надумают. Они, наверно, побаиваются вас, следопытов. А?

— Факт, боятся! — грозным голосом сказал Павлик.

— Точно! — подтвердил Ваня.

Павлик посветил фонариком, а Игорь на листке из блокнота написал:

«Мстители! Напрасно вы скрываетесь. Мы давно знаем, кто вы. И не боимся. Если надоест одним, приходите к нам. Наш путь на Кокуй.

Капитан КЮСа — Игорь Берсенев».

Ребята воткнули между бревнами плота палку, расщепили верхний конец и вложили в него записку.

— Пусть читают,— сказал Игорь.

Все спали, а Игорь все еще лежал и думал. В окошечко слабой полоской струился зеленый свет, где-то рядом с избушкой тоскливо кричала ночная птица. «Ну, один из них Мишка, а второй кто? — рассуждал Игорь.— Сам Мишка никогда не додумается до хитроумных записок и всяких «мстителей». С Мишкой мог быть Вадим Браун. «Я — потомок морских разбойников...» — вспомнил Игорь Вадькины слова.— Вот и строит из себя «пирата-мстителя». Но ведь Вадька ушел в поход с другой школой? Павлик сам видел.

Павлик лежал рядом. Игорю не хотелось будить его, но недобрая догадка не давала заснуть. Он осторожно потряс товарища за плечо. Павлик вздрогнул, поднял голову.

— Ты чего?

— Слушай, мне кажется, в лодке были Мишка и Вадим,— в самое ухо прошептал Игорь.

— Угу,— сонно промычал Павлик.

— Так чего ты тогда говоришь, что Вадим с другой школой ушел в поход?

Павлик зевнул, повернулся к Игорю.

— И ч-чего ты не спишь? В поход, в поход! Бешеной-то собаке сто верст не крюк,— раздраженно сказал Павлик.— Так, для отвода глаз ушел, а потом Мишку сговорил — и айда за нами. Что ты не знаешь его, что ли?

— Но это точно, что ты видел его с ребятами из другой школы?

— Факт!

Павлик повернулся на другой бок.

Игорь помолчал маленько и сказал:

— Это Вадька от обиды, что не его выбрали капитаном. Правда?

Вдруг заворочался и забредил во сне Сеня.

— Не хочу я с тобой, слышишь, не хочу! И отстань от меня. Тебя никто не боится. Уходи...— Сеня всплеснул руками и сел на нарах. Испуганными глазами окинул стены, увидел подвешенный к потолку мешочек с мукой и беззвучно всхлипнул.

— Что с тобой, Сень? — спросил Игорь.

— Да так... Сон страшный приснился...

— Спи, уже скоро вставать.— И Игорь наглухо закрылся одеялом.

Тайнопись расшифрована

Томе казалось, что она совсем не спала — так быстро пролетела ночь. Ей снился дом. На кухне хлопотала мама. В открытую дверь просачивался горячий запах стряпни. Такие ароматные, такие пышные оладьи умела печь мама! Потом мама вытерла руки, вошла в комнату. «Сегодня воскресенье,— сказала она,— не проспи оладьи...»

И в самом деле — сегодня воскресенье. Такое оно не похожее на все остальные!

Тома скучала по дому, но боялась признаться в этом ребятам. Ваня обязательно скажет: «Маменькина дочка...»

За окном голубело утро. В отблесках зари нежно розовела полынь на взгорке. Где-то над домиком, должно быть, с вершины ели, звонкой свирелью заливалась малиновка. Ей пытался подражать зяблик, но все не мог взять нужную ноту и начинал снова и снова. Еще все спали. Томе тоже не хотелось вставать, но Уралка требовательно заскребла по двери лапой. Тома осторожно поднялась с нар, поправила на Ире сбившееся одеяло, выпустила собаку. Прохладная свежесть ударила в лицо. Тома переступила порог и остановилась пораженная: в лучах восходящего солнца тысячами рубиновых огней сверкала на траве роса. Новый день начинался ярким светом, гудением пчел, запахами цветов, неумолчным щебетом птиц.

Тома сняла носки, подняла до колен брюки и, осторожно ступая босыми ногами по влажной колкой земле, вошла в заросли мокрого кипрея. Она знала, что кипрей за его ароматный запах называют еще и иван-чаем, и

очень любила эти цветы. Кипрей буйно цвел ало-сиреневым цветом, заглушив и вытеснив малорослые травы. Так густо разросся, что негде было поставить ногу.

И вдруг какое-то озорное чувство охватило Тому. Она бегом добежала до домика, распахнула дверь и громко крикнула с порога:

— Ну что вы спите! Посмотрите, какое утро!

Ребята вскочили, безумно тараща глаза в открытую дверь. Обилие света ослепило их. Проснулся и Сергей Петрович. Протер глаза.

— Что случилось?

— Посмотрите, какое утро,— уже тихо и спокойно повторила Тома. Сергей Петрович встал и, пригнувшись, чтобы не задеть головой перекладину, вышел.

— Да-а. Отличное утро! — сказал он.— А ну, все за мной, умываться! — И Сергей Петрович крупно зашагал по росистой тропинке к реке.

Игорь взбежал на плот, вытащил воткнутую в расщепленный конец палки записку.

— Не были,— почти разочарованно протянул он, но тут же большие глаза его округлились, брови взметнулись кверху: — Нет, были...

Все бросились к Игорю. На мятом клочке бумаги размашисто было написано:

«Дешево не продаемся!

С. М.»

— Д-давно бы так,— сказал Павлик.

— Что «давно бы так»? — Игорь поднял голову от записки.

— Н-ну, писали бы по-человечески, не придумывали бы всякую ерунду.

Сергей Петрович прочитал, повертел записку в руках, сказал пренебрежительно:

— А мы ведь не собирались покупать. Ни дорого, ни дешево. Только приглашали.— Он до пояса разделся и начал пригоршнями плескать на грудь холодную, рассыпающуюся алмазными брызгами воду.

Предположения Сергея Петровича подтвердились: река разливалась шире и шире, течение становилось все медленнее. Где-то впереди реку перегородила плотина. Теперь самостоятельное движение плота почти не ощу-

щалось. Он намок, ватерлиния, сделанная Игорем на боковых бревнах, скрылась под водой. Крепления ослабли, от резких движений плот скрипел и перекашивался.

Все время приходилось отталкиваться шестами. Но эта работа оказалась не под силу даже Сергею Петровичу. Плот днищем цеплялся за водоросли, садился на мели и камни.

И вот впереди открылась широкая водная гладь, с кучкой затопленных на середине берез. Течения не было. Если Павлик и Сергей Петрович переставали работать шестом, плот останавливался и лежал на воде беспомощный, как парусник в безветрие.

Сергей Петрович выволок шест из вязкой тины, околотил о борт и бросил под ноги.

— Шабаш, ребята. Давайте думать.

Он сел на чурбак, порылся в карманах, нашел платок и протер шею и мокрые волосы.

— Если мы, не тратя времени на это дурацкое плавание, высадимся на берег, то к вечеру наверняка будем на Кокуе. Как думаете вы?

Ира безразлично пожала плечами, Ваня и Тома вопросительно посмотрели на Игоря. Не по душе пришлось такое предложение Сене. Он недовольно сморщил нос и презрительно фыркнул:

— Нечего было и заниматься с плотом.

Игорь рассудительно сказал:

— Что ж, на берег, так на берег,— и в свою очередь спросил Павлика: — А ты как думаешь?

Павлик, как всегда, ответил не сразу. Посмотрел на один берег, на другой, глянул из-под руки на поднявшееся над лесом солнце. И сказал:

— Надо высаживаться на левый берег. В Серебряную Кокуй впадает с левой стороны.

— Тоже правильно,— поддержал Сергей Петрович.

Снова заработали шесты, плот заходил в лагуну, отделенную от большой воды узкой полосой не затопленной земли.

...И опять та же захламленная тайга. Лесные завалы, болотины. Лес, не тронутый топором, необъятно раскинулся во все стороны. Едва ли есть еще на Урале такие места, как в долинах горных рек, где природа щедро одарила благодатную землю растительностью. Что только там ни растет — осина, береза, пихта, лиственница,

верески — все это сплелось, перевилось, затмило свет. Прелый лист и гниющая хвоя лежат на плесневелой земле целое лето. Не слышно птиц, не журчит вода. Только мерный, глухой стон сырой земли временами доносится до слуха непонятно откуда. Кажется, это тяжкие вздохи самого леса, обреченного здесь на вечную борьбу за свет.

Медленно продвигается отряд берегом Серебрянки. На каждом шагу подстерегают коварные ловушки. С виду еще ядреное, будто вчера упавшее дерево, оказывается совершенно сгнившим и, когда на него ступишь, с треском и пылью рушится, превращаясь в труху. Лес будто притаился и только ждет опрометчивого путника, чтобы жестоким уроком навсегда отвадить его от своих темнин.

Сергей Петрович осторожно простукивал посохом и пробовал ногой каждую лежавшую на пути колодину. Обходить их не было смысла: лес был сплошь завален колодняком.

Все вымокли. Уралка и та не один раз по самые уши плюхалась в затянутые травой мочажины.

— Чертова дорожка,— ворчал Сеня, то и дело запинаясь, хватаясь руками за идущую впереди Иру.

— Давайте посидим,— предложила Тома и, не дожидаясь согласия, устало села на замшелый ствол. Ее примеру последовали все.

Сергей Петрович распечатал две банки консервов. Ребята намазывали мягкое рассыпающееся мясо на куски зачерствевшего хлеба. Павлик Назаров съел долю за один прием.

Ира старалась растянуть удовольствие, долго делала бутерброд, потом откусывала хлеб маленькими дольками. Сеня Петров хлебал ложкой жирный бульон, оставшийся в банках.

После обеда Сергей Петрович дал двадцать минут на отдых. Неожиданно Ванек Савельев взбудоражил всех.

— Расшифровал! Расшифровал! — победно закричал он, размахивая над головой измусоленным блокнотом.

С той поры, как подкинутые записки попали к Ване, он каждую свободную минутку размышлял над ними. Ваня вообще любил разгадывать всякие тайны.

— Что расшифровал? — спросил Сергей Петрович.

— Записки «мстителей»! Вот, слушайте! — И Ваня начал объяснять: «Оп. «Сова»... ну это понятно — операция «Сова». Теперь «длинный хвост». Это значит, что за нами все время кто-то идет, ну как хвост тащится. Так индейцы предупреждали своих противников о преследовании. Я об этом читал. Честные были индейцы, всегда предупреждали. Никогда не нападали на безоружных, а если у противника выбивали из рук томагавк — топорик такой, то подавали свой.— Ваня наморщил лоб.— «Солнце и луна» не знаю... А дальше опять знаю! Это тоже индейское. И вы, ребята, должны знать — мы так играли. «Сломленная мачта» — значит, срыв дела... ну ничего, стало быть, у нас не получится. Шиш им, все получится! А «кислая морда», наверное, то же, что и «сломленная мачта». Ничего, мол, у нас не выйдет... А главный в «С. М.» Вадька Браун. И с ним Мишка Власов... Я уверен.

— И я так думаю,— сказала Тома.— На станции тогда вместе с нами сошли Вадька и Мишка. Больше некому. И в лодке были они...

Игорь взял у Вани записку, подкинутую на станции.

— А не кажется вам, ребята, что «солнце и луна» это почти то же, что и «длинный хвост»? Значит, они пойдут по пятам за нами и днем и ночью.

— Точно сказано! — обрадовался Ванек Савельев. Он подсел к Игорю и вслух стал переводить записку:

— «Операция «Сова». Пойдем за вами по пятам. И днем, и ночью. Сергей Петрович не спасет. Кокуй наш. Потерпите неудачу. Союз «мстителей»...

— Вот и все! — со вздохом облегчения сказал Ваня.— Хватит нам головы морочить всякими «операциями»... Нашлись тоже «мстители»!

Сергей Петрович сидел на толстом бревне, наблюдал за ребятами. Он, наверно, знал о «мстителях» больше всех, но в разговор не вступал. В глазах его теплилась усмешка.

— Поймать их надо! — решительно заявил Ваня.— Хватит, побегали! — и он искоса посмотрел на Сергея Петровича.

— А, по-моему, они нам не мешают,— сказал Сергей Петрович, поднимаясь.— Зачем мы будем их ловить, если присоединиться к нам они не желают? Пусть путешествуют одни. Только к нам все равно придут... Сами.

Когда уже все встали и надели рюкзаки, Сергей Петрович добавил:

— А все-таки «мстители» просчитались. С нами им было бы куда лучше держать путь на Кокуй-городок.

Ребята опять шли друг за другом, стараясь попадать в след впереди идущего. То справа, то слева выставляли бока невысокие крутые угоры, по которым, минуя позеленевшие округлые камни, сбегали вниз молодые кедры и ели. Старый лес лежал по склонам, частоколом подняв к небу сухие сучья. Зато в междугорьях, загороженных от ветров, он стоял в первозданной красе и силе.

Выбирая путь почище и попрямее, следопыты неожиданно вышли на берег. Да так и застыли в изумлении: на спокойной глади воды, поблескивая снастями, стоял корабль. Не какой-нибудь игрушечный, а настоящий, с мачтами, с реями, с палубами, со множеством окон! Павлик закрыл глаза и сильно потряс головой. Нет, это был не сон. Сергей Петрович неторопливо протер свои «дальнозоркие» очки и сказал без всякого восторга, с сожалением:

— Жаль, что нам не удастся попасть на тот берег. Там рабочий поселок. А это драга... Плавающая землеройная машина. Платину, золото добывает... Помните, дядя Гриша говорил о ней?

Сергей Петрович с прищуром глядел через толстые стекла линз мимо «корабля» на приземистые домики и бараки.

Павлику не очень-то понравилось такое суховатое объяснение и в особенности слово «драга», но ничего не поделаешь... В самом деле, откуда на мелком пруду взяться кораблю?

— Что ж, драга, так драга,— разочарованно протянул Павлик, подкинул на спине рюкзак и побрел за Сергеем Петровичем.

В тот день произошло еще одно событие, которое произвело на следопытов не меньшее впечатление, чем появление на реке «корабля». Отряд пересекал глубокую сырую лощину. По дну ее, среди непролазных зарослей пахучего багульника, протекал звенящий чисто-

струйный ручеек. Пышный, как перина, мох выстлал сырую землю, облепил бархатистым покровом деревья. Ноги глубоко погружались в мох, идти было трудно. Проходя мимо надломленной коромыслом согнувшейся пихты, Сергей Петрович и шедший за ним Павлик заметили, как прянул всем телом и снова припал к дереву какой-то зверь.

— Ни с места! — пронеслось над шеренгой.

К пихте с лаем тотчас подлетела Уралка. С дерева легко и мягко спрыгнула крупная рысь.

Все это произошло так быстро, что ребята не успели даже напугаться. А когда пришли в себя, между собакой и зверем уже во всю кипел бой. Сцепившись в клубок, они укатились за густой ивовый куст. Трудно было понять, кто кого одолевает. Исступленное рычание хищника и остервенелый вой Уралки слились воедино.

Сергей Петрович протянул назад руку.

— Топор, дайте топор! — потребовал он спокойно и повелительно.

Топор был у Павлика. Он быстро высвободил его из-под ремня, вложил в протянутую руку Сергея Петровича.

— Назад! — приказал Сергей Петрович, а сам, побледнев, шагнул к ивовому кусту. Когда он приблизился к месту схватки, то увидел, что рысь с плотно прижатыми ушами сидит спиной к лесине и длинными когтистыми лапами проворно отмахивается от наступавшей собаки.

Дальше все произошло с молниеносной быстротой. Увидев человека, рысь метнулась в сторону и быстрыми пружинистыми скачками помчалась в глубину лощины, увлекая за собой неистово воющую Уралку.

Отряд был уже далеко от этого места, когда его нагнала уставшая израненная Уралка.

— Не сердись, — сказал Сергей Петрович и потрепал собаку по голове.— Ты честно приняла бой, но увлекаться не следовало. Ведь у нас не ближний путь.

Позади остался пруд, плотина. Серебряная снова текла в родных берегах. Тайга неохотно пропускала следопытов, выставляя все больше преград на последних, отделявших их от цели, километрах. Ребята почти падали от усталости, когда, наконец, вышли на реку Кокуй.

Кокуй-городок

Вот он, высокий, усыпанный камнями берег, междуречье двух горных потоков, где три с половиной века назад прославленный Ермак Тимофеевич возвел городище. Здесь, у самого подножия Главного Уральского хребта, среди безлюдной тайги, когда-то стояли шатры, землянки и каменные укрепления русских воинов. С вершин окрестных гор перед взором отважных землепроходцев открывался вид на бескрайние просторы Урала. Проникнуть сюда можно было лишь по рекам. Вот и Ермак Тимофеевич умный и смелый атаман, вел свою рать водными путями. Пройдя на стругах по Чусовой в низовья Серебряной, здесь, на Кокуе, дружина остановилась на зимовку.

Оставив рюкзаки на берегу, ребята до самых потемок бродили по городищу. Нет, городища они никакого не видели, но знали, что когда-то здесь стоял Кокуй-городок. Сергей Петрович рассказывал ребятам, как зимой 1581 года, по пути в Сибирь, дружина Ермака обосновала здесь первую русскую крепость. И ребята представили себе картину зимовья. Землянки, заваленные снегом, притаились среди камней. Кругом протоптаны тропинки. Временами по ним проходят люди, с суровыми лицами, с саблями на боку. Тихий зимний вечер. К низкому сизому небу поднимаются дымки. Откуда-то доносится приглушенная песня — это воины поют о родной стороне. На вершине лысой горы стоит страж, закованный в латы. Он зорко смотрит кругом: не дымится ли где тайга, не крадутся ли враги рекой.

Ребята ходили по берегу, и все в их глазах возрождало картины далекого прошлого.

На первый взгляд ничем не примечательный берег: камни, лес, бурелом. Но если приглядеться внимательней, то можно увидеть, что развалины эти когда-то были несокрушимой твердыней, крепостной стеной.

— Вот тут, всего вероятнее, сходила тропа к реке,— показал Сергей Петрович на свободное от камней извилистое углубление в земле, действительно похожее на тропу.— А там,— он показал на длинный пологий подъем,— там, по высоте, пожалуй, проходила полоса укреплений...

Сергей Петрович многократно снимал свои очки и протирал. Ребята уже знали, что это значит — он волнуется. Но сегодня Сергей Петрович не просто волновался, он горел нетерпением поскорее осмотреть все. Ребята едва поспевали за ним.

Ваня Савельев присел на обросший лишайником камень. Уселся удобно, как в кресле, прикрыл глаза. Он мечтал увидеть на Кокуй-городке грозную крепостную стену с узкими щелями бойниц, дозорные башни, обвалившиеся казематы, но ничего похожего не было, и мальчик обратился за помощью к собственному воображению. Оно всегда выручало. Ваня закрыл глаза и сразу, как наяву, увидел высокую серую стену. Она, глубоко осев, сбегает по угору к реке, тянется берегом, снова взбирается на гору и теряется за деревьями в глубине леса. Стена сложена из каменных плит, между которыми застыли потеки белесой глины. Но кое-где стена составлена из толстых, плотно пригнанных бревен. Бревна стоят торчмя, одно к другому, с заостренными концами наверху.

«А где же ворота?» Очевидно, Ваня подумал об этом вслух, потому что проходивший мимо Сеня остановился и удивленно спросил:

— Какие ворота?

— Шагай,— сказал Ваня недовольно.

— Ты чего сидишь?

— Крепостную стену рассматриваю... Понял? Шагай дальше.

Сеня удивленно посмотрел по сторонам и, совсем сбитый с толку, пошел прочь.

Над горами собрались тучи. Угасающий день как-то враз померк, и глухой мрак охватил землю. Ветер прошумел по верхушкам деревьев. Ваня вслушивается и, кажется, слышит угрюмую и суровую песню о Ермаке:

На тихом бреге Иртыша-а
Сидел Ермак, объятый думой...

Все ближе, все явственнее звуки. Ваня встает, бежит к ребятам, а в ушах не смолкают отголоски могучей и величественной песни.

— Слышали? — запыхавшись, спросил Ваня.

— Что?

— Вот опять... Слышите, Ермаковы ратники поют?

Ребята вытянули шеи, замерли, слушая ровное гудение растревоженного леса.

— Ага, поют...— прошептала Тома.

— Поют,— подтвердила Ира.

Итак, отряд следопытов в Кокуй-городке. Но главная задача впереди: надо доказать существование Кокуй-городка, надо найти пещеру Ермака. В этом Сергею Петровичу не приходилось убеждать ребят, они сами понимали, что конечной цели еще не достигли.

В эту ночь в лагере долго не умолкали разговоры.

— Ну, какой толк от того, что американец Пири первым достиг Северного полюса? — горячился Ваня, помешивая в котелке наваристую рисовую кашу.— А людям какой от этого толк?

Ваня совсем недавно прочитал книжку о первых покорителях полюса и все еще находился под впечатлением прочитанного.

Желто-белые языки пламени с треском набрасывались на сухой хворост. От костра поднимались легкие искорки. Где-то за деревьями, в непроницаемой темени, глухо ворчал Кокуй.

— Или вот Амундсен,— продолжал Ваня,— открыл Южный полюс, а что из того, что открыл? Написал про айсберги, про пингвинов... То ли дело наши? Не просто доходят, а долго живут и на Северном полюсе, и в Антарктиде. Все изучают — ветер, течения, морозы. Вон какой льдище измеряли в Антарктиде — четыре километра! Вот это изучают!

— Знаешь, Ваня, — перебила Ира,— чего ты сравниваешь? Роберт Пири ехал на Северный полюс на собаках, а сейчас на самолетах летают, на дизель-электроходах ходят. Уж молчал бы... Поди, считаешь себя большим путешественником, раз пришел в Кокуй-городок?

— Нечего считать, — не задумываясь, ответил Ваня,— пришел, значит путешественник...— И вдруг Ваня с вызовом выпалил: — Я бы зимовать на льдине вместе с полярниками стал, если бы взяли!

Сергей Петрович улыбнулся, а за ним засмеялись все.

— И прозимовал бы! — не сдавался Ваня.— Ни разу бы не хныкнул! — И Ваня так усердно принялся мешать кашу, что она с шипением поползла через края котелка.

После ужина Сергей Петрович сказал:

— Послушайте, друзья, какой я план придумал. Не разбиться ли нам на две группы? Одна группа останется на месте и осмотрит Кокуй-городок, другая завтра с утра отправится на поиски пещеры. Это для того, чтобы не тратить лишнего времени. У нас кончаются продукты.

Сергей Петрович испытующе посмотрел на ребят и остановил взгляд на Игоре:

— Ты как думаешь, капитан?

Игорь помедлил с ответом, обдумывая предложение, а потом не спеша сказал:

— Я уже думал об этом. Продуктов у нас мало, надо экономить время. Давайте разобьемся. И еще вот что — надо собирать грибы, я видел обабки.

— Дельное предложение,— поддержал Сергей Петрович.— Это будет нагрузка каждому. Идешь по лесу — смотри грибы.

Ночь выдалась прохладная. Небо опять прояснилось, между вершинами деревьев ярко горели Стожары, окруженные вереницей едва различимых звездочек. От реки поднимался густой туман и клочьями тянулся вдоль гористого берега.

Ребята развесили для просушки одежду, натаскали для постелей лапника. Нужно было поддержать огонь и следить, чтобы не загорелись развешанные вокруг костра вещи. Дежурить вызвался Ванек Савельев. Он явно хотел показать ребятам свою «особую» выносливость, привычку к походной жизни.

— Я могу ночь, и две ночи подряд не спать — и ничего!

Никто, даже Ира не стала против этого возражать, и все пошли спать. В палатке быстро угомонились. Ваня остался сидеть на куче хвороста, зажав между коленями сонно жмурившуюся Уралку. Не спал и Сеня. Он отказался идти в палатку, лежал на пихтовых ветках кверху лицом, молча смотрел на уходящие ввысь остроконечные верхушки деревьев. Как ни старался Ванек вызвать Сеню на разговор, ничего не получалось — Сеня молчал.

— Ты чего, оглох, что ли? Молчит, молчит. Хочешь, бока разомну? — Ваня вскочил, сцапал Сеню за худые плечи и давай трясти, разминать бока.

— От-стань! — с болью выкрикнул Сеня, оттолкнул Ваню, повернулся на живот.

— Ну и нюхай землю, Жак-Макаронина! — рассердился Ваня.— Ох, и тип же ты, Сенька! Зачем только тебя в поход взяли?

Сеня медленно оторвал от веток кудлатую голову, посмотрел на Ваню долгим негодующим взглядом.

— Зачем, говоришь, взяли? Уйду, пожалуйста! — И вдруг закричал сквозь слезы: — Уйду, уйду, хоть сейчас, пожалуйста!..

Из палатки торопливо вылез Сергей Петрович, за ним Игорь.

— Что тут у вас происходит? — строго спросил Сергей Петрович.

— Да-а...— презрительно протянул Ваня.— Смотреть на него муторно. Хотел развеселиться, а он... Да ну его! — Ваня махнул рукой и отвернулся.

Игорь наклонился к Сене.

— Что он? — Игорь кивнул на Ваню.— Что-нибудь сделал тебе?

Сеня не ответил. Лежал и плакал.

Сергей Петрович присел на корточки у костра, достал сигарету. Сделал несколько глубоких затяжек.

— Марш в палатку! — неожиданно приказал он.—

Ваня, виновато опустив хохлатую голову, побрел за Игорем. Встал и Сеня, нехотя последовал за ним. Когда ребята залезли в палатку, Сергей Петрович застегнул вход на деревянные пуговицы, а сам вернулся к костру. Перевернул сушившуюся на кольях обувь, подбросил в костер хвороста и грузно сел на Ванино место. Уралка свернулась у его ног.

Измена

На рассвете Игорь сменил Сергея Петровича. И хотя дежурить было не обязательно — Сергей Петрович все просушил и снял — Игорь все же остался у костра. Спать не хотелось. Подживил огонек, принес с реки воды и повесил на таганок котелки — кипятить чай.

Игорь задумался о Сене. Из-за него он проснулся так рано. Сеня всю ночь метался, стонал, несколько раз вскакивал. Не то он болеет, не то чего-то боится. Все видели, как трудно доставался Сене поход, как тяжело он переносил дорожные невзгоды. Особенно нервничал, когда что-нибудь напоминало о «мстителях».

Лес просыпался и постепенно наполнялся птичьими голосами. Из-за гор поднималось ослепительное солнце, яркие лучи его скользнули по вершинам высоких елей и кедров. Игорь подошел к палатке, откинул полог. Все спали, дружно посапывая, разметавшись во сне. Не хотелось тревожить сладкий утренний сон ребят, но с вечера договорились встать рано. Игорь заботливо поправил на Павлике сбившуюся телогрейку, подумал и осторожно потряс за руку брата.

— Сережа, уже солнышко взошло. Или поспишь?

— Нет, нет, спать некогда,— сейчас же откликнулся Сергей Петрович, сел и с хрустом потянулся.

— Пора, братец, вставать.

Проснулась Тома, выбралась из палатки и, ослепленная первым же лучом солнца, так крепко зажмурилась, что выступили слезы.

— Ух, как светло!

Пили приготовленный Игорем чай, грызли сухие пряники. Но Сени в кругу у костра не было. Он остался лежать. Пока завтракали, Сергей Петрович разбил отряд на две группы. Решили, что Сергей Петрович, Ваня Савельев и Тамара Галчук пойдут искать пещеру. Игорь, Павлик и Ира обойдут и осмотрят окрестности Кокуй-городка.

Сеня Петров, по его просьбе, остался хозяйничать на бивуаке.

...Группа Игоря возвращалась на стоянку. Устали, брели, еле переставляя ноги. На щеке у Иры темнела ссадина — так сильно хлестнула колючая ветка боярышника. Время от времени Игорь сверял направление по компасу и по карте. В группе он был главный, и это входило в его обязанности.

Вдруг в стороне приглушенно взвыла и сразу стихла Уралка. Ребята остановились. Лай повторился и, удаляясь, покатился по лесной глухомани.

— Наверно, за куницей увязалась, она ведь охотничья,— сказал Игорь.— Подождите здесь, я отзову.

Игорь углубился в лес. По лицу били ветки, руки обжигала высокая лесная крапива. Но вот в лесу стало тихо. Игорь остановился, несколько раз позвал Уралку и побежал наугад туда, откуда слышались последние отголоски лая. Миновав на угоре ползучий кедрач, Игорь неловко прыгнул через колодину, запнулся и полетел куда-то вниз, увлекая за собой лавину мелких камней. На самом дне глубокого, наглухо заросшего волчьей ягодой и шиповниками оврага он чуть не столкнулся с каким-то серым зверем — тощим, маленьким, как шакал. Игорь отпрянул в сторону и... в гуще кустарников, возле черного жерла норы, уходящей под нависшие корни дерева, увидел пару холодных светящихся глаз. На него, не мигая, смотрела худая волчица, с отвисшими сосками и вытертыми до кожи боками. Из логова один за другим выскакивали костлявые волчата и поспешно скрывались в зарослях.

Игорь успел сообразить, что безоружному человеку отступать от зверя надо только лицом к нему. Иначе хищник сам перейдет в наступление. И он, упираясь локтями, попытался отодвинуться от страшного видения. Но мелкая осыпь текла под ним вниз, как песок по крутому лотку, и все усилия его заканчивались тем, что он все больше приближался к хищнице, готовой не на жизнь, а на смерть биться за своих детенышей. Игорь нащупал рукой увесистый булыжник — он ему показался

На Игоря, не мигая, смотрела худая волчица.

горячим,— крепко сжал его. Но в это время откуда-то кубарем скатилась Уралка и с ходу вступила в неравный бой. О, бедовая головушка! Унаследовавшая от предков, испытанных вогульских лаек, смертельную хватку, она вонзила зубы в звериное горло. Однако волчица легко отбросила собаку. Уралка тут же вновь насела на зверя, но уже сзади, на круп. Хищница пыталась освободиться от собаки, и вот они очутились у самых ног Игоря. У мальчика потемнело в глазах, он с трудом обеими руками поднял булыжник и, теряя сознание, опустил его перед собой, на широкий, в черных пометках лоб матерой волчицы...

Очнулся он от легкого прикосновения к щеке чьей-то теплой ладони. Голова гудела. Послышался Ирин голос. Но почему она плачет? И вдруг сознание разом вернулось. Он открыл глаза, увидел перед собой заплаканное лицо Иры.

— Проснулся! — радостно прошептала она.

Павлик стоял поодаль с огромной сучковатой палкой.

— Где Уралка? — поднимаясь, спросил Игорь.

Павлик кивнул на ивовый куст на дне буерака ниже волчьей норы. За кустом на примятой траве, заваленной клочьями бурой шерсти, пластом лежала Уралка.

Они подошли к собаке. Казалось, она сию минуту вскочит и с яростным лаем устремится в чащу за удравшей хищницей. Павлик рассказал, что до того, как они с Ирой подоспели к месту поединка, Уралка всю силу волчьих зубов приняла на себя. Собака и зверь долго катались по дну оврага, пока хищнице не удалось ухватить Уралку за горло.

Похоронили ребята собаку на берегу Кокуя и до вечера просидели под траурно опустившей ветви березкой. Солнце скрылось за лесом, допевали последние песни птицы. Воцарилась томящая душу тишина.

— Пойдемте,— сказал Игорь,— уже поздно.

В лагере следопытов оглушила новая весть: исчез Сеня. Сергей Петрович с ребятами, вернувшись, увидели давно потухший костер. На таганке висели котелки с остывшей недоваренной грибницей.

Но тревоги за Сеню никто не чувствовал, пока не вернулся Игорь. Думали, что Сене надоело быть одному, и он присоединился к его группе. Когда же Игорь сказал,

что Сени с ними не было, Сергей Петрович помрачнел и молча начал расхаживать у костра.

— Записки никакой не оставил? — спросил Игорь, заранее зная ответ.

Ваня отрицательно покачал головой.

— А мы похоронили Уралку,— неожиданно выпалила Ира.

Сергей Петрович круто повернулся к Ире:

— Как похоронили?

Ира рассказала все по порядку. Игорь и Павлик молчали. Сергей Петрович переводил тревожный взгляд с Игоря на Павлика.

— Сами-то целы? — спросил он, когда Ира закончила печальный рассказ.

— Целы, — тихо ответил Игорь.

Отвернулась, села на бревнышко и беззвучно заплакала Тома. Это были первые слезы, вызванные упадком духа, за все время путешествия. Игорь вспомнил слова брата, сказанные накануне похода: «Поход — это прежде всего испытание воли, физических и моральных сил». Вот они — испытания. Разные предостерегающие записочки, гибель Уралки и, наконец, измена. Игорь был уверен, что Сеня Петров подло изменил и, бросив товарищей, удрал к Вадиму, который крутится где-то здесь. Больше ему некуда идти. Но все-таки высказал другое предположение.

— Может, он за грибами ушел да заблудился?

— Все может быть,— согласился Сергей Петрович,— может, и заблудился. Давайте покричим.

Ребята кричали вместе, и по одному, но ответа не дождались.

Первый раз вечер у костра проходил так тревожно. Из глубины леса то и дело доносились какие-то звуки, заставляющие ребят вздрагивать.

Давно поспела грибница, но никто не ел — ждали Сеню. Может быть, он еще вернется. Очень уж внезапен был его уход. Набрал грибов, заготовил дров, начал варить обед — и вдруг все бросил. Ребята пожевали сухарей, запивая чаем, настоенным на душистых листьях смородины, и опять сидели, тревожно прислушиваясь к шорохам. Разговор не клеился.

Между Ваней и Павликом пустовало место Сени Петрова. Ира положила на него свернутое одеяло и попросила, чтобы сюда никто не ложился.

Не хватало у костра и Уралки. Все привыкли к тому, что она вечерами, поджав пушистый хвост, часто переступая набитыми за день лапами, сидела в сторонке и жмурила на огонь умные коричневые глаза. Теперь рядом с сапогами Сергея Петровича лежал ее ременный поводок. Тяжелую утрату остро ощущали ребята и старались не смотреть ни на поводок, ни на свернутое одеяло.

Больше всех была угнетена Тома. Она сидела, обхватив тонкими руками колени, и, не мигая, смотрела большими темными глазами на мерцающие угли.

Тамара была очень впечатлительной девочкой и болезненно переносила всякие неприятности. Но ребята уважали ее. Она умела хранить тайны, придумывала интересные игры, знала множество увлекательных историй. Их она могла рассказывать хоть час, хоть два, хоть всю ночь — только слушай. Уж на что выдумщик Ванек Савельев — и тот ей завидовал.

И вот в минуту, когда молчали все, даже Ваня, Игорь, как бы продолжая начатый разговор, сказал негромко:

— А ведь мастер-то вырвался из каменного плена. Верно, Тома?

— Да, вырвался,— отозвалась она.

— Сильный был человек, этот мастер...

Глухо шумела под крутым угором река, спал непробудным сном легендарный Кокуй-городок. Пики огромных елей упирались в звездное небо, бронзовый месяц поднимался над лесом.

Капитан идет по следу

Не вернулся Сеня и утром. Прошедшая в тревоге ночь унесла последние надежды на его возвращение. Нужно было отправляться на поиски.

Но где искать?

Когда человек решает сложную задачу, он прикидывает несколько вариантов ее решения. С этого начал и капитан.

«Предположим,— размышлял Игорь,— Сеня пошел за грибами и заблудился. Нет, не подходит. Зачем ему

было брать рюкзак и идти одному, когда утром он мог присоединиться к какой-нибудь группе?

Допустим, он все же ушел, упал, сломал ногу. Тоже не подходит. Он мог кричать, свистеть, его бы обязательно услышали». Как ни горько было сознавать, что Сеня просто удрал, бросил товарищей, но именно такой вывод напрашивался.

Ребята спали плохо. Часто просыпались, метались во сне. Ваня что-то пробормотал и вдруг сел, бессмысленно уставившись на Игоря.

— Уралка лаяла! Слышал?

И, сидя, уснул, свесив на грудь голову.

Игорь не мог больше лежать. Он осторожно вылез из палатки. У костра дремал на чурбаке Сергей Петрович. Чай был уже вскипячен.

— Что рано? — спросил Сергей Петрович.

— Выспался,— ответил Игорь и присел рядом. Зябко передернув плечами, вытянул над огнем руки. От реки тянуло холодом. Воздух, густо насыщенный влагой, пахнул горьковатым дымком. Доцветала последние дни сосна, и трудолюбивые пчелы с раннего утра прилетали собирать ее обильную пыльцу. Они гудели высоко в ветвях, и казалось, это поет лес.

— Уйти он мог только по берегу,— сказал Игорь, как бы продолжая начатый разговор.— Ведь дорог здесь близко нет.

— Совершенно верно,— ответил Сергей Петрович.— Уйти он мог только по берегу. По нему он и ушел. Пойди-ка, посмотри следы.

И Игорь уже было встал, но из палатки вышла Тома. Она всегда рано вставала. Подошла к костру, виновато потупилась. Потом несмело спросила:

— Вы не сердитесь на меня?

— За что?

— Ну... за вчерашнее настроение...

Сергей Петрович поднялся, взял Тому за плечи.

— Конечно, нет. Твое настроение всем было очень понятно. Никто на тебя не сердится. А сейчас пойди, объяви в палатке подъем.

Ничто так не освежает человека, как сон. Даже самый короткий, он восстановит силы, вернет бодрость и мир, еще часом раньше казавшийся неприветливым,

станет светлым и радостным. Вот и наши путешественники воспрянули духом. На илистом берегу Серебрянки ребята без труда узнали отпечатки кирзовых сапог Петрова.

Следы то подводили к самой воде, то кружили в прибрежном кустарнике. Игорь с березовым посохом в руке шел впереди отряда. Шли тихо, часто останавливаясь, изучая следы.

Одна пара следов — длинных, узких, с острыми носками — принадлежала, видимо, высокому человеку. Когда Игорь сказал об этом, ребята удивились:

— Почему?

— У высокого человека ступня всегда продолговатая,— объяснил Игорь. И добавил: — Высокий шел впереди.

— А это почему?

— Потому что длинные следы затоптаны. Последним шел Сенька. Вон как начастил, торопился за ними.

Тут Ваня Савельев резко остановился, схватил Игоря за руку:

— Понял я теперь, почему Жак-Макаронина не хотел вчера спать в палатке. Он еще вечером замышлял удрать. Точно! Почему он не разувался, спал в мокрых сапогах? Потому, что «мстители»,— а они его дружки,— поджидали его еще вчера. Да не вышло у него вчера, из палатки сразу не удерешь. Вот тип, а! — Ваня возмущенно покачал головой.

За гористым мыском, покрытым частым, как щетина, молодым ельником, речка круто повернула к югу. Пробираясь сквозь ельник по скользящим под ногами сухим иголкам, ребята чуть не сбились со следа. На выручку пришел Сергей Петрович. По самым скрытым, доступным лишь для наметанного глаза приметам он находил след.

Достаточно было надломленной веточки, взрыхленной носком сапога земли, вдавыша каблуком, чтобы продолжать погоню.

— А побаиваются они все же нас,— сказал Сергей Петрович, раздвигая руками упругие ветви елок.— Неспроста петляют.

Под горой снова заблестела речка. На берегу возле поваленного кедра был утоптан весь ил. Игорь обошел утоптанное место, остановился у кедра.

— У них, оказывается, есть ружье,— сказал он и показал на землю. У бревна темнел ясный отпечаток приклада ружья. Ребята прочитали три четко выдавленных буквы: ТОЗ.

— Ружье тульское. Тульский оружейный завод,— расшифровал Игорь.— У кого из ребят может быть такое ружье?

Ребята задумались. Даже Ира и Тома, никогда раньше не знавшие ничего о ружьях, силились сообразить, кому оно может принадлежать.

— Я знаю! — сказал Павлик.— У Мишки Власова. Хвастался он один раз, что отец купил ему ружье.

— Точно сказано! — обрадовался Ваня.— Помнишь, Игорь, ходили зимой на лыжах и встретили Мишку с отцом. Они шли на охоту, у обоих у них ружья были. У него отец, знаешь, какой охотник! Помнишь? Еще морозище стоял.

— Да, такое ружье у Мишки Власова, — подтвердил Игорь.

Пошли дальше.

— Отсюда Мишка нес Сенькин рюкзак, — обходя след стороной, сказал Игорь.

— Как ты узнал?

— А вот заметьте: до дерева Санькины «кирзы» увязали в ил глубоко, по самые щиколотки, а здесь меньше. Значит, он стал легче. А легче он может стать только за счет рюкзака, который взял у него Мишка. Видите, теперь Мишка проваливается в ил?

— Ух, Игорь, ты настоящий следопыт,— не удержалась от восторга Ира.

Солнце уже высоко поднялось над лесом, когда путешественники добрались до новой крутой излучины реки. На пути встала высокая каменистая гора, заросшая кустами жимолости. Где-то на вершине горы тревожно кричал сорокопут-жулан.

— Будьте внимательны,— предупредил Сергей Петрович,— эта птица кричит так, когда слышит опасность. На той стороне горы кто-то есть.

И, действительно, только перевалили через гору, из глубины неширокого распадка донеслись обрывки песни:

— По морям, по волнам,
нынче здесь, завтра — там...

Так и есть — Браун. Знакомая песня. Сергей Петрович, Игорь, а за ними и ребята осторожно пошли на звуки.

Скоро ветерок донес до них запах дыма, а еще через минуту, в просветы между деревьями стал виден костер. Два человека, один высокий, в тельняшке, с черными спутанными волосами, в узких брюках и туристских ботинках, другой пониже, плотный, с засученными рукавами ковбойки, в сапогах, выплясывали вокруг костра дикарский танец. Третий сидел у костра.

— Почти пираты,— придерживая над глазами ветку, с невеселой усмешкой сказал Сергей Петрович.

— А это что у них, праздник какой?— удивилась Ира.

Ребятам не терпелось поскорее встретиться с «пиратами». Это произойдет сейчас, через несколько минут и совсем неожиданно. Настал час, нужно придумать что-то такое, чтобы... И тут случилось непоправимое: Ваня Савельев вскочил на камень и закричал:

— Жак-Макаронина! Изменник!

Павлик схватил Ваню за руку, стащил с камня.

— Ч-чего орешь? Удерут!

Но было поздно. Вадим остановился, как гусь, настороженно вытянул шею.

— Полундра! — донесся до ребят клич, и Вадим опрометью кинулся к берегу, Мишка и Сенька, схватив телогрейки, поспешили за ним, застучали по дну лодки каблуки... Когда ребята, далеко опередив Сергея Петровича, подбежали к костру, «пиратов» и след простыл. Стремительная Серебрянка быстро уносила их вниз.

«Мстители»

Километрами тремя ниже по руслу лодка зашла в тихий, заросший лилиями затон. На песок выскочил сидевший впереди Мишка и проворно выволок лодку на берег. Вадим ради безопасности хотел причалить к другому берегу, но не нашел подходящего места для высадки — противоположный низменный берег был болотистый, с высокими кочками.

Запылал новый костер. Его разжег Мишка, пока Сеня заготавливал дрова. Вадим только сошел с лодки, бросил на землю ватник и лег.

— Немного не погорели,— облегченно сказал Вадим.— Это из-за тебя, Сенька, слышишь? Ты им нужен. А мы вольные птицы, никому не нужны, куда хотим, туда летим... Правда, Мишаня?

«Мишаня» подвешивал над огнем котелок, не отвечал.

— Чего молчишь, верно я говорю?— не услышав привычной поддержки, настойчиво переспросил Вадим.

— Верно, верно,— недовольно протянул Мишка. И вдруг резко повернулся к Вадиму: — Понимаешь, что каша последняя?

— Ты, мальчик, не повышай на меня голос. Это раз. А насчет каши — не тужи. Будет день, будет пища. Это два.

С охапкой хвороста к костру подошел Сеня. Вадим повернулся на живот, подпер ладонями подбородок.

— Вон она, каша ходит,— подмигнул он Мишке.— А ну-ка ты, раскручивай свою котомку!

Сеня замялся, виновато швыркнул носом.

— Сначала спроси, где она у него,— мрачно сказал Мишка.

Сеня заторопился объяснить:

— Я позабыл рюкзак... у того костра...

— Шутишь!— закричал Вадим, вскакивая и подбегая к Сене.— Шутишь, спрашиваю?!

Сеня набрал полную грудь воздуха и мужественно повторил:

— Забыл, потому что торопились.

— Торопились...— скривив губы, передразнил Вадим. Сунув руки в карманы брюк, заходил по берегу.— Разиня!

Мишка загоготал:

— А сам-то, сам-то не разиня ли! Где шляпа твоя?

Вадим мигом остыл. Сбегал, посмотрел в лодке, переворошил все вещи на берегу. И растерянно проговорил:

— Мы раскрыты, по шляпе они меня узнают.

Сеня хотел сказать, что следопыты давно знают, кто идет за отрядом, но промолчал. В душе у него росла обида на Вадима. И если говорить откровенно, обида зародилась еще с той поры, когда Вадим дал Сене обидную кличку Жак-Макаронина. Из-за того, что Сеня худой и высокий. Сене вспомнилось многое.

Началось все в тот самый день, когда Сеню приняли в «Клуб следопытов». Вадим подошел к нему на улице и, растягивая слова, сказал:

— Не забыл, как Мишка тебя колошматил? Теперь тебя пальцем никто не трогает. Понял, почему? Я за тебя стою...

Сеня поверил, что Вадим действительно стоит на его стороне и в знак признательности даже пробормотал что-то вроде благодарности. Только позже он понял, что обиженный Вадим просто вербовал себе сторонников.

В тяжелом положении оказался Сеня. Но ведь он должен был перейти к Вадиму, с ним он с первым договорился, обещал перейти. Вадим ждал его. Ждал еще в тот вечер, когда Сеня поссорился с Ваней. Ваня сам поссорился, Сеня этого не хотел. Утром он уже передумал уходить к «мстителям», но Вадим с Мишкой пришли за ним сами. Вадим даже не разговаривал, взял рюкзак и понес. Только на берегу вернул его.

«А если вернуться обратно?— мелькнула мысль.— Попросить прощения у Сергея Петровича, у капитана, у всех ребят. Рассказать все по-честному. Нет, не простят. Теперь он изменник. Теперь это слово будет преследовать его всю жизнь...»

Едва сдерживая подступившие слезы, Сеня пошел от костра. Вадим догнал его, грубо повернул за плечо.

— Признавайся, заячья душа, нарочно рюкзак оставил? Для них? — он кивнул головой в сторону горы.

Сеня проглотил слюну, подбирая слова.

— Сам ты заячья душа! — сдавленно проговорил он.— Я не трус, а пришел сюда потому, что с тобой первым договорился.

Вадима ошарашила смелость Сени. Он потянулся рукой к воротнику. Сеня резко отбросил его руку.

— Сам ты трус! Не боюсь я тебя!

Вадим схватил Сеню за лацканы пиджака и уже чуть было не свалил на землю, но подоспел Мишка.

— Оставь его! Слышишь? Трус ты, это проверено. Сегодня ты первый удрал от костра.

Мишка стоял в двух шагах с опущенными тяжелыми руками, наклонив голову, недружелюбно и решительно поглядывая зелеными глазами из-под смятого козырька фуражки. Вадим выпустил Сеню, хотел что-то сказать Мишке, но только смачно сплюнул и пошел к костру.

— Вот так лучше будет,— проводил его взглядом Мишка.— Айда, Сенька, кашу хлебать. Больше ведь нету... Последняя.

Ночью Вадим замерз и сонный искал рукой одеяло. Он метался, бредил, звал маму. Разбуженный Мишка развел побольше огонь, поправил на Вадиме сбившуюся фуфайку.

Как он не походил сейчас на того всегда опрятного, причесанного Вадика, каким все привыкли видеть его. Вадик в семье был один, и папа с мамой не чаяли в нем души.

Жили Брауны на Заречной улице в новом доме и занимали большущую квартиру.

— Зачем вам столько места? — спросил однажды Мишка.

— Как зачем? — искренне удивился Вадим.— Это папин кабинет, это мамина комната, здесь — моя, а там гостиная. Как видишь, все по назначению...

Прав был Сеня, настоящих друзей у Вадима не было. Он водился с такими ребятами, которые с ним не спорили и выполняли все его желания. А если встречались ребята с характером, он быстро «отшивал» их и обязательно в чем-нибудь высмеивал.

Учился Вадим хорошо. У него была великолепная память. Он знал много стихов, которые в школе и не учили, прочитал все ходовые книжки о приключениях, о путешествиях, о пиратах. А книжку «Одиссея капитана Блада» он мог пересказать чуть ни наизусть. Некоторые ребята завидовали его начитанности, его знаниям по части путешествий, блеснуть которыми Вадим не упускал случая.

Совсем не таким был Мишка. Читал он мало. В школе, на переменах, Мишка с независимым видом ходил по коридору, держа руки в карманах брюк. Он редко вступал в споры и обычно держался в стороне от шумных сборищ. Но, если считал нужным, немедленно вмешивался и «наводил порядок», с удовольствием применяя при этом физическую силу. Ребята его побаивались.

Учился Мишка плохо. То ли вправду ему «не шло учение», как сам говорил, то ли просто ленился, но лучшими отметками у него были тройки. Здорово

доставалось ему за это от отца, но впрок не шло: за восемь лет Мишка с трудом осилил шесть классов.

Но товарищем он был хорошим. Твердо держал слово, считал позором для себя обижать маленьких и никогда бы не остался равнодушным, если бы увидел несправедливость по отношению к девчонкам.

Жил Мишка в большой семье. В доме было еще пятеро ребятишек, все младше его. Каждое утро Мишка уводил в садик двух сестренок, а вечером забирал их домой. На сэкономленные от школьных завтраков деньги Мишка покупал сестренкам и братишкам дешевые конфеты.

Отец и мать работали на заводе, жили не бедно. Хотя у Мишки не было такого нарядного пальто, какое носил Вадим, Мишка считал себя человеком вполне счастливым и ничего большего от жизни не хотел. Вот и сейчас он лежал на хвое, лицом к небу, щедро предоставив свою телогрейку Вадиму.

Первое открытие

Сергей Петрович сказал, что «мстители» сами придут к ребятам, гоняться за ними не стоит. Важно было узнать, что Петров с ними, что ничего страшного не произошло. Если же и не придут — горя мало. Следопыты все равно встретят их по пути домой. Дорога одна — по реке.

А время шло, кончались продукты, надо было поторапливаться. Деревень вблизи нет, пополнить запасы негде.

Вернувшись на стоянку, следопыты без промедления приступили к осмотру Городища. Не только ребята, но и Сергей Петрович надеялся все же отыскать если не разрушенный бастион, то хоть часть укрепления. Обследовали высокий берег Серебрянки, окрестный лес, затем отправились на Кокуй. И там поневоле отвлеклись.

Гремучая горная река еще издали давала о себе знать. Шум перекатов наполнял прибрежный лес несмолкаемым гулом. Иногда огибая кручи, Кокуй несется под уклон, прыгает с уступа на уступ, буравит землю, подмывает вековые сосны. Стесненный гранитными берегами, свитый в тугие струи, от которых напрочь

отскакивают упавшие камни, он с чудовищной силой налетает на мытые, перемытые лбы крепкотелых утесов и в пыль разбивается. Нет реки! Один туман, который тут же тает и, оседая, превращается в бесчисленные ручейки. А они торопливо бегут вниз, к широкой щели в камнях, чтобы там собраться воедино и продолжать свой дьявольский бег.

Опоенные водой деревья стоят, словно распаренные, низко свесив мокрые ветви. Вокруг них, в обильном солнечном свете, миллионами блесток искрятся, сверкают, переливаются живые дрожащие капельки, и семицветные радуги выгнулись в голубом призрачном мареве, как невесомые своды сказочного дворца.

Ребята толпились возле грандиозного падуна, не в силах оторвать зачарованных взоров. Уж на что Ваня, противник всяких душевных излияний, и то не выдержал:

— Ух, красотища!

Потом лазили по огромным валунам, поднимались на горы, снова возвращались к Серебрянке, по глинистым оползням спускались к самой воде. Весь день прошел в поисках, но следов древнего Городища так и не обнаружили.

Вечером у костра Сергей Петрович подбодрял заскучавших ребят.

— Кто сомневается, что мы найдем Кокуй-городок? Наши считают до трех — не дали результатов два дня, третий даст!

А утром опять за работу. Только никуда не пошли, принялись за раскопки. У следопытов было две лопаты — большая, без черенка, которую захватили в деревне, и маленькая, саперная, привезенная из дому. Сергей Петрович ходил по полуострову междуречья, присматриваясь к камням, к деревьям, что-то отмеривал шагами, записывал в блокнот, разгребал носком сапога траву и пробовал грунт. Наконец, место выбрано. Короткий инструктаж не занял много времени, и ребята, вооружившись кто топором, кто ножом, кто просто заостренным колом, взялись за дело. Лопаты достались Сергею Петровичу и Ире. Каждый, «на счастье», рыл свою ямку.

...Ира Сергеева «била» уже четвертый шурф. Устала, едва поднимала лопаточку с тяжелым, как камень, суглинком. По покрасневшему лицу струйками стекал пот,

Да, это был настоящий меч, с массивной рукоятью и смятым, продырявленным временем щитком.

и Ира то и дело вытирала лицо рукавом. В нагретом влажном воздухе с тоненьким, нудным гудением кружились комары. Они садились на расчесанные руки и больно кусали. Ира плотно сжала губы, упрямо раз за разом вонзая лопаточку в тугую, пружинистую, как резина, землю и мысленно твердила: «Еще маленько, еще маленько...»

Лопата о что-то звякнула. «Опять камень»,— подумала Ира и ухватила его руками. Но камень не поддавался. Тогда она стала подкапываться с боку и почувствовала, что от камня отстают острые ломкие пластинки. Они напоминали перержавевший металл.

Сердце забилось учащенно. Ира начала быстро отгребать землю пальцами. Нет, это не камень,— длинный плоский предмет, уходящий одним концом под толстый корень дерева.

Когда на зов прибежали ребята и подошел Сергей Петрович, Ира уже вытащила находку. Сергей Петрович дрожащими руками раскрыл складной нож, отколупнул слой спрессованной глины. Металл! Бережно держа странный предмет на вытянутых руках, Сергей Петрович обвел ребят медленным взглядом и сказал негромко с затаенным восторгом:

— Друзья, ведь это же меч!

Да, это был настоящий меч, с массивной рукоятью и смятым, продырявленным временем щитком.

— На мое счастье! — опомнившись, закричала Ира.— На мое, на мое!..

Находке радовались все, но больше других Сергей Петрович. Ребята даже опешили, когда, едва успев рассмотреть подробнее меч, он... заплясал, продолжая держать меч на вытянутых руках. Остановился возле изумленной Иры, положил меч на траву и вдруг, сжав ладонями ее красные щеки, поцеловал в лоб.

— Конечно, на твое счастье! — воскликнул он.

Сергей Петрович унес находку на стоянку. Теперь, казалось, сделай шаг — и новое открытие. А открытие хотелось сделать каждому.

Внимание Ванька Савельева привлек странный по форме камень. Пятью минутами раньше он почему-то никого не интересовал. Это была гладкая каменная плита, с двумя равно расположенными выемками посередине. Ваня соскреб с плиты наросший мох, осмотрел со всех сторон и авторитетно заявил:

— Плита лежала наверху крепостной стены, а на ней стояла пушка. Выемки выдолблены под колеса, чтобы при стрельбе пушка не каталась.

Павлик сразу же отверг это предложение.

— Зачем им понадобилась такая махина? Плита просто стояла в стене, и в нее влепились два ядра.

Ира протестующе замахала руками.

— Не-ет, что ты! Да если грохнет ядро в такой камень, что от него останется? Дребезги! Это тебе не духовая винтовка.

Но пришел Сергей Петрович и прекратил споры. Камень был от природы такой, с выемками.

Как ни старались следопыты, в тот день найти им больше ничего не удалось. Впрочем, Сергей Петрович высказал одно интересное предположение.

Спустились в длинную, похожую на котлован яму. Три стороны ее были ровными, почти отвесными, а четвертая — пологая, с уступами. В центре ямы, наполовину в земле, покоился тяжелющий квадратный камень, с широкой, как стол, верхней плоскостью.

Сергей Петрович обошел яму, очистил от травы и древесной гнили уступы. Ясно обозначились угловатые каменные ступеньки. Сергей Петрович просиял.

— Да ведь здесь же, друзья, было жилье!
— Точно сказано! — незамедлительно поддержал Ванек Савельев.— Может быть, даже штаб...
День пролетел незаметно. Ребята опомнились, когда стало смеркаться. И сразу все почувствовали усталость и голод.
Ели заваренную на крутом кипятке сухарницу. Отличная это еда, ароматная, питательная. Только луку в ней не хватало, да масла Сергей Петрович положил маловато.
— Вот мы почти и доказали, что именно здесь был Кокуй-городок,— говорил Сергей Петрович.— Завтра на последний штурм — на поиски пещеры Ермака.
Сергей Петрович вынул пачку с сигаретами, заглянул в нее и положил обратно в карман. Это была последняя пачка. Чтобы чем-нибудь отвлечь себя, снял очки и носовым платком начал старательно протирать стекла.
Когда ребята облизали ложки, Сергей Петрович сказал:
— У нас остались одни сухари, сахар, немного масла. Полный рацион на три дня. Но третью часть из этого исключаем — Н. З.— неприкосновенный запас. Поэтому предлагаю завтраки отменить, будем только обедать и ужинать.— Сергей Петрович посмотрел на ребят, на короткую секунду останавливая взгляд на каждом, и обнадеживающе добавил: — Но у нас есть много грибов, много съедобной травы, много рыбы, так что проживем. Как вы думаете?
Его слушали молча.
Бывает так, что после трудового дня человек теряет хорошее настроение, и его начинают одолевать невеселые думы. Это, наверно, оттого, что человек устал. Так стало и с ребятами.
Игорь сказал после некоторого молчания:
— Правильное решение, не умрем и без завтраков. Удочки есть, наудим рыбы. Из щавеля борщ будем варить, из пиканов — кашу. А о грибах и говорить нечего, вон их сколько.
Говоря это, Игорь смотрел на Павлика.
— А с Кокуя все равно не уйдем, пока не отыщем пещеру Ермака,— заключил он.
Павлик засопел, подыскивая подходящие слова.

— Факт, не уйдем! — сказал он твердо.— Сухари у нас есть, всякой другой пищи в лесу насобираем.

Ночь выдалась особенно тихая, теплая. Берега реки облегла туманная мгла. В аспидно-темном небе тускло поблескивали звезды, а грозовой горизонт нет-нет да и рвали беззвучные сполохи зарниц.

Медно-красные сосны обступили костер со всех сторон. Яркое пламя освещало их могучие кроны. На свет слетались ночные бабочки. Охваченные жаром, они падали на землю и, мелко трепеща бархатными крылышками, расползались в стороны.

У огня ребята разомлели. Пламя озаряло их осунувшиеся лица. Сергей Петрович, низко склонившись, положив на колени планшет Игоря, что-то быстро писал в блокноте, предусмотрительно отмахиваясь свободной рукой от пролетавших мимо комаров.

Ваня Савельев потел над котелком, соскребая ложкой пригоревшие на дне сухари.

Павлик Назаров, как всегда, не был без дела — поджаривал нанизанные на гладкий прутик мясистые обабки и масленники. Грибы почернели, сморщились и роняли на угли капли. Шесть человек, шесть грибков. Всем по одному, пока для пробы... Павлик, пожалуй, меньше других похудел, пухлые его щеки по-прежнему розовели, в медлительных движениях чувствовалась та же сила и уверенность, и он так же невозмутимо и самозабвенно сопел под нос.

Игорь неумело, длинной-предлинной ниткой зашивал рукав куртки. Ира долго наблюдала за ним, потом не вытерпела:

— Давай помогу, неумеха!

Игорь не стал возражать, отдал куртку, пошел за дровами. Вернулся к костру с охапкой сушняка.

— Наверно, дождик будет. Смотрите, дым висит, как завеса.

Никто не ответил. Сергей Петрович пишет, ребята молчат. Один Кокуй бормочет что-то свое, внизу за соснами.

Тома задумчиво проговорила:

— И на кого он всю жизнь сердится?

— Ты о ком?

— О Кокуе, о ком больше? Ворчит, ворчит, как заведенный.

И вдруг в ее глазах опять блеснули слезы.

— Сколько горя принес нам этот Кокуй. Сеню увел, Уралку погубил...

Сергей Петрович оторвался от блокнота, положил планшет на землю.

— Скажи мне, Тамара, от кого ты услышала легенду о мастере?

— Ни от кого, сама сочинила...— тихо призналась Тома, не поднимая головы.

Сергей Петрович долгим взглядом посмотрел на Тому и сказал:

— Интересная легенда. Ты рассказала о настоящем человеке. Только подумать, в какой обстановке мастер сохранил силу духа! А вот наши следопыты, кажется, загоревали из-за пустяков. Жаль, конечно, Уралку, хорошая, верная была собака, но что поделаешь, если это произошло. В больших путешествиях, как наше, все случается. Но люди сильные стойко переносят невзгоды. А Сеню по-моему жалеть не стоит. Он сам ушел, ушел к другим ребятам, значит, считает, что там ему будет лучше. Таким — скатертью дорога.

Ваня, прислушиваясь одним ухом к разговору, отставил котелок в сторону, вытер рукавом губы, энергично встал и, насколько позволял его голос, с вызовом запел:

Пока я ходить умею,
Пока я глядеть умею,
Пока я дышать умею,
Я буду идти вперед...

Подтянул Игорь, за ним Павлик, Ира, Тамара. Мятежная мелодия, как гимн смелым и непокорным, зазвучала в ночном лесу, неудержимо полетела дальше:

И снег, и ветер,
И звезд ночной полет,
Меня мое сердце
В тревожную даль зовет...

Что делать?

Летом бывает такое время, когда в лесу словно все вымирает. Днями ходи по тайге — не увидишь ни зверя, ни птицы. Эта мертвая пора наступает в конце мая

и продолжается весь июнь. Тогда звери с молодым, неокрепшим потомством затаиваются, птенцы еще не взматерели, а старые птицы меняют перо и прячутся в недоступных трущобах.

Голодный, уставший брел Вадим берегом шумливой речонки. Весь день он лазил с ружьем по этой ужасной чащобе в надежде кого-нибудь подстрелить, но даже вороны не видел.

Может быть, лучше было, действительно, послать на охоту Мишку, а не ему, Вадиму, без пользы топтать болота? Он-то бы наверняка нашел дичь. Мишка знает дело, хотя Вадим ни за глаза, ни в глаза об этом не скажет. Кроме того, ему просто не хотелось сидеть на берегу. И он ушел. Ушел назло Мишке.

И вот он возвращается с пустыми руками, уставший, голодный. В болотной грязи и зелени выпачкана одежда. Ботинки размокли, не держатся на ногах. Вадим несколько раз по грудь проваливался в затаившиеся под травой береговые зыбуны. На загоревшем худом лице запеклись ссадины. Комары пели над ним свои заунывные песни, немилосердно кусали слепни и оводы. Вадим отмахивался от них пучком веток, не ощущая боли, хлестал себя по лицу, по шее.

Но это еще терпимо. А вот с голодом бороться уже нет никаких сил. Так и стоит перед глазами всякая вкусная еда: борщ со сметаной, пузыристая глазунья, горячие сосиски с поджаренной картошкой...

«Может, и впрямь податься на Кокуй, к следопытам?»

— Фу ты, чертовщина какая лезет в голову!

Но отвязаться от этой мысли Вадим не мог. Он представил себя стоящим с опущенной головой перед следопытами. Сергей Петрович стыдит его, а Ванька Савельев пытается заглянуть в глаза. На душе у Вадима стало еще горше, губы скривились в ядовитой усмешке, и он упрямо зашагал, ругая себя за малодушие. Нет, к кому угодно идти, только не к ним!

Скорей, скорей на стоянку. Наверно, Мишка наловил рыбы и давно ожидает его. И Вадим, уже не отворачивая от ржавых мочажин, с силой разрывая ногами сплетающуюся густую траву, устремился вперед.

Где-то в стороне, в буйных зарослях ивняка, легко, свободно несла воды безымянная речушка. Места сухого нет на ее заболоченных берегах, а до лодки еще не

близко. Отойти от реки подальше на сухое место Вадим не решался: можно заблудиться.

Вдруг впереди загремел, захлопотал крыльями здоровенный линючий глухарь. Вадим выстрелил, и сквозь рассеивающийся дым увидел, как птица косо падает в чащу. Но глухарь только ранен, вон он бежит по кочкарнику, волоча перебитое крыло, старается скрыться в кедровом низкорослом густяке. Вытянув длинную перламутровую шею, широко раскрыв белый клюв, теряя перо, проворно шмыгает он между высокими кочками, спешит к поваленному ветром кедру под защиту веток. Еще один выстрел! Промах! Глухарь уходит. Ружье перезарядить некогда. В отчаянии Вадим бросает в птицу подвернувшейся под руку палкой. Не попал! Хватает другую... И тут нога куда-то проваливается, ее сжимает словно тисками. Рывок — пронизывающая боль, как огнем, обжигает Вадима.

Рыба не ловилась. Много раз Миша забрасывал удочку, но сторожкие хариусы тут же скрывались в глубине. Как только он не хитрил: цеплял на крючок шмелей, жуков, кузнечиков и с ножками, и без ножек, и с крылышками, и без крылышек, забрасывал и вправо, и влево, и вверх, и вниз, а рыба все равно не клевала. Стоило лишь показаться на берегу, как хариусы, блеснув боками, удирали.

«Без труда не вытащишь и рыбку из пруда»,— невесело подумал Мишка, бросил удочку, сел на траву. Он прикусил толстую облезшую губу, наморщил рябой нос — не везло.

Подошел Сеня.

— Нет ягод,— помахал он пустой кружкой.— Клюква на болоте еще цветет.— Посмотрел на закатное солнышко.— Что-то Вадьки долго нет. Может, он что-нибудь принесет.

Мишка неожиданно взорвался:

— Жди, принесет!.. Полный короб принесет! Так ты думаешь просто — пошел да бери! Тут тоже надо уметь. Ружья никогда не держал, а на охоту... Баламут!

Сеня присел рядом, сорвал былинку, долго ее покусывал, не смея начать задуманный разговор. Весь день

думал Сеня об этом не очень приятном, но необходимом разговоре.

— Зря вы завели все это,— нескладно начал он.

Мишка резко повернулся.

— Что зря?

— Ну С. М. ваше, погоню. У них как-то все по-другому — знают куда идут, зачем идут. А вы... мы...

— «Вы, мы»...— передразнил Мишка.— К чему ты это?

— Да к тому, что надо пойти к следопытам... помириться...

Мишка сверкнул глазами.

— Да они тебя, если хочешь знать, как изменника, первого вытурят. Соображать надо!

— Не вытурят...— неуверенно протянул Сеня.— Все расскажем и тогда...

— «Тогда, тогда!»— заорал Мишка.— Мотай, никто не держит! — остервенело пришлепнул овода на затылке, набросил на голову фуфайку, лег.

Без огня от гнуса нет спасения. Комары и мошкара каким-то чутьем находили людей. От укусов у ребят распухли лица, заплыли глаза.

Вчера Мишка сказал Сене, что у него есть какое-то особое средство от комаров. Сеня попросил. Мишка хитро сощурил глаза, порылся в карманах, подал Сене крохотный пузырек.

— Не жалей, больше мажь.

Сеня налил на грязную ладошку мутноватой жидкости, растер по лицу и шее. Из глаз сразу хлынули слезы, щеки нестерпимо защипало. Сеня побежал к воде.

— Ха-ха-ха! — загоготал Мишка вслед.— Ду-урак! Да кто мажет этим зельем израненную кожу. Ха-ха-ха...

Сеня, захлебываясь, лихорадочно смывал с лица репудин. Но маслянистая жидкость не смывалась холодной водой и жгла лицо еще сильнее. От боли и от обиды он плакал, но чтобы Мишка не заметил слез, нарочно громко плескался и фыркал.

Мишка перестал смеяться. Нет, он не пожалел Сеню, наоборот, злорадствовал: «Так тебе и надо, Жак-Макаронина, не будешь подводить ребят». Мишка никогда бы не сделал этого другому, но он не мог по-товарищески относиться к Сене. Больше того, Мишка был согласен идти к следопытам, но только не с Сенькой.

Наступил вечер. Большое красное солнце медленно погружалось в туманное марево горизонта. Вдали вставали грозовые тучи. Небо со всех сторон затягивалось иссиня-фиолетовой дымкой. Не ощущалось ни малейшего дуновения ветерка. Было тихо и душно, как в натопленной бане. Над рекой, касаясь тонкими, выгнутыми крыльями воды, носились ласточки-касатки.

Мишка ходил по берегу в своих стоптанных, вымазанных в глине сапогах, то и дело поднимая голову и прислушиваясь. Нет, не слышно всплесков весел. Вадим сказал, что, если уток на реке не найдет, побродит по лесу. Где он до сих пор пропадает?

Сеня пытался развести костер, но дрова горели плохо. Дым пологом висел тут же над костром, не давал дышать, слепил глаза. Сеня закашлялся, торопливо выполз из-под дыма, сел в стороне, уткнув лицо в колени. Мишка посмотрел на тонкий Сенькин затылок с двумя туго натянувшимися жилами, на прозрачные оттопыренные уши.

— Собирал когда-нибудь щавель?

— Нет,— покачал головой Сеня.

— А знаешь, где он растет?

— Не знаю.

— Ничего ты не знаешь! Не знаешь, как рыбу ловить, какую траву можно жрать и вообще ничего...

Не говоря больше ни слова, Мишка напрямую через кусты направился в сторону болота. Вернулся он с охапкой сочной стебельной травы, бросил Сеньке под ноги.

— Ешь. Это кислятка. Ну, щавель по-другому.

Мишка отыскал брошенную на берег удочку, осмотрел смятого шмеля на крючке, поплевал на него и кинул далеко в воду. Течение быстро снесло леску, завело за куст и намертво запутало. Мишка потянул ее на себя и порвал. С размаху швырнул удилище в реку, повернулся к Сене.

— Не будет она клевать. Перед непогодой рыба никогда не клюет, в глубь уходит. Пошарь-ка в карманах, нет ли сухарика?

— Нет,— виновато сказал Сеня,— все в том рюкзаке осталось.

Мишка отвернулся и, не скрывая тревоги, глухо проговорил:

— Что делать?

Может быть, это легенда?

Лес в разное время суток по-разному красив. Вечером он темен и глух, утром звонок, прохладен, весь просвечен голубыми лучами и наполнен шорохами. В зыбком тумане все явственнее проступают призрачные очертания деревьев. Кажется, они парят в воздухе. Розовые полосы солнечного света превращают мокрые травы в пожар. Туман клубится как дым, тянется кверху и клочьями повисает на изумрудных ветвях. Чем больше солнца, тем ярче разгорается пожар на травах, бесчисленные капельки ночной росы сверкают, переливаются.

А днем лес благоухает запахами трав, поспевающей ягоды, полнится птичьим гомоном. Солнечные блики играют на листьях, зайчиками метят затемненные поляны. Буйное разноцветье трав выстилает землю ковром: брызнет из мимолетной тучки дождь,— и вся эта неизъяснимая пестрота красок загорается холодным лучистым огнем.

Но наступит вечер — и враз все померкнет, и опять лес станет тихим и темным.

По-разному ребята относились к окружающей их красоте. Ваня, например, давно ко всему пригляделся и только изредка замечал что-то особенное, что давно уже отметили другие, останавливался и молча дивился увиденному. Его привлекали голоса птиц, высоченные, выделяющиеся своей девственной красотой и мощью деревья.

Павлик везде и во всем оставался деловым человеком. Если впереди неожиданно открывалась цветущая еланка, то он радовался не цветам, а тому, что пройти еланкой гораздо легче и удобнее, чем лесом.

От внимания Игоря мало что ускользало. Он раньше других замечал красивые полянки, цветы, различал голоса птиц, улавливал неожиданные запахи и успевал сообщать об этом ребятам.

Особенно глубоко чувствовала красоту леса Тома. Если Ира не могла удержаться от восклицаний и бросалась чуть ли не к каждому яркому цветку, то Тома ничем не выдавала своего восторга. Она набирала охапки душистых гвоздик, лесных колокольчиков, нежных фиолетовых гроздей иван-чая и несла их, прижав к груди, словно бесценное сокровище.

Отряд двигался на поиски пещеры. Уже несколько часов продолжался путь. Сменялись одинаковые, как близнецы, горушки, заросшие густым чернолесьем, прохладные пади с задумчивыми тенистыми кедрами и корабельными соснами.

Под ногами, шурша травой, шмыгали полевки и ящерицы, над цветами порхали яркокрылые бабочки. На все лады заливались кузнечики, наполняя воздух цвенькаваньем, щелканьем, стрекотаньем.

Но, словно по чьей-то команде, все звуки разом заглохли, и в лесу воцарилась тишина.

Снежно-белые облака в причудливых нагромождениях торопливо неслись на запад.

Сергей Петрович остановился.

— Все-таки будет гроза,— сказал он, прислушиваясь. Сергей Петрович сложил рупором ладони и протяжно крикнул: — А-у-у... Отчетливое эхо отозвалось сразу с двух сторон.

— Перед грозой всегда так бывает — эхо звонкое, облака вот такие, птицы молчат.

— Вообще-то пахнет сыростью,— согласился Ваня, пошвыркав носом.

— Не сыростью, а озоном,— поправила Ира.

— Каким еще озоном?

— Озон — это соединение атомов кислорода. Физику плохо знаешь. Озоном пахнет перед грозой и после...— Ира не договорила: далеко за горами гулко, раскатисто прогрохотал гром.

Отряд давно миновал все места, обозначенные в плане дяди Гриши, но изнурительные хождения по горам не принесли пока ничего.

Возможно, слух о пещере — просто легенда, вроде той, которую рассказал ребятам дед на станции Хребет Уральский о том, что Ермак бессмертен и до сих пор появляется на одной из горных вершин. Поколения людей сохранили предания до наших дней, а следы стерло время. Может быть, действительно существовавшая раньше пещера разрушилась так же, как разрушаются со временем горы.

А план дяди Гриши? Но ведь могло случиться так, что он видел пещеру, в которой никогда не бывал Ермак? Просто люди, храня память о любимом герое, сочинили очередную легенду.

Пусть будет так. Но пещеру все равно надо найти.

И ребята снова ходили по лесам, осматривая каждую горку, каждую мало-мальски приметную высотку.

К вечеру небо обложили тяжелые пепельно-серые тучи. Они медленно ползли над лесом. Казалось с минуты на минуту хлынет дождь. Ослепительно белая молния вырвалась между туч в грозовом полумраке и осветила землю холодным голубым светом. С оглушительным гулом покатился гром.

Редко, звонко, как молоточком по наковаленке, застучали по листьям первые крупные капли дождя. И, когда молния коротким ярким сполохом вновь озарила землю, дождь зашумел дружно, со все нарастающей силой.

Отряд укрылся от дождя под большим нависшим камнем. Под ним было сухо и мягко. Ребята жались друг к другу, девочки вздрагивали при каждом раскате грома. В лесу стало совсем темно. Вылегла, как скошенная, прибитая дождем трава.

Неудобно сидеть, тесновато. Особенно неудобно Сергею Петровичу. Он согнулся в три погибели, но все равно сапоги его с оборванными ремешками мыл, полоскал дождь. В дальнем углу, упираясь головой в каменный навес, отдувался Павлик Назаров.

Достали сухари, сахар, молча пожевали. Ира подставила под струйку кружку. Вода показалась соленой, горьковатой.

— Тьфу! — брезгливо сморщилась Ира и выплеснула воду.

Сергей Петрович вынул из рюкзака термос, разлил по кружкам горячий чай. После чая стало теплее. Ваня хотел спеть песенку для веселья, но передумал. И неожиданно заговорил о том, о чем, вероятно, думали все.

— Где же они сейчас?

Всем было ясно, о ком он говорит. В этот грозовой вечер особенно остро чувствовался разрыв между ребятами.

— Сидят, наверно, как мы, под камнем, и поют «по морям, по волнам»...— пробормотал из своего угла Павлик.— Им что? Вадька — морской разбойник, М-Мишка...

— Ладно,— остановила его Тома,— не будем сегодня говорить о них плохо.

— Правильно! — поддержала ее Ира. — Им сейчас, может, хуже нашего приходится. И поступаем мы не по-пионерски, не по-следопытски. Помочь им надо.

— А как помочь? — спросил Игорь.

— Не кричать, а сказать, что прощаем их, и пускай переходят в наш отряд.

Кажется, первый раз за все путешествие Ваня Савельев согласился с Ирой.

— Точно сказано! — крикнул он, всех оглушая.

— Хорошо, — сказал Сергей Петрович, вытягивая затекшие от неудобного сидения ноги, — завтра во второй половине дня, независимо от того, найдем мы или не найдем пещеру, пойдем к «мстителям».

Из темного угла снова подал голос Павлик Назаров.

— Помириться и я согласен, но с уговором, чтобы дома мы разобрались, кто тут виноват.

Павлик распыхался:

— Надо заставить Вадьку п-пе-переменить свое отношение к ребятам, к нашему к-клубу... А то наговорит потом, что мы не мо-могли без него обойтись.

Павлик сказал еще что-то, но его не расслышали: по небу прокатился гул, он рос, ширился, и вдруг оглушительный взрыв сотряс горы.

«Вадим, где ты?»

Сеня прятался от грозы под развесистой черемухой, а Мишка забрался под выгнутый ствол старой дуплистой сосны. Дождь ни на минуту не прекращался, гнул кустарники, сплетал в косы траву, пускал по земле вспененные ручьи. Когда сверкала молния, Сеня видел сквозь ветви поднявшуюся Серебрянку, слышал ее грозное бурление. В эти короткие мгновения он успевал еще различить скорчившегося под сосной Мишку.

— Иди ко мне, Миша! — в шуме грозы звал Сеня Мишку, но тот словно оглох.

И тут белый пламень, осветив все вокруг, поднялся в небе и с раскатистым треском хлестнул по дуплистой сосне! Расщепленная верхушка дерева задымилась.

Сеню оглушило. Он упал, но тут же вскочил. В ушах звенело. Ухватившись за сук, стал кричать, не слыша своего голоса.

— Миша, Мишка!

Но Мишки под сосной уже не было.

Косая стена дождя сбивала с ног, не давала дышать. Сеня падал, поднимался и снова бежал.

— Миша, где ты?

Мишка лежал ничком недалеко от сосны. Сеня подхватил его под руки, поволок к ближайшему кусту. Ох, и тяжелый! Руки болтаются, голова свисла на грудь. Сеня соображал: надо сделать искусственное дыхание. Вспомнил, как в школе учили оказывать первую помощь пострадавшим от тока.

Мишка лежал ничком недалеко от сосны.

— Вставай, вставай,— приговаривал Сеня, широко разводя и соединяя большие Мишкины руки. Нагрянувшая беда сделала Сеню собранным, сосредоточенным. Он не метался попусту и делал свое дело с каким-то спокойным ожесточением. Но ничего не помогало. Сеня разорвал на Мишке рубаху, стал скрести пальцами сырую землю и сыпать ее на голую грудь. Тоже не помогает! Тогда он бросился к размытому пепелищу, отыскал топор, вырубил неглубокую ямку, стащил Мишку в нее.

Мишка глубоко с храпом вздохнул и очнулся. Долго непонимающе глядел перед собой, потом застонал, наклонил голову набок. Мокрое широкое лицо его блестело, обескровленные толстые губы вздрагивали. Мишка плакал.

То ли под воздействием пережитого, то ли оттого, что Сеня первый раз видел плачущего Мишку, силы разом оставили его, и он, опускаясь на землю, тоже всхлипнул. Это окончательно привело Мишку в сознание. Он выбрался из ямы, прижал к себе Сеню и с непривычной нежностью прошептал:

— Сенька... Жак-Макаронина... Друг...

Поздно ночью по лесу усталым вздохом прокатилась волна ветра, и дождь прекратился. Деревья расправляли спутанные ветви, стряхивали воду. Гроза ушла на запад.

Сеня и Мишка, до нитки мокрые, измученные, сидели на коряжистых стволиках черемухи. Что только не передумали за эту страшную ночь! Как дальше-то быть, без крошки хлеба, без спичек? И Вадим? Где он?

Сеня, продолжая невеселую думу, заговорил:

— А, может, вправду с ним что случилось?

Мишку знобило. Он плохо выговаривал. Сказал, как мог твердо:

— Утром пойдем искать.

— Куда?

— Вверх по протоке. Он не мог далеко уйти.

Ночь казалась бесконечной. Небо постепенно очищалось от туч, но было все еще темным и на западе, и на востоке.

Сеня то и дело спрашивал:

— Сколько, по-твоему, сейчас времени?

— Та-та-ри или четыре,— постукивая зубами, отвечал Мишка.

Перед рассветом обессилевшие пареньки уснули, как галчата, прижавшись друг к другу. А когда проснулись, солнце поднялось уже высоко. От земли шли потоки испарений. Не то в кустах, не то в прибрежных камышах самозабвенно выпевала свои веселые утренние рулады лазоревка. Только Серебрянка еще сердито катила мутные воды.

Чтобы легче было идти, ребята взяли с собой один топор. На всякий случай написали Вадиму записку, закрепили ее в расщепленном конце высокой палки, а палку воткнули на видном месте.

Пошли берегом заросшей протоки, напрямик, не обходя кочкарники и лесные завалы. Голод и бессонная ночь давали о себе знать. С каждым километром идти

становилось труднее, ноги наливались оловянной тяжестью. В одном месте Сеня споткнулся и бессильно повис на ослизлом стволе валежины. Мишка помог ему подняться, сел рядом.

— На, пожуй, легче будет.

— Что это?

— Серка. Пахнет чем-то съедобным...

Сеня с хрустом разжевал сухие горьковатые крошки сосновой смолы. Липкая слюна заполнила рот.

Немного отдохнули, двинулись дальше. Часто кричали Вадима, но из лесных чащ в ответ доносилось только эхо. Вот Сеня снова остановился.

— Не могу я, Миша. Устал.

Мишка поскреб затылок, что-то соображая.

— Ты подожди здесь малость, вон на горе дрозды орут, я сбегаю. Может, гнездо с яйцами найду.

— И я с тобой.

— Посиди лучше, я скоро,— и он зашагал в глубину леса, хлюпая мокрыми сапогами.

Прошло порядочно времени. Сеня уже забеспокоился и стал кричать Мишку. Тот отозвался где-то совсем рядом, а через минуту вышел из кустов, осторожно неся в руках надутую, как мяч, фуражку. Чуть не доверху она была наполнена крупными зеленоватыми яйцами.

Ребята сделали в кружке болтанку из сырых яиц, поели. Но без соли яйца были невкусными.

— Ничего, жить можно,— успокаивал Мишка, вытирая кулаком липкие губы.

Оставили пай и на Вадима. В той же фуражке они переложили оставшиеся яйца мягкой травой.

Над головой ребят, опустив тяжелые ветви, дремал пахучий кедр. Вдруг Мишке послышались два выстрела.

— Стреляют?! — встрепенулся он.

Сеня насторожился, но ничего не услышал.

— Показалось тебе...

Мишка махнул рукой и лег на спину.

Долго оба молчали. За кустами монотонно журчала речка, наперебой трезвонили камышевки. В туманном небе, распластав широкие крылья, парил коршун. Сеня тоже лег, стал наблюдать за коршуном. «Эх, кабы такие крылья». Потом повернулся к Мишке.

— Пойдем на Кокуй, к ребятам. Одним нам не найти Вадьку.— Сеня приподнялся на локтях и уже с мольбой

продолжал: — Ведь мы не знаем, что с ним. Вместе будем искать...

Мишка засопел недовольно и отвернулся.

— Ну, скажи тогда, что дальше делать? — не унимался Сеня. — Хлеба нет, спичек — тоже. Не убьют ведь, поди.

— Не убьют, не убьют, — заворчал Мишка, — смеяться зато будут. — Помолчал маленько и добавил тихо: — Иди один, расскажешь все, а я Вадьку тут буду ждать. А то разойдемся.

— Не пойду я один. Я от тебя никуда не пойду. Если ждать, то будем вместе.

Мишка не ответил.

Вадим положил больную ногу на кочку. В таком положении она меньше ныла. Сколько раз он пытался идти, но больше двадцати шагов сделать не мог. Нога опухла до самого бедра, не гнулась. На коленке, в месте вывиха, опухоль угрожающе синела.

Совсем рядом клокотала речушка, и от такой близости к ней становилось еще обиднее: речка рядом, а лодки нет. До лодки, наверно, километра три...

«Как же дальше? — мучительно раздумывал Вадим. — Найдут ли? Да и пойдут ли искать?»

Вадим успокаивал себя: «Они должны прийти. Они все равно придут...»

Нет, невозможно лежать в бездействии. Надо идти... прыгать на одной ноге, ползти, лишь бы не лежать! И Вадим, опираясь на ружье, пополз. Руки погружаются в сырой холодный мох, высокая трава бьет жесткими стеблями по лицу. Ухватившись за березку, стал подниматься. И опять боль, от которой из глаз брызнули слезы, пронзила его.

— Мишка-а-а! — отчаянно закричал Вадим. — Я не могу идти, слышишь, не могу-у-у...

Пещера Ермака

Всю ночь следопыты просидели под спасительным камнем. А утром продолжили поиски пещеры. Теперь они ходили кругами, причем, каждый новый круг был

шире. Тщательно осматривали каждый овражек, каждую горку. Сбивало с толку то, что лес в этом месте рос еловый, а на плане было указано, что около пещеры он смешанный. Но вскоре, когда отошли на километр от узкой лощины, по которой протекал ручеек, пошел сосняк вперемежку с ольхами и березами.

Неожиданно наткнулись на мрачную скалистую гору. Огромные камни, выпятив крутые лбы, грозно нависли над ребятами.

— Неужели она? — не скрывая волнения, проговорил Сергей Петрович.

— Она! — горячо подтвердил Ваня Савельев.

Гора напоминала средневековый замок, который подвергся жестокой осаде. Мощные гранитные плиты вдоль и поперек пересекались причудливыми трещинами, из которых проблескивали кварциты. В толщах отдельных камней зияли впадины, похожие на окна.

По наклонному карнизу, придерживаясь за угловатые выступы камней, ребята поднялись вслед за Сергеем Петровичем на ровную площадку. На ней валялись сосновые шишки, в глубоких щелях прижились тощие вереск. На самом краю площадки мостилось сложенное из сухих толстых палок гнездо орла.

Выше, почти отвесно поднималась гладкая, отшлифованная ветрами стена, лишь в одном месте виднелся узкий, в две человеческие ступни, уступ. Он начинался от подошвы площадки, спиралью опоясывал стену, скрывался на той стороне, появлялся снова и выходил на круглую террасу. Эта терраса находилась так высоко, что даже смотреть на нее было жутко.

С высоты далеко открылись окрестности.

— Как тут красиво... А как страшно...— прошептала Тома, невольно приседая и держась за Ваню.

Чем внимательнее Сергей Петрович смотрел на узкий наклонный уступ, тем озабоченнее становилось его лицо. Только по уступу можно подняться на террасу, и подняться может только легкий и достаточно умелый человек.

А отступать обидно — до цели, до настоящего, может быть, исторического открытия оставалось всего несколько шагов.

Сергей Петрович посмотрел на ребят. Кто из них мог бы подняться?

Ребята догадывались, что хочет от них Сергей Петрович и тоже выжидающе смотрели на него. А он не торопился с выбором. Посмотрел, подумал и сказал:

— Если бы знать, кто из вас лучше по скалам лазает... Перед нами сейчас два пути — или поворачивать обратно, или взойти по уступу на террасу. А это дело нелегкое. Взрослому человеку тут не подняться.

— Давайте я попробую,— выступил вперед Игорь.— Я тренировался, лазил по отвесной стене на известковом карьере. В прошлом году, когда готовился к соревнованиям.

— И я могу,— сказал с готовностью Павлик.— Я хоть не лазил по стене, но по уступу поднимусь.

— А я что, хуже вас? Да я всех легче, я полезу на скалу,— зашумел Ваня и встал рядом с Сергеем Петровичем.

— А я боюсь,— призналась Тома.— Я сразу свалюсь...

— Подождите,— остановил ребят Сергей Петрович,— так договоримся. Сделаем маленькую проверку, кто выдержит эту проверку, тому и лезть на скалу.

— А как проверять будете? — недоумевал Ваня.

Сергей Петрович подошел к стене, с силой подергал ребристый камень, выступивший на высоте его роста.

— Ты и иди сюда первый, — позвал он Ваню.— Показывай свою силу.

Сергей Петрович подхватил Ваню за бока, поднял к камню.

— Держись. Крепче! Теперь подтягивайся.

Сергей Петрович отошел.

Повиснув на руках, Ваня извивался, дулся, кряхтел, но так и не мог дотянуться подбородком до камня.

— Довольно, отпускайся.

— Как?! — испуганно простонал Ваня.

— Разожми пальцы — и готово.

Ваня разжал пальцы, ухнул на площадку и тут же, не сдержав равновесия, опрокинулся на спину.

— Ничего, есть сила...— серьезно сказал Сергей Петрович.

Павлик вцепился в камень мертвой хваткой, с натугой подтянулся, опустился на вытянутые руки, с большим напряжением подтянулся еще раз. На третий заход сил не хватило, и он, не дожидаясь команды, раз-

жал руки. Павлик не упал, но его немного повело в сторону.

— Отлично!— похвалил Сергей Петрович.

Дошла очередь до Игоря. Никто не ожидал, что Игорь допрыгнет до камня без посторонней помощи. С первой попытки он ухватился за выступ, легко подтянулся и, сделав сильный, отработанный рывок, оседлал камень ногами. Еще одно усилие — и Игорь стоял на выступе.

— Какой цепкий!— не удержалась от восхищения Ира.

Но на этом испытание не кончилось. Сергей Петрович по одному подводил ребят к краю площадки и заставлял взглянуть вниз.

Мужественно шел к обрыву Ванек Савельев, но в последний момент нервы его сдали. Увидев под собой торчащие пиками вершины деревьев, попятился, внутри у него похолодело.

Павлик Назаров смело смотрел с высоты, но отойдя от края, честно признался:

— Голову кружит, как на карусели...

Игорь спокойно подошел к обрыву и так же спокойно посмотрел вниз и по сторонам. Он даже столкнул носком сапога сланцевую плитку и хотел проследить, как она падает, но Сергей Петрович не дал этого делать.

— Вот теперь и решайте, кому идти на вершину,— сказал он.

— Нечего решать, капитан пойдет, — без колебаний предложил Павлик.

Возражать никто не стал.

Сергей Петрович спустился вниз, еще раз осмотрел гору. Нет, другого пути на вершину не существует. Снова поднялся он на площадку. Несколько минут ушло на инструктаж.

— Не торопись, прежде чем ступить, прощупывай ногой место, не смотри вниз,— наставлял Сергей Петрович. Потом обмотал вокруг талии Игоря капроновую бечевку, проверил, хорошо ли застегнуты пуговицы.

— Все в порядке! — бодро сказал он и проводил Игоря до уступа. — Удачи тебе, капитан!

Игорь скрылся за площадкой. Потянулись томительные минуты ожидания.

Время остановилось. Ире вдруг сделалось жарко, и она расстегнула ворот куртки.

Ребята слушали осторожные шаги капитана и чувствовали, что поднимается он уверенно. Но вот над головой что-то зашуршало, полетели, застукали о землю камни. Шум нарастал, превращаясь в грохот обвала.

— Упал! — крикнула Ира, вскакивая.

Сергей Петрович схватил ее за руку, прижал к себе.

— Тебе показалось, никто не упал. — И спросил спокойно, как будто не слышал грохота падающих камней: — Ну, как там дела, капитан?

— Все в порядке...— ответил Игорь с высоты.

Через минуту он появился на видимой стороне скалы. Оставалось пройти по наклонному карнизу. Навалившись всем телом на стену, раскинув руки, Игорь тихо, ступня к ступне, двигался к террасе.

И вот послышался радостный возглас:

— Я на террасе, вижу отверстие грота!

Однако радость была преждевременной. Тут же Игорь сообщил, что обратный путь ему отрезан — обвалился кусок стены с частью уступа.

— Спустишься по веревке, проходи в грот! — крикнул ему Сергей Петрович.

...Из темного подземелья дохнуло холодом и сыростью. Игорь зажег фонарик и осторожно пошел по узкому извилистому коридору. Здесь не было ни сталактитов, ни сталагмитов, без которых Игорь не представлял себе пещеры. Только черные отпотевшие камни выступали из стен.

Светом Игорь растревожил летучих мышей. Они кувыркались в воздухе, мелькали над головой.

Коридор вывел в просторный круглый грот. Под ногами захлюпала вода. «От вчерашней грозы», — подумал Игорь, перескакивая с камня на камень.

Сбоку узким лучиком блеснул свет. Свет пробивался откуда-то из стены. Игорь разобрал рассыпающиеся в руках выветренные гранитные плитки, и дневной солнечный свет хлынул в пещеру! Посветлело и на душе. В образовавшееся окно Игорь увидел лес, горы.

Теперь можно было осмотреться без фонарика. На середине «комнаты» возвышался ровный квадратный камень. Такие же камни стояли у стен. Когда-то, если

пещера действительно служила жильем, они, видимо, заменяли столы. В дальнем углу виднелся какой-то бесформенный предмет.

Покрытая землей и ржавчиной толстая металлическая труба напоминала не то самовар, не то орудийный снаряд. Не сразу удалось и вытащить ее. Чугунная плита, к которой была прикреплена труба, плотно сидела в каменистой земле. Но когда Игорь все же выволок ее к свету, он так и ахнул от радости и изумления — пушка!

Обмотав пушечку концом веревки, Игорь волоком протащил ее через темный коридор на террасу. Подыскал надежный камень, привязал за него другой конец. Самым трудным было спустить тяжелый груз без рывка с краю террасы. По совету Сергея Петровича Игорь нащупал рукой подходящую овальную кромку без острых зазубрин, и, лежа, толкнул пушку ногой. Дальше все шло хорошо. Только жгла ладони скользившая веревка.

Еще не утихли внизу ликования по поводу находки, когда Игорь спустился на площадку. Ему не дали коснуться земли. Сильные руки Сергея Петровича подхватили его и несколько раз качнули под веселые громкие возгласы ребят.

Дым над берегом

— Дым, ребята, дым! — неистово закричал Ваня, показывая в сторону реки. Сергей Петрович остановился, спустил со спины пушечку. Игорь и Павлик побежали к высокому камню, на который уже карабкались девочки и Ваня. Над берегом сизыми клубами поднимался дым от костра.

— Точно, на нашей стоянке костер! — убежденно сказал Ваня.

Подошел Сергей Петрович и, протерев очки, подтвердил Ванину догадку: дым поднимался с места их лагеря.

Ребята скатились с камня и, обгоняя друг друга, побежали под гору. Сергей Петрович, обремененный грузом, отстал. Бежали напрямик по густому еловому под-

лесью. Руки и лицо царапали колючие ветки. Но на это сейчас никто не обращал внимания.

У костра сидели Мишка и Сеня. Ребята едва узнали их. Рубаха на Мишке была разорвана, голую грудь кусали комары, и он закрывался полами широкого пиджака. Сеня помешивал в котелке варево, Мишка свободной рукой подкладывал в огонь дрова. От костра вместе с привычным запахом дыма тянуло ароматной грибницей.

Сеня услышал потрескивание сушняка под ногами Сергея Петровича, вскочил. Взглянув на него, неторопливо поднялся Мишка. И тут они увидели ребят. Сеня так растерялся, что опять сел, а Мишка зачем-то потащил от костра дрова.

— Здравствуйте, пираты, — подходя ближе, поздоровался Игорь.

— Здрас-те, — пробормотал в ответ Сеня.

В голосе его прозвучало столько тревоги и раскаяния, что у ребят сразу отпало желание ругать его.

Они сели рядом с Сеней. Мишка бросил хворост, тоже сел. Никто не начинал разговора.

За деревьями показался Сергей Петрович. Подошел к костру, опустил кладь на землю, облегченно выпрямился, потирая поясницу, и, словно только что заметил пришельцев, воскликнул:

— Ого! Гости? Ну что ж, в нашем полку прибыло!

Сеня, не поднимая глаз, несмело начал:

— Я... Не хочу оправдываться... пускай изменник... Иначе я не мог... Так получилось...

Мишка вдруг резко оборвал Сеню:

— Хватит, не об этом надо! Потерялся Вадька... Не вернулся с охоты. Мы не могли его найти... У него нет хлеба...

Мишка замолчал, шумно сопя носом.

— Значит, в беде самый главный «мститель» — снимая сапоги, сказал Сергей Петрович. — А вы-то как не потерялись?

— Он ушел на охоту один, — угрюмо ответил Мишка.

Сергей Петрович переобулся, встал.

— Искать Вадима со мной пойдет капитан и ты, — он указал на Мишку. — Примерно знаешь, куда он ушел?

— А как же! — вскинул заблестевшие глаза Мишка.— Он уплыл по протоке на лодке.

— Вот и хорошо. Пообедаем и пойдем.

Ваня обиженно спросил:

— А мы?

— Вы заготовите бревна на плот. Найдете сухие деревья, свалите их. Главным у вас будет Павлик. Теперь нам дорог не только каждый день, но и каждый час. Ведь нам еще долго плыть. Понял?

Ваня кивнул головой.

Солнце тяжелым огненным диском повисло в розовых сумерках. На смену дневному светилу на небе все ярче, отчетливее проступала луна.

Сергей Петрович, Игорь и Мишка добрались до места, где Сеня забыл свой рюкзак. Он так и лежал в высокой траве. Не нашли только шляпу Вадима — наверное, унесло во время грозы.

— Что же вы не вернулись за рюкзаком? — спросил Игорь.

— Сперва побоялись вас, а потом подумали, что вы его подобрали...

Хоть и не много было продуктов в Сенином рюкзаке, к тому же часть их размокла, но и они сейчас были очень кстати.

К протоке пришли уже затемно. Вадима по-прежнему не было. Сиротливо висела оставленная на палке записка. Сергей Петрович решил продолжать поиски ночью.

Они шагали по заболоченному берегу все дальше и дальше. То ли ноги сплетала крепкая осока, то ли они подвихивались сами от усталости, только Мишка и Игорь часто падали. Белый месяц, как верный помощник, освещал им путь. В небе парили прозрачные облака. Иногда они сгущались, на время прятали месяц. Тогда в лесу становилось темно, как в глубоком колодце.

В кочках под кустами бесчисленными огоньками мигали светлячки. Где их собиралось особенно много, трава горела зеленоватым огнем, будто освещенная изнутри. В недвижимом воздухе бесшумно сновали мягкокрылые козодои, где-то далеко, должно быть в

сосновом бору за речкой, недовольно и глухо кричал свое ночное «фу-бу» филин.

От росы все вымокли. Заденешь куст плечом — и на тебя обрушится поток воды. Но Сергей Петрович и ребята упорно шли, останавливаясь лишь для того, чтобы еще и еще раз покричать Вадима.

Вот и каменистая горка, откуда вернулись Мишка и Сеня. Мишка сразу узнал развесистый, посеребренный луной кедр.

— Дальше мы не ходили, — сказал он, — здесь отдохнули и пошли обратно.

Время перевалило за полночь. Засветлела утренняя заря. Луна поблекла и огромным пятном замерла над лесом. В сумрачной дали неба одиноко блестела какая-то яркая звезда.

Сергей Петрович поднялся на крутой угор, подождал отставших ребят. Они с трудом нагнали его и разом сели на поваленное дерево. Глаза закрывались, не чувствовалось ни рук, ни ног. Только сердце устало и надрывно билось: тук-тук, тук-тук.

— Где же вы лодку взяли? — спросил Сергей Петрович.

— Купили, — вяло ответил Мишка, облизывая сухие губы. — Купили в Кедровке, утром, когда вас уже не было.

— Кто же вам ее продал?

— Старик один. Вадька сказал, что от вас отстали, а он вас видел, и продал. Законопатить даже помог.

— А деньги?

— Много у Вадьки денег, кошелек полный. Пять рублей Вадька отдал, старик не взял больше.

Мишка очень хотел пить, Сергей Петрович разрешил выпить несколько глотков воды. Мишка спустился к воде и вдруг с берега закричал не своим голосом:

— Вот она, идите сюда! Здесь лодка!

К комлю осины была привязана небольшая лодчонка с высоким носом и низкими, вогнутыми бортами. До половины она была затоплена водой.

— Наша! — утвердительно сказал Мишка.

— Тогда Вадим где-то близко, — спохватился Игорь, поднес ко рту ладони и закричал.

Чуткая утренняя тишина троекратным эхом разнесла крик по лесу.

— У-у-у...— донеслось в ответ.

Нет, это не обман напряженного слуха и не эхо, это ответный крик!

Откуда только взялись силы! Ребята бежали, оставив далеко позади Сергея Петровича. Они падали, помогали друг другу подняться и снова бежали, оглашая лес призывными криками.

— Вади-и-им, где ты-ы! — остановившись, еще раз крикнул Игорь.

— Ребята, я здесь!— отчетливо послышался ответ.

Игорь не мог больше бежать, пошел шагом. Не хватало воздуха, в боку кололо.

Уже широко рассветало, и лес оживал. Перекликались синицы-московки, где-то сердито кричала разбуженная кукша. Измученный Вадим не видел спешивших к нему людей, а собственному слуху не доверял. Много раз уже чудились ему такие крики... Но вот в утреннем тумане выткались две человеческие фигуры.

«Все-таки пришли!»

Отбросив в сторону палку, на которую опирался, Вадим кинулся навстречу, забыв о больной ноге, но тут же охнул и упал лицом в мокрую траву. Игорь и Мишка подхватили его под руки.

Будем друзьями!

Игорь и Вадим плыли в лодке. Сергей Петрович и Мишка возвращались по берегу. Вадим полулежал, навалившись на мягкие тальниковые прутья. Игорь с веслом сидел на корме.

Вадим сильно изменился — щеки впали и розовели нездоровым румянцем, глаза неестественно поблескивали. Проплывали мимо низкие берега с затейливой росписью тихих полянок, одинокие зеленокудрые черемушины у самой воды глядели и наглядеться не могли на свое великолепное отражение.

Игорь энергично загребал веслом воду то с одной, то с другой стороны борта. Светлые брови его хмуро сдвинулись к переносью. Белые бурунчики завивались за кормой лодки, оставляли длинный пенистый след.

Недалеко от устья речка разлилась, течение замедлилось. Игорь положил весло.

— Вадим, — сказал он приглушенно, — послушай меня.

Вадим давно ждал этой секунды, резко повернулся к Игорю, и в глазах его мелькнула решимость. Все, что мучило его, все, что накипело в сердце, вдруг разом выплеснулось наружу.

— Я сам... ты молчи,— Вадим, опираясь руками о борта, порывисто приподнялся, пододвинулся к Игорю и с жаром заговорил: — Знал бы ты, как противно на душе! Все передумал. Я делал все тебе назло, потому что... я ненавидел тебя...

Вадим нервничал. Кончики ушей его покраснели, голос напряженно звенел.

— А теперь я все понял... Заговорами и угрозами ничего не сделаешь, никого не запугаешь. Но я не хотел, чтобы ты был капитаном. Ты, конечно, догадался, что письма мы подбрасывали... я подбрасывал. Что Сеньку мы переманили... Да, не стоит, вы и так все знаете...

Выпалил без передышки, сразу сник, обмяк, словно сбросил с плеч тяжелый груз, и медленно отодвинулся на место. И уже другим голосом, дрогнувшим, слабым, добавил:

— Мишка и Сенька тут ни при чем. Я придумал эту погоню, я их сговорил...

Вадим снова отвернулся. На ресницах его блеснули слезы. Вадим долго не моргал, стараясь удержать их, но слезы все же скатились и задрожали на губах, на подбородке.

Лодка, влекомая течением, плыла медленно. За днище цеплялись водоросли. Игорь ловил рукой белые, упругие, как гуттаперчевые шарики, лилии. Стайки мелкой рыбешки всплывали на поверхность, следовали за лодкой. С береговых отмелей взлетали серые кулички и, вытянув длинные голенастые ножки, с тревожным свистом уносились прочь.

Вадим, не стесняясь больше слез, повернулся к Игорю.

— Я попрошу прощения у ребят, у Сергея Петровича...

Игорь взял весло, вырулил на середину реки. И вдруг предложил:

— Будем друзьями!

Вадим растерялся, ему подумалось, что он ослышался... Игорь протянул руку. Вадим дернулся с места, да так, что закачалась лодка, обеими руками сгреб руку Игоря и сдавил ее сколько было силы...

К лагерю они подплывали в полдень. Нелегко грести против течения. Где было мелко, Вадим помогал Игорю, отталкиваясь шестом. Влажный ветерок ласково трепал нежные стрельчатые побеги тальника, морщил воду, разгонял волну. В прогалины между кустов к самой воде подступали заросли купальницы и лютика. От их бронзово-желтого цветения поляны словно плавились на солнце. Среди морошника, осоки и ядовитой чемерицы покачивали бледно-розовыми пестиками раковые шейки, голубыми глазками проглядывали незабудки. Ровно гудели вершины деревьев, в прозрачной синеве неба державно парили две крупные птицы.

Особенно желанным показался знакомый берег сейчас, после бессонной, беспокойной ночи.

Ребята издали заметили лодку и приветствовали ее появление криками. Вадим тревожно вслушивался, стараясь понять, что они кричат.

Встреча была совсем не такой, к какой приготовился Вадим. С ним поздоровались так, словно только вчера он был здесь. Никто не упрекнул, никто не упомянул о прошлом.

Сергей Петрович и Мишка были уже в лагере. Они срезали порядочный угол и сократили путь. Сергей Петрович на руках перенес Вадима к костру.

— Ну, как нога?

Еще там, на берегу протоки, Сергей Петрович выправил вывих и наложил на ногу тугой жгут. Теперь опухоль уменьшилась.

— Ну вот, дело идет на поправку.

У костра на горячих углях стоял котелок. Павлик подцепил его за дужку кривой палкой, поставил перед Вадимом.

— Уха! Ванька сегодня отличился...

— А где он? — спросил Игорь.

— Рыбачит... Уже две ухи сварили, это третья. Здорово у него получается! На каких-то букашек ловит.

Подошла Тома.

— А у нас еще что-то есть,— Тома с трудом выволокла из-под куста рюкзак, наполненный ровненькими ядреными обабками.

— Сколько их, сколько их — ступить негде! Наверно, после дождя столько наросло, — восхищенно говорила она, любуясь грибами.

На горке у кромки леса виднелся рядок бревен.

Ира Сергеева заметила, что Игорь смотрит на них и не без гордости доложила:

— И я рубила... Павлик, Сеня и я. Ваня рыбу ловил. Тома грибы собирала. А мы рубили. Это еще не все бревна, самые толстые не смогли притащить.

Мишка спал. Спал тут же, у костра. Сеня сидел рядом и отгонял от него комаров. Он присел к нему, как только Мишка вернулся, и больше не отходил.

Сеня смотрел на скуластое Мишкино лицо, на толстые, плотно сжатые губы и чувствовал, что навсегда бесконечно дорогим стал для него этот паренек.

Сергей Петрович присел к Сене, тоже посмотрел на Мишку.

— Кремень! — сказал он. — С таким хоть куда не страшно.

Потом, что-то вспомнив, перевел взгляд на Сеню.

— А зря ты, друг, закапывал его. И рубаху зря порвал. Ты бы мог просто задушить его землей.

— Я все пробовал.

— Знаю, что пробовал. Ты вел себя мужественно, только запомни — закапывать пострадавших от электрического разряда нельзя.

После обеда Игорь и Вадим уснули. Ни Мишка, ни Вадим, ни Игорь не слышали, как ребята с Сергеем Петровичем перенесли их в палатку. Не видели они и вечернего костра, который долго пылал, разгоняя мглу, бросая алые отблески на стволы деревьев, на сонную реку и освещая сгорбленную фигурку дежурившего у огня Вани Савельева.

Прощай, Кокуй-городок!

Раньше всех утром проснулся Сеня. Клубился над рекой туман, солнце розовыми стрелами-лучами прокалывало сумрачный и тихий лес.

Поеживаясь от холода, Сеня собрал оставшиеся с ночи дрова, сложил их на теплом пепелище и поджег. Затем сбегал в лес и приволок сухую вершину. Взял топор, хотел рубить, но, подумав, положил топор на место — жаль было будить ребят.

Собрал почерневшие от сажи кружки, котелки, понес их к реке. Мокрая трава дымилась и сверкала. Ступишь шаг — и с травы падает звездный дождь.

У воды Сеня опять замешкался — на теплой отмели резвились рыбешки-мальки. Не хотелось пугать их, и Сеня побрел по берегу. Хорошо было кругом! И вода сегодня какая-то особая, с бирюзовым оттенком, совсем не холодная, а уж такая прозрачная, что небо, опрокинутое в нее, кажется еще синее. И солнце такое ласковое, и птицы щебечут веселее обычного. И, наверное, от всего этого у Сени возникло желание сделать что-то большое, заметное, чтобы ребята окончательно убедились в его верности, поняли, что и он, Сеня, достоин настоящей дружбы.

Кончилась, бесповоротно ушла в прошлое дурацкая игра в «мстителей». Больше не терзает, не мучит совесть. Он вновь обрел спокойствие и друзей.

И Вадим рад. Он тоже теперь следопыт, а не какой-то пират. Вчера он сам это сказал. При всех. Буду, говорит, всегда с вами.

Сеня до блеска выдраил кружки, набрал в котелки воды, пошел обратно. Надо было еще почистить грибы. Нашел ножик, вытащил из-под куста рюкзак с грибами. Над поляной взлетела маленькая птичка-юла, распустила крылья и плавно опустилась на верхушку ивы. Сене захотелось петь, и он негромко начал:

Под скалой отвесной
Дым походного костра.
Здравствуй, берег неизвестный,
Незнакомые места...

Грибница уже вовсю кипела, когда из палатки показался Сергей Петрович.

— Ты почему не спишь?

— Завтрак готовлю, — смутился Сеня.

Сергей Петрович присел на корточки у костра, шумно потянул носом.

— А у тебя, дружба, неплохо получается. Ишь, как вкусно пахнет!

— Давайте я всегда буду варить, — вызвался Сеня.

Сергей Петрович прихлебнул деревянной ложкой грибницы, положил тяжелую руку на плечо Сене:

— В следующих походах, дружба. А пока подсоли грибницу.

Бодрый окрик Сергея Петровича в одну секунду поднял ребят. Все побежали к реке. У палатки остался один Вадим.

— Попробуем встать? — предложил Сергей Петрович.

Он помог ему подняться. Шаг, еще шаг. Вадим стиснул зубы, намертво вцепился в руку Сергея Петровича. Осторожно, пяткой приступая на больную ногу, дошел до берега и умылся. Сергей Петрович снял с ноги жгут, осмотрел ее и больше не забинтовывал.

А Сеня тем временем уже накрывал «стол» — так он назвал разостланный на земле кусок брезента. На ровные кучки делил сухари, раскладывал ложки. И не беда, что в грибнице плавали крохотные угольки, котелки быстро опустели.

Потом все вместе носили толстые заготовленные бревна. Плот получался большой, заостренный в передней части. Веревок хватило только на крепление основных нижних бревен, верхние связывали березовыми прутьями, распаренными над огнем. Этим делом занимались Игорь и Павлик. Сергей Петрович делал главное — подравнивал, подрубал бревна, связывал их.

Через несколько часов плот был готов. Построенный из прямых еловых сушин, он обладал отличной плавучестью и свободно поднимал весь отряд.

— Ни проволочек, ни гвоздиков! — гордо воскликнул Ваня.

Вадим, помогавший Сергею Петровичу подгибать и закручивать в узлы горячие распаренные прутья, спросил:

— Читал про американца, который на плоту переплыл океан?

— Читал про какого-то Вильяма, а что?

— Чем у него плот был скреплен?

— Веревочными канатами. Так то были канаты да еще какие, а не тонюсенькие веревочки и не прутья.

— Так то был океан, а не речка, — не уступал Вадим.

Ваню вдруг что-то осенило, и он умолк ненадолго. Потом закричал:

— Ребята, ох и здорово!— да вы знаете, что означает наше путешествие на Кокуй-городок? Это третье по счету путешествие. Первое — «Кон-Тики», ну, норвежцы плавали на плоту, второе — вот этот самый американец, «На плоту через океан», а третье — мы, русские ребята! Только у них обо всем написано, а у нас еще нет. Давайте и мы напишем, как приедем домой...

Почему-то никто не засмеялся. Один Сергей Петрович улыбнулся в щетинистый подбородок и то ли шутя, то ли серьезно спросил Ваню:

— Ну, а как же мы назовем свою книжку?

Ваня помедлил немного, потом воскликнул:

— Кокуй-городок! Вот как мы назовем свою книжку.

— А плот? Как мы свой плот назовем? — спросила Ира.

Наперебой начали предлагать названия: «Кокуй», «Урал», «Фрегат» и даже «Дельфин». Но все это было не то.

— Вот что, ребята, надо назвать плот таким словом, значение которого вы по-настоящему поняли здесь, в походе,— сказал Сергей Петрович.— Какое же это слово?

И тут поднял руку Вадим.

— Я предлагаю назвать плот «Дружба».

— Правильно! «Дружба!» — в голос закричали ребята.

Поспел приготовленный Сеней и Томой обед. Последний обед в Кокуй-городке!

В котелках бурлила запашистая уха из мелких ельчиков и пескарей, наловленных вчера Ваней. Ели уху с большим аппетитом и все хвалили Ваню. Ваня довольно улыбался.

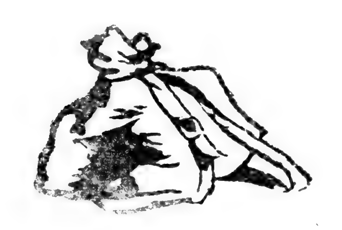
Солнце клонилось за полдень. Все было готово к отплытию. Сняли палатку, собрали, разложили по местам пожитки. Пусто как-то стало на берегу. Остались только вбитые в землю колья, да протоптанные в разные стороны тропинки. Унесли на плот пушечку и меч, пустые рюкзаки и лишнюю одежду положили в лодку.

На месте палатки, на выбитой земле, ребята сложили из камней маленький тур и в нем, в пустой консервной банке, оставили записку. В записке говорилось об успешном завершении похода и названы были фамилии всех его участников. Здесь же, возле тура, Сергей Петрович сфотографировал отряд.

— Храните. Для вашего школьного музея...

«Дружба» и лодка медленно отчалили. Лодка сразу зашла вперед. В ней опять сидели Игорь и Вадим. Остальные заняли свои места на плоту. Ребята неотрывно смотрели на горделиво поднявшуюся, пылающую от вечернего солнца гриву леса, последний раз слышали отдаленный грохот Кокуя. И радостно, и грустно было расставаться с берегом, на котором они прошли через испытания мужества, силы, выдержки и дружбы.

Прощай, Кокуй-городок!

ОГЛАВЛЕНИЕ

ФОМИН ЛЕОНИД АРИСТАРХОВИЧ
КОКУЙ-ГОРОДОК

Редактор *И. Круглик.* Художник *Ю. Полуэктов.* Художественный редактор *Ю. Сакнынь.* Технический редактор *Н. Пальмина.* Корректоры *Т. Блохина* и *М. Казанцева.*

Подписано к печати 25/I 1964 г. Уч.-изд. л. 6,95
Бумага 54×84/16=4,0 бумажного — 6,56 печатного листа.
НС 21102. Тираж 30000 Заказ 812. Изд. № С19. Цена 36 коп.

Тип. изд-ва «Уральский рабочий», Свердлловск, проспект Ленина, 49.

тор
на

,95

оп.

36 коп.

СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
1964